КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Д. КАРА

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ
Д. КАРА

Дьердь Кара родился в Будапеште в 1935 г. Получил востоковедное образование по монгольской филологии, алтаистике и тибетологии у профессоров Л. Лигети и Ю. Немета в Будапештском университете имени Л. Этвеша. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1959 г. Д. Кара преподает на филологическом факультете Будапештского университета, с 1970 г. — доцент. Принимает участие в исследованиях по среднемонгольской письменности под руководством академика Л. Лигети.

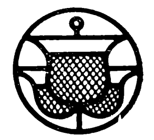
Д. Кара опубликовал более 60 статей и несколько книг («Песни монгольского барда», «Краткая антология монгольских литератур», «Жизнь тибетолога Александра Чома Кёрёши»).

В 1968 г. Д. Кара работал в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР, где на основе богатого собрания письменных памятников монголоязычных народов написал настоящую книгу.

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

материалы и исследования

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. КАРА

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

(семь веков монгольской письменности)

Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

4
К21

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Книга Д. Кары является наиболее полным исследованием, посвященным истории письменности монголоязычных народов и памятников этой письменности.

1-6-2
240-72

ОТ АВТОРА

Монгольской книге более 700 лет. Она родилась в грозном XIII в., когда монгольские всадники появились на обширных пространствах Евразии, от берегов Желтого моря до Адриатики. Только что возникшему кочевому государству, «отравленному» культурой разгромленных стран и покоренных народов, уже требовалась своя письменность, свои грамотеи и даже печатные книги. На листах этих книг слились традиции различных культур Центральной Азии, Китая и Индии, традиции воинственных кочевников и оседлых земледельцев, шаманистов, буддистов и мусульман, христиан-несториан и конфуцианцев, уйгур, тибетцев. Письмена и книги монгольских кочевников оказались долговечнее их мировой державы. Сохранились императорские грамоты об освобождении монастырей разного толка от налогов, письма о монголо-французских дипломатических связях на рубеже XIII и XIV вв., эпитафии в стихах о доблестях верных слуг и высеченные на скалах грустные четверостишия о любви. Сохранились буддийские сочинения с индийскими притчами, заклинаниями и сложными философскими трактатами. Встречаются сборники любовных песен и записи былин, предсказания погоды и житейские советы, переводы с тибетского или с китайского и самобытные монгольские сочинения. Известны книги в форме пальмовых листьев и книги «гармоникой», рукописи и печатные издания, «карманные» книжки и огромные, тяжелые тома, заурядные ксилографы и лицевые инкунабулы. В них бытует целый ряд алфавитов: некоторые из них ближневосточного происхождения, другие связаны с индо-тибетским миром, их буквы пишутся то сверху вниз, то слева направо, соединяются они то по словам отвесной нитью, то по слогам в прямоугольнике; порой они образуют сложные узоры.

Монголы, буряты и калмыки наших дней — читатели и писатели моря новых книг — могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков, беспокойная история которых вовсе не благоприятствовала развитию грамотности. Ряд ученых трудился и трудится над толкованием дошедших до нас памятников монгольской письменности. Благодаря их усилиям стало известным и «Сокровенное сказание», одно из самых ранних сочинений монгольской словесности, содержащее тайную летопись Чингиз-хана, деяния его и его сына Угедея. Эта замечательная книга переведена на многие языки мира и вошла в мировую литературу. Однако много еще не разрешенных вопросов, связанных с изучением «Сокровенного сказания», и еще

больше неоткрытых, целинных просторов в истории монгольского слова и культуры.

В библиотеках и музеях многих городов мира бережно хранятся памятники монгольской письменности. Одна из важнейших сокровищниц монгольских книг — и притом самая большая в Европе — город на берегах Невы. Богатые ленинградские собрания монголоязычных памятников, в первую очередь монгольский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и монгольский фонд Библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета, представляют большие возможности для исследователя культуры, языка, литературы и истории монгольских народов. Среди таких городов — сокровищниц монгольских книг, как Улан-Батор, Копенгаген, Киото, Париж и Пекин,— Ленинград выделяется и вековыми традициями монголоведческой науки, и блестящей плеядой российских монголистов. Здесь хранится коллекция монгольских рукописей И. Иерига, ученого переводчика XVIII в., здесь и книги из собрания О. Ковалевского, и драгоценные фрагменты средневековых записей и первопечатных книг из мертвого города Хара-Хото, здесь можно листать рукописи и ксилографы, собранные А. Позднеевым, Ц. Жамцарано и Б. Владимирцовым. На прочной мягкой бумаге XIII в., на пожелтевших, хрупких листах пекинского производства времен Нерчинского договора или на синеватой русской бумаге с филигранью эпохи Пушкина можно проследить то бурную, то неспешную историю степи и степной культуры.

Настоящий краткий очерк родился в Ленинграде, в цитадели мирового востоковедения, где я имел честь работать быстро пролетевший год. На следующих страницах мне хотелось бы, правда лишь отрывочно, показать сложное прошлое книги и письмен монголоязычных народов, их неразгаданные загадки и уже протоâренные тропинки знания.

Дьердь Кара

ИЗ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Жизненный путь монгольской книги, ее рождение и перерождения — важная часть истории культуры монголоязычных народов. История книги везде связана с жизнью и творчеством людей: в ней отражаются события литературы, она имеет много общего с историей религии, известны ее связи с развитием техники, но, разумеется, она связана прежде всего с историей письменности [1]. У народов Центральной Азии эта история является обычно сложной; она такова и в данном случае. Письменная культура монгольских народов наших дней зародилась в XIII в., и ее история, более или менее параллельно политической и культурной истории, разделяется на три эпохи: 1) возникновение (в политической истории — становление монгольской государственности; в истории культуры — стык китайских, отчасти чжурчжэньских, тангутских, тюркских и тибетских влияний, первое знакомство монголов с буддизмом; в истории языка — среднемонгольский период, формирование литературного языка), 2) возрождение (в политической истории — попытки восстановления единства монголов, XVI—XVII вв.; в истории культуры — влияние буддизма и тибетской культуры; в истории языка — переход к классическому языку и формирование литературных наречий), 3) создание современных письменностей (возрождение и развитие монгольских народов в содружестве социалистических наций; встреча с мировой культурой; современные литературные языки). Хотя в течение последних семисот лет монголы пользовались не менее чем десятью алфавитами, заимствованными из разных культур или созданными под их влиянием, для двух первых эпох характерно господство письменности уйгурского происхождения, традиции которой не оборвались и по сей день; однако у большинства нынешних монгольских народов старая письменность уступила место новой, созданной на основе русской кириллицы. Встает вопрос: имели ли монголы какую-либо письменность до XIII в.? Как нам представляется, нет. Однако этот отрицательный ответ касается лишь определенной группы племен, а именно тех, которые образовали северную, прибайкальскую ветвь древних монголоязычных народов. Из них выделились и монголы Чингиз-хана. В китайских источниках говорится, что у этих монголов «все было устное». Отдельным группам южной, хинганской ветви раньше, чем другим, удалось создать свою государственность и впоследствии — свое письмо.

От монгольских памятников дочингизовой эпохи мало что сохранилось. О них имеются только скудные, иногда загадочные сообщения или они представлены немногочисленными и практически нерасшифрованными надписями. Много памятников исчезло в позднейшее время: они часто становились жертвами войн, пожаров, невежества, религиозной нетерпимости, но то, что осталось, говорит о развитой письменной культуре монголов и о силе воздействия на них древних культур Ближнего Востока, Индии и Китая.

Табгачский литературный язык и киданьская письменность

Ю и цянь янь — «справа перевод предыдущих слов» — гласят иероглифы в конце китайской надписи при усыпальнице танского императора. Каменописный памятник воздвигнут в 1134 г. полководцем и братом чжурчжэньского владыки по случаю восстановления им же надмогильного храма[2]. Этот храм, работа древних зодчих, снова стал жертвой беспощадного времени, но о нем и о его именитом покровителе до сих пор напоминают китайская надпись на камне и письмена на каком-то таинственном языке. Эти «предыдущие слова» написаны знаками, лишь на первый взгляд похожими на китайские. Прочесть их еще не удалось ни одному из ученых наших дней. Быть может, когда-нибудь удастся. Ведь этот язык и его знаки не были родными и чжурчжэньскому князю-покровителю. Язык этот — киданьский, один из южных сяньбийских языков, и его слова высечены в киданьском письме.

В IV в. н. э. один из племенных союзов южной ветви сяньбийских народов, названный в китайских источниках народом тоба, покинув древние кочевья, расположенные на нынешнем северо-востоке Китая, перекочевал к северной излучине Желтой реки и покорил северо-западную, а потом и всю северную часть тогдашней территории Срединного государства. Быстро усвоив китайское административное искусство, тоба создали сильное государство, во главе которого стали их вожди (388—550). Династия Тоба-Вэй, как и другие поздние «варварские» династии Китая, всячески поощряла распространение буддизма. Тоба был смешанный тюрко-монгольский народ — читаем мы в солидной монографии немецкого китаеведа В. Эберхарда[3]. По общепринятому мнению, их лексика, сохранившаяся в китайской транскрипции, отражает тюркский язык[4]. Однако среди этих слов, большинство которых определено как тюркские и монгольские (общие слова языков алтайской группы), бывают и такие, которые толкуются только на материале монгольских языков. Важ-

нейшая из этих глосс — слово *ю-лянь*[5]. По последней трактовке акад. Л. Лигети, оно читается в форме *üglen* и соответствует монгольскому *egülen* «облако». Дело в том, что в начальный период их господства, когда завоеватели еще говорили на своем родном языке и сделали этот язык государственным, тоба заставляли своих китайских подданных переводить их имена на официальный язык государства; так, китайское слово *юнь*, обозначающее «облако», стало на языке тоба *üglen*. Китайские источники сообщают и о том, что у тоба было свое письмо, собственная литература, но из письменной словесности тоба ничего не дошло до нас, кроме названий их книг в китайском переводе. Все это говорит о том, что, хотя племенной союз тоба включал другие этнические группы (что можно сказать также о тюрках и монголах), государственным языком был «сяньбийский диалект» древнемонгольского языка[6]. К концу V в. тоба китаизировались и сами начали уничтожать свою собственную, недавно созданную культуру. Теперь многосложные «варварские» фамилии сокращались на китайский лад. Государство Тоба-Вэй стало щитом Китая против новых волн северных племен, в том числе и жуаньжуаньских кочевников. В VIII в. этноним *тоба*, который известен из древнетюркских орхонских надписей в форме *табгач*, обозначал уже опасный для кочевников Китай, мягкий шелк и коварные обычаи которого покорили многих завоевателей. Китайская летопись «История Южного Ци» сохранила нам древнейшие монгольские (и алтайские) термины, связанные с языком и письменностью: *bitigčin* «писец» и *kelmerčin* «переводчик».

Другой сяньбийский монголоязычный народ III—VIII вв., переселившийся в Северо-Восточный Тибет (тибетцы называли его *ажа*, а китайцы *туюйхунь*), имел письмо, похожее, по китайским сведениям, на письмо тоба[7].

Гораздо больше, но все же недостаточно знаем мы о письменности киданьского государства в Северо-Восточном Китае. Кидани, несомненно монголоязычный народ южной хинганской ветви сяньбийцев, появились в VI в. на северном горизонте китайского мира. О них упоминают китайские летописи (*цидань, китан;* отсюда, по старой, бичуринской транскрипции, и русское название «кидань»), древнетюркские надписи (*qïtañ*), тибетские и тангутские памятники. В начале X в. они пошли по древнему пути северных кочевников и захватили Северный Китай. Их династия, называвшаяся Цидань, или Ляо (907—1125), была свергнута чжурчжэнями, предками маньчжуров, но части киданей удалось спастись. Откочевав в Семиречье, они создали Западное Ляо — государство кара-китаев. Оно существовало до монгольского нашествия в начале XIII в. Восточное Ляо было страной высокой культуры. Созданная там по китайскому об-

разцу письменность использовалась наряду с китайской. Уже в 920 г. было создано киданьское «большое письмо», которое состояло из нескольких тысяч знаков. Это было, по всей вероятности, письмо идеографическое. Пять лет спустя, в 925 г., было введено новое письмо, названное малым, которое отличалось от «большого» тем, что его знаков было гораздо меньше (всего несколько сотен) и они писались слитно. Создатель нового, «малого» письма Тела был знаком и с уйгурским алфавитом. Возникла своя литература, были переведены на киданьский язык китайские исторические и поэтические сочинения, составлены словари — все это в киданьском письме. Это письмо было в употреблении и в начале чжурчжэньских времен (XII в.)[8]. К сожалению, сохранилось очень мало из того богатства киданьской литературы, о котором говорят источники. В китайском переводе известны изысканные стихи киданьских поэтов: среди них и стихотворения императрицы Сюань-и, казненной по обвинению в любви к придворному актеру. Сохранились и киданьские слова в китайской транскрипции. Именно по этим словам определяется место киданьского языка среди языков алтайской группы; например:

tau	(монг. *tabun,* дагур. *tau*) «пять»,
ǰau	(монг. *ǰaγun,* дагур. *ǰau*) «сто»,
tauli	(монг. *taulai,* дагур. *taul'*) «заяц»,
nair	(монг. *naran,* дагур. *nar*) «солнце»,
sair	(монг. *saran,* дагур. *sarōl,* халх. *sar*) «луна»,
šawū	(монг. *sibaγun,* дагур. *šobō*) «хищная птица»,
qašū	(дагур. *χasō*) «железо»,
po	(среднемонг. *hon* «год», чжурчжэн. *fon* «время») «весна»[9] и т. п.

Эти глоссы свидетельствуют о том, что киданьский язык, во всяком случае разговорный, в некотором отношении ближе к современным монгольским языкам, чем письменный монгольский, и в то же время более архаичен. Можно предполагать, что и киданьская морфология сильно отличается от известной нам монгольской.

Из киданьских письмен нам известны теперь лишь полдюжины больших надписей (эпитафии на стелах у могил киданьских императоров и императриц, упомянутая надпись 1134 г.), а также краткий текст на бронзовом зеркале, несколько знаков на кирпиче и фресках императорского некрополя, на печати в форме рыбки, сосудах и пайцзе Чингизовой эпохи, отдельные, порой искаженные знаки в китайских книгах. Большие надписи снабжены обычно и параллельным китайским текстом, но лишь в одном случае, на стеле 1134 г., имеется более или менее

точный перевод. Знаки порой стоят отдельно,— это либо односложные слова, либо идеограммы. Чаще знаки соединяются в форме прямоугольника, треугольника и т. п.,— это многосложные слова, непервые элементы которых являются слоговыми знаками. Они писались в китайском порядке, сверху вниз и слева направо. В одной надписи 1089 г. во всем тексте [10] и в «заглавиях» императорских эпитафий простые знаки следуют отдельно друг от друга, независимо от того, образуют ли они вместе одно слово или представляют отдельные слова. Однако знаки надписи 1089 г. очень отличаются от тех, которые известны нам из остальных памятников: в ней встречаются и общие с чжурчжэньской письменностью знаки.

К сожалению, наши китайские источники не дают представления о характере двух киданьских письменных систем. По одному мнению, «малое» письмо — алфавитное и уйгурского происхождения. Однако пока мы не располагаем ни одним памятником такого типа, хотя отсутствие памятников, естественно, неполный аргумент против «уйгурской теории», потому что памятников вообще весьма мало. По другому мнению, в больших эпитафиях мы имеем дело именно с «малым» письмом, письменной системой, охватывающей всего несколько сотен знаков, тогда как «большое» письмо состояло из нескольких тысяч [11]. Но опять недостаточно количество памятников. Оставляя решение этого нелегкого вопроса на будущее, обратимся к самому трудному: к вопросу о расшифровке тех памятников, которыми мы располагаем в настоящее время.

На основе китайских параллельных текстов (даты и несколько выражений все-таки точно совпадают с киданьскими) удалось выделить полсотни знаков (отдельных и сочетаний), определив их значение. Известны знаки — идеограммы некоторых числительных, идеограммы, обозначающие «небо», «день», «месяц», «год», «великий», две идеограммы, которые вместе обозначают «государя императора»; известно, как пишется название династии и т. п., но ни в одном случае не удалось твердо решить вопрос о чтении знаков. Даже в случае слоговых знаков, которые обозначают родительный падеж и, вероятно, читаются как *in* и *ni*, есть доля сомнения. Одни исследователи старались уловить чтение отдельных знаков на основе их сходства с китайскими идеограммами, другие — старались толковать киданьские знаки с известным уже значением на основе среднемонгольского, маньчжурского или разных алтайских языков, сопоставляя порой несопоставимые данные разных времен и разных мест.

Для дальнейших исследований большое значение имеет работа ленинградского ученого В. С. Старикова, которая на основе полного графического анализа текстов дает каталог знаков,

ЗНАКИ КИДАНЬСКОГО ПИСЬМА

указывая на их соотношения (графемы и аллографы), каталог словоформ по начальным знакам в графическом порядке, по конечным знакам (обратный словарь) и сочетаемость знаков. С помощью этих материалов, особенно обратного словаря, можно установить «зримую», «графическую» грамматику киданьского языка, естественно, с оговоркой, что знаки не соответствуют непосредственно грамматическим функциям, в медиальной и финальной позициях они обозначают слоги, которые могут выступать в разных грамматических функциях (как, например, ко-

нечный слог в русских словах «знаком» от «знак» и «знаком» от «знакомый» в письменной форме) [12]. На самом деле это основа и начало фонетической расшифровки, которая кажется несравнимо сложнее, чем расшифровка чжурчжэньской или тангутской графики: ведь не располагая двуязычными словарями, здесь можно опираться лишь на киданьские глоссы в китайской транскрипции, на свидетельство еще не вполне расшифрованных памятников чжурчжэньской письменности, на старомонгольские элементы маньчжурского и других, особенно южных, тунгусо-маньчжурских языков, на среднемонгольские и живые архаичные диалекты (прежде всего на малоизученный дагурский), нужна, конечно, и доля счастья. Это весьма крепкий орешек, может быть, труднейшая из задач монголоведения, решение которой чрезвычайно важно для истории монгольских и алтайских языков.

Писцы и монахи вместо сказителей и шаманов

Еще до формирования государства существовало некоторое разделение труда между носителями «светской» и «религиозной» традиции. Представителями определенной области мировоззрения и соответствующей ему практики служили шаманы, задача которых состояла в установлении связи с отошедшими в иной мир предками и в обеспечении благосклонности или невмешательства злых и добрых духов. «Светские» предания, историю семьи, рода или племени, подвиги былых героев и жития славных предков хранила память сказителей. Их мастерство также обладало некоторыми «религиозными» чертами: например, бурятские охотники считали, что удачной охоте способствует пение религиозных былин [13]. Не исключена и возможность того, что две функции — шаманская и сказительская — если и не восходят к общему корню, то неоднократно переплетались.

Для хранения родовых или племенных преданий (исторических, мифологических, обрядовых, бытовых) было достаточно человеческой памяти. При отсутствии письменности из поколения в поколение передавались большие произведения, особенно стихотворные. В стихах излагали и краткие вести гонцы, о чем мы читаем в ранних монгольских хрониках [14]. Еще недавно память сказителей хранила целые эпопеи, среди которых встречаются и сказания в девять-десять тысяч строк (например, объем эпопеи «Абай-Гесер-хубун», записанной в 1906 г. от кудинского сказителя Маншуда Эмегейн,— 10 592 строки) [15].

Кочевое государство объединило множество союзных племен и покоренных народностей в военно-административную организацию. Оно требовало общей идеологии, новых законов и

создало такое большое количество новых учреждений и установлений на таком огромном пространстве, что для хранения всех важных сведений было необходимо введение письменности. Кочевники Центральной Азии, как правило, заимствовали чужую письменность у оседлых земледельческих народов, а если они сочиняли новую графику сами, как это произошло у киданей, то подражали знакомым им письменам соседних стран. Представляется, что в Центральной Евразии и само кочевое государство возникло вследствие соприкосновения с оседлыми народами, у которых уже существовал развитой государственный строй. Кочевники могли заимствовать государственное устройство у другого кочевого народа без непосредственного влияния оседлых культур; точно так же могла быть заимствована и письменность, нередко через посредство других кочевников.

Во время формирования империи Чингизидов у монголов было немало возможностей заимствовать уже готовую письменную систему и применить ее к родному языку. Они познакомились с чжурчжэньской, киданьской, китайской, уйгурской, тангутской и тибетской графикой и самыми разными алфавитами Среднего Востока, Кавказа и Восточной Европы. Ближе, чем с другими, монголы были знакомы с уйгурским и тибетским письмом, прежде всего с уйгурским, которое являлось одной из стадий многовекового развития и дальнего странствования семитского алфавита, дошедшего с берегов Средиземного моря до Тихого океана. Перед кочевниками, вновь достигшими политической мощи, был богатый выбор и различных идеологий. Вначале монгольские власти относились довольно равнодушно к чужим культам, что видно из многочисленных «высочайших указов» юаньского периода, в которых говорится о том, чтобы «буддийские, христианские и даосские духовные лица (в других грамотах упоминаются и мусульманские), не имея никаких повинностей и податей, молились небу и возносили благопожелания... Пусть в их храмах и жилищах посланцы не останавливаются. Пусть подвод и продовольствия не дают. Пусть они земельных и торговых сборов не дают. Подведомственных же храмам земель и вод, садов, мельниц, гостиниц, лавок, ломбардов, бань, людей, животных и чего бы то ни было, им принадлежащего, пусть никто не отнимает и не отчуждает. Насилий пусть не совершают...» [16].

Это равнодушие выражается и в надменных словах монгольского владыки Ирана: «Мы, потомки Чингиз-хана, говорим: примем ли мы христианство или нет, мы поступим по нашей собственной монгольской воле и по велению одного только Вечного Неба» (письмо Аргуна римскому папе Николаю IV, 1290 г.) [17].

Однако, видимо, культ Вечного Неба предков, шаманизм уже не соответствовали требованиям идеологии мировой державы,

которой предлагали свои услуги даосские проповедники (Чингиз-хана интересовала тайна если не вечной, то по крайней мере долгой жизни, что дало возможность даосскому монаху Чанчуню проповедовать ему свою веру) [18]. В империи жили конфуцианские мудрецы, и христианские священники несторианского толка, и бойкие мусульмане, которые получили специальное разрешение резать скот по своим обычаям и которые играли важную роль в экономике юаньского периода, а в Иране, Средней Азии и Золотой Орде сами монголы стали яростными сторонниками ислама. Но для основной массы монголов самым мощным соперником «черной веры» предков-шаманистов стал уйгурский, вернее, тибетский буддизм, т. е. ламаизм, который постепенно занял все ключевые позиции культурной жизни.

Государство нашло в ламаизме надплеменную идеологию, а ламаизм, в свою очередь, расцветал под покровительством властей и впоследствии стал господствующей религией. Так началось падение эры шаманов и сказителей. Шаманы, когда-то хранители родо-племенного культа, уступали; наконец они стали преследуемыми знахарями. Их функции сузились до случайного отвращения несчастий с помощью магии, их мир переполнился буддийскими элементами. Хранители устной традиции превращались в сказителей, в их песнях звучала уже не история, а лишь фольклор.

Так сформировались два разных поля письменной культуры: светское, канцелярское, и церковное, монастырское. В продолжение семи столетий эти два поля письменности существовали всегда рядом, время от времени они частично совпадали, их межи стали расплывчатыми; нередко преобладала ламская письменность.

Монастыри больше нуждались в письменности, чем государство: ведь письменность служила важным орудием в распространении буддийского учения. Письменное слово пользовалось большим уважением: официальные бумаги и документы XIII—XIV вв. содержали обычно угрозу тому, кто относился к ним небрежно: «Кто не слушается, да будет наказан смертью!» [19] или: «Разве не надо бояться тем, кто противодействует?» [20], и текст их был нередко высечен на камне. Что касается буддийских писаний, достаточно упомянуть о том, что, по пятиязычному буддийскому терминологическому словарю, одно из «десяти праведных деяний» — писать Писание [21].

Возникновение уйгуро-монгольской письменности

Письмо, которым пользовались монголы в течение семи столетий, названо было ими самими уйгуро-монгольским [22]. Это название явно указывает на уйгурское происхождение главной

монгольской письменной системы, однако обстоятельства заимствования из-за противоречивых или слишком лапидарных сведений малоизвестны. После принятия монголами «желтой» веры в благородном тумане старины поднялись позолоченные крыши проникнутых религиозным духом легенд о том, как сотворил первые монгольские буквы всезнающий тибетский монах Сакья-пандита Гунгаджалцан (1182—1252) и как его алфавит был усовершенствован усилиями другого ламаистского просветителя, Чойджи-одсера.

Грамматический, или, вернее, орфографический, трактат начала XVIII в. «Небесный заговор, или Разъяснения к книге Оправа сердца» рассказывает, что вышеупомянутый пандита из влиятельного тибетского монашеского ордена Сакья прожил семь лет в стране монголов при Хубилай-хане, распространяя ламаистское учение. Он приехал на монгольскую землю не под влиянием угроз монгольского государя, готового разорить «Снежную страну», если пандита откажется проповедовать буддийскиий глагол о спасении,— он приехал, внемля старинному предсказанию о том, что с Востока должен появиться покровитель веры — в шапке с соколиным пером и в сапогах с носком, похожим на свиное рыло. Монгольские буквы монах создал после ночного созерцания, увидев рано утром монголку, которая несла на плече кожемялку. Под влиянием этого зрелища по форме кожемялки он и сотворил якобы три ряда букв: мужских, женских и бесполых, сильных, полых и средних — в соответствии с гармонией гласных [23]. Легенда эта довольно прозрачна и, что касается происхождения монгольского письма, не имеет ничего общего с действительностью. Трудно предположить, что ученый монах осуществил свой замысел лишь наполовину, оставив львиную долю труда следующим поколениям. Сакья-пандита действительно сыграл немалую роль в истории монголо-тибетских связей [24], но не роль изобретателя письма. Из легенды явствует, что в начале XIII в. некоторые южные монгольские племена носили, как и теперь степные халха-монголы, «курносые» сапоги [25], что у них были «соколиные» шапки, что для обработки кожи, издревле женской работы у кочевников, монголки употребляли кожемялку [26] и, наконец... как легко рождается неправда во имя веры.

То же сочинение сообщает о реформе письменности, приписывая ее другому сакьяскому монаху, Чойджи-одсеру, «Светочу учения». Его реформа завершила дело, начатое Гунгаджалцаном: на основе уйгурской графики он изобрел финальные буквы, и при нем начали читать ламаистские писания на монгольском языке. Эта реформа должна была иметь место в начале XIV в., так как, по достоверным сведениям, именно тогда жил и работал Чойджи-одсер. Однако и эта легенда о новых буквах

не подтверждается другими источниками. Верно только то, что известный автор и переводчик Чойджи-одсер действовал в период, когда после кратковременного единовластия квадратной письменности снова было разрешено употребление уйгурской графики.

«Сокровенное сказание», секретная история монголов, упоминает о письменности впервые в году тигра, который соответствует 1206 г. нашего летосчисления. По словам «Сказания», Чингиз-хан приказал составить «синие книги» на «белой бумаге», в которых должны были быть записаны распоряжения и указы, касающиеся хозяйственных и правовых дел. «Синие книги» (до нас они не дошли) были составлены под руководством приемного сына Чингиз-хана, Шиги-Кутуку[27]. Это было после покорения кереитского и найманского государств, в канцеляриях которых употреблялось уйгурское письмо и были уйгурские писцы. Монгольские, китайские и персидские источники упоминают о нескольких уйгурских писцах, служивших при монгольских правителях. Известно, например, что Чингизхановы приказы, составленные на китайском языке для населения Северного Китая, были действительны лишь за уйгурской подписью Чинкая, секретаря[28]. Источники передают и любопытный рассказ об уйгурском писце и хранителе найманской государственной печати Тататонге. Его, бежавшего при покорении найман, схватил живым Батый, и за пазухой у него нашли печать найманского государя. Тататонга объяснил пользу печати, его пощадили, и он стал писцом — хранителем печати Хасара, брата Чингиза (по монгольской летописи «Золотой свод»), или самого Чингиз-хана (по китайским источникам); он же учил монголов уйгурской грамоте.

Однако в рассказе нет ясного доказательства того, что Тататонга был и создателем монгольской письменности. Неизвестно, на каком языке общался он с монголами, как неизвестно также то, были ли найманы, которым он служил раньше, тюркоязычны, монголоязычны или они говорили на обоих языках. Собственные имена у них тюркские, название их государства *найман* («восемь», вероятно, союз восьми племен) — монгольское, но собственные имена, этнические названия и титулы свидетельствуют несомненно лишь о широте этнических связей, а не обязательно о языке, на котором говорит народ. Исследователи предполагают, что монголы Чингиз-хана получили готовый письменный язык от одного из покоренных ими монголоязычных или двуязычных народов, от кереитов или найманов.

Теория о «домонгольском» уйгуро-монгольском письменном языке основана на том предположении, что письменный язык фонетически сильно отличался от живой речи уже в XIII в. и, разумеется, во время его создания должен был отражать совре-

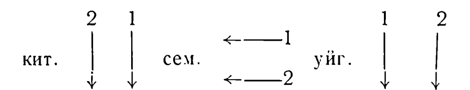
менное произношение, особенно в том случае, если не было более ранней местной письменной системы. Разумеется и то, что, если вновь принятая письменная система заимствована или создана под влиянием чужого письменного языка, она носит его следы. По одному из последних предположений о найманском происхождении монгольского письменного языка, у найманов, подчинивших туркестанское государство кара-китаев, был в употреблении старомонгольский письменный язык, киданьское наречие в уйгурской графике, и этот язык был передан монголам Чингиз-хана Тататонгой. Однако пока мы не располагаем ни одним памятником, который подтвердил бы применение уйгурского алфавита к киданьскому языку в государстве кара-китаев. Этот процесс был возможен и в самом Ляо в X в., однако в таком случае мы должны предполагать, что поздний киданьский диалект Западного Ляо был более архаичен, чем тот, которому принадлежат дошедшие до нас глоссы в китайской транскрипции; конечно, это тоже не выходит за рамки возможного, но это гипотеза над гипотезой [29].

Относительно сущности теории о заимствовании монголами не только письма, но и готового письменного языка следует сказать, что предположение о расхождении между живым словом и его письменной формой само покоится на довольно поздних сведениях второй половины XIII в. А разве полувековой промежуток времени недостаточен для существенных изменений фонетики? Следует отметить и то, что все изменения касаются довольно узкой области фонетики. И даже если мы не располагаем хотя бы немногочисленными, но красноречивыми данными о наличии диалектов в XIII в., мы должны теоретически предполагать территориальные несоответствия в монгольском языке данной эпохи.

Во всяком случае ясно, что Чингизовы монголы заимствовали чужую, уйгурскую письменную систему. Следы чужой системы — речь идет не о внешних, чисто графических, но о внутренних особенностях — сохранились до последнего времени. Письмо, употреблявшееся с IX в. уйгурами и другими тюркоязычными народами, само заимствовано у ираноязычных согдийцев и в конечном итоге восходит к семитскому (арамейскому) алфавиту [30]. Отсюда проистекает немало особенностей, которые свойственны и монгольскому письму: экономность в обозначении гласных, наличие разных форм букв в начале, середине и конце слова и т. д. Характерно, что чужие буквы заимствованы и применены и в том случае, если они обозначают звуки, которые не являются самостоятельными фонемами в принимающем языке, а представляют собой только аллофоны; иногда эти лишние буквы употребляются в качестве аллографов (как фита в дореволюционной русской орфографии). Так и уйгуры сохранили особые

буквы для различения заднеязычных и переднеязычных смычных q и k, хотя эти звуки в их языке являлись вариантами одной и той же фонемы. Им подражали монголы, которые заимствовали весь состав уйгурского алфавита и даже орфографию, приспособленную не к их языку, а к уйгурскому. Эти несоответствия языка и письма привели к новым случаям многозначности букв. Например, в начале древнеуйгурских слов *d* не встречалось, из зубных смычных могло стоять в таком положении только *t*, и соответственно в письме, по крайней мере в уйгурских словах, отсутствовала и инициальная форма буквы *D*. В монгольском языке обе зубные смычные употребляются в начале слов, однако монголы, следуя уйгурским нормам, писали букву *T* и вместо *D*. В конце уйгурских слов звук *s* был нехарактерным в отличие от звука и буквы *z*, кроме того, буква *S* финальной позиции обозначала первоначально *š* — звук, не свойственный монгольскому. Опять-таки по уйгурскому примеру монголы употребляли уйгурскую букву *Z* в значении своего звука *s*. В начале уйгурских слов не встречалось звука *ǰ* (хотя позже, в XIV—XV вв., возможно и это), а во многих общих с монгольскими словах господствовало соответствие уйг. *y* — монг. *ǰ*, поэтому монголы писали уйгурскую инициальную букву *y* в двух значениях: *y* и *ǰ*.

Монгольский алфавит как каталог знаков в определенном порядке, который известен только в поздней форме, восходит, по всей вероятности, также к уйгурскому образцу. Любопытно заметить, что древняя, общая греко-латинская и семитская последовательность букв *LM* оказалась прочной и в монгольском алфавите. Одно из интересных изменений касается направления строк. Общеизвестно, что буквы семитских письменностей пишутся справа налево, а строки следуют друг за другом сверху вниз, однако в уйгуро-монгольском письме знаки связываются друг с другом сверху вниз, а строки пишутся слева направо. Вероятно, этот странный порядок появился еще в домонгольской уйгурской письменности под влиянием китайской иероглифики, где знаки имеют именно такой порядок, но строки идут справа налево[31]. Половинчатый результат китайского влияния вполне понятен: в самом деле, сохранен внутренний, семитский порядок, но строки повернуты под прямым углом налево:

Уйгурское письмо скоро распространилось среди монголов, и каждый уважающий себя князь старался приобрести грамотея,

личного секретаря. В первой половине XIII в. эти секретари выходили из чужой, чаще всего уйгурской среды. Они образовали ядро монгольской канцелярии, но уже действовали и первые их монгольские ученики.

По существу то же самое уйгурское письмо, примененное к монгольскому языку в начале XIII в., используется у восточных монголов до наших дней. Разница средневековой и современной уйгуро-монгольской письменности касается внешнего вида и — в меньшей мере — орфографии. Несмотря на некоторые реформы XVII и XVIII вв., основные правила употребления букв оставались неизменными.

Уйгурские и тибетские книжники, писцы, чужие и свои

По обычаю времени первых Чингизидов умелые писцы записывали слова и изречения, которые государь соизволил произнести. Хамаданский врач, везир и летописец Газан-хана, монгольского повелителя Ирана, Рашид ад-Дин рассказывает, что у каана Угедея был «наиб из уйгуров, по имени Чинкай», а у Чагатая, брата каана, были два писца: Везир, китаец «низенького роста, жалкий на вид, но очень отважный и острый на язык», и Хабаш-Амид, туркестанец, мусульманин из Отрара. Однажды каан спросил Чагатая: «Кто лучше — твой Везир или мой Чинкай?» Чагатай ответил: «Вероятно, Чинкай лучше» [32]. Чинкай был одним из влиятельнейших советников-немонголов при Угедее и Гуюке. «Первые секретари Бала и Чинкай и многие другие писцы» [33],— пишет Плано Карпини. По китайским источникам, Чинкай был родом из кереитов [34], которые исповедовали христианство несторианского толка, но он нашел общий язык с мусульманином Махмудом Ялавачем, не менее его хитрым и влиятельным советником.

Среди первых секретарей-немонголов служил киданец, последний потомок ляоских императоров, Ила Чуцай, «идолопоклонник», т. е. буддист, знаток многих письмен и поэт [35]. Вероятно, с ним связан последний известный памятник киданьского письма, пайцза с именем Чингиз-хана китайскими и киданьскими знаками. В «Кратких сведениях о черных татарах» (1237 г.) Пэн Да-я пишет и об одном чжурчжэньском секретаре Угедея, по имени Нянь-хэ Чун-шань [36], который составлял бумаги, вероятно, только на китайском языке. (Предположения о том, что монголы пользовались китайскими знаками для записей на своем языке, не оправдались.) В том же сочинении Сюй Тин, другой китаец, сообщает, что «у татар нет названия *сян* („министр".— *Д. К.*), и называют их только *бичэчи,* т. е. „писец"» [37], что совпадает с современной формой *bičēči*, которая ме-

нее архаична, чем письменная форма *bičigeči(n)*, и сегодня обозначает обычно «машинистку». По словам Сюй Тина, «в яньцзинских городских школах (т. е. в Пекине. — *Д. К.*) в большинстве случаев преподают уйгурскую письменность, а также перевод с языка татар» [38].

В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, неисчерпаемой сокровищнице средневековой монгольской истории, упоминается целый ряд безымянных писцов и знаменитых знатоков уйгуро-монгольских грамот. Кроме Чинкая, Бала-Яргучи, Везира, Хабаш-Амида и Махмуда Ялавача встречаются также важные лица (обычно казненные рано или поздно из-за их слишком большой близости к престолу): Коркуз (= Görgüz, Георгий) [39], уйгур и, судя по его имени, христианин (но Рашид ад-Дин извещает о том, что в конце жизни он стал верным мусульманином), секретарь Чин-Темура, его же посланник к Угедею, впоследствии выдающийся деятель монгольской политики в Иране и Туркестане, погибший от рук своих соперников [40]; Алямдар, старший эмир и битикчи (секретарь), его казнили в 1264 г. при Хубилае из-за заговора [41]; Булга-битикчи, или Булга-нойон, монгол, известный писец, который «слышал слова Угедей-каана и Менгу-каана», но был казнен как один из руководителей мятежников [42]; Ширемун (Соломон), или Ширемун-битикчи, внук Угедея; им очень дорожил Менгу-каан, но в конце концов Ширемун оказался слишком близким к престолу и каан приказал бросить его в воду [43]. Должно быть, был грамотным и Пулад-чингсанг, главный живой источник Рашид ад-Дина [44]. Вероятно, он перечислил Рашид ад-Дину важнейшие должности монголо-китайского государственного аппарата и имена их носителей при Хубилае и Темуре, описывая и повседневную жизнь в императорской канцелярии, где работали писцы и где находилось «несколько битикчиев, обязанностью которых было записывать имя того человека, который не является (на службу) в диван»; за прогул же писцы платили штраф [45].

Ильханские письма сохранили нам десяток имен секретарей и писцов, среди них Кутлуг-шах [46], Укечин, Чобан-севинч, Тадж ад-Дин, писец Пируз. На письме Газана к папе в 1302 г. имя Эришидавла принадлежит, вероятно, самому Рашид ад-Дину [47].

Неизвестно имя золотоордынского писца, который оставил на бересте стихи, быть может народные песни или собственные, в народном духе. Их фрагменты были обнаружены в могиле писца, похороненного вместе с его костяным пером и бронзовой чернильницей на рубеже XIII—XIV вв. [48]. Китайско-монгольские надписи донесли до нас весть о писце Буян-Темуре и переводчике Сенге (1335 г.) [49] и о литераторе, писце и переводчике в одном лице; упомянуто, правда, его звание по должности, очень длинное и очень китайское (1338 г.) [50].

Монгольская письменность жила и развивалась во всех концах огромного государства: в Сарае, на золотоордынском Западе и в Тебризе, золотом граде хана на иранской земле, в Бешбалыке, туркестанской столице Чагатаидов, и в Каракоруме, где Угедей принимал послов изо всех стран света, но прежде всего в стране Хубилая, в императорском городе Ханбалык, или Дайду, где кроме уйгур, иранцев и китайцев на арене духовной и экономической жизни появились и тибетские монахи. И если на западе монгольских владений быстро распространялось мусульманство, успешно борясь с христианством и идолопоклонничеством, то на востоке, особенно в китайской части империи, эти идолопоклонники, их монастыри и конторы менял пользовались большим успехом. Это были ламаистские просветители, монахи-красношапочники. Они были ближе к грешной земле, чем к нирване, но распространяли свое учение и защищали свои экономические интересы не менее рьяно, чем их поздние, строго образованные собратья реформированной и централизованной церкви XV в. На западе монголы в конце концов были отюречены — тюркское влияние там было сильнее, хотя оно отнюдь не было слабым и в восточных владениях монголов,— а затем стали мусульманами. Из тех монголов, что приняли ислам, сохранилась только группа афганских моголов, но это только языковый, а не культурный резерват.

Буддизм (его отдаленная северная ветвь — тибетский ламаизм) — мировоззрение, в такой же степени чуждое монголам, как и ислам, однако менее воинственное и, быть может, более гибкое. В некоторых отношениях эта религия требовала больше от своих монгольских приверженцев, чем мусульманская вера: например, она запрещала есть не только свинину, но и любое мясо; однако одновременно ламаизм шел на уступки и снисходительно относился к грешникам, предлагая им сотни способов искупления; в его «идолопоклонстве» нашлось место и для местных божеств, его культ более красочен и сложен. Даже в Иране, где ислам господствовал уже столетия, кашмирские буддисты действовали столь успешно, что мусульманскому неофиту Газану, «государю ислама», пришлось принять административные меры против «гяуров», разрушая их кумиры и кумирни [51].

Поздняя монгольская традиция связывает принятие буддизма с приглашением тибетских монахов, среди них Сакья-пандиты Гунгаджалцана и Пакба-ламы Лодойджалцана. Эти ламаистские просветители играли несомненно важную роль в распространении ламаизма, но несомненно и то, что буддизм был известен монголам и раньше. Они могли познакомиться с ним через кара-китаев, чжурчжэней, тангутов, Ила Чуцая и прежде всего через восточнотуркестанских уйгур.

 В распространении своих учений буддисты обращали боль-

шое внимание как на устную, так и на письменную пропаганду, переводы святых писаний на тот язык, на котором они проповедовали. Перевести эти писания на монгольский с тибетского или с китайского было нелегко, и не только из-за слишком большой типологической разницы между монгольским и этими языками: нужно было создать новую терминологию, установить грамматические параллели, фразеологию и вообще выработать технику перевода. На древнеуйгурском языке все это уже давно существовало, во всяком случае имелись буддийские переводы с китайского и центральноазиатских индоевропейских языков, например с тохарского [52]. Возможно, что уйгурские переводы с тибетского существовали и в домонгольскую эпоху. Буддийские миссионеры переводили легенды, молитвы и заклинания, позже, располагая уже бóльшим опытом, и филологические работы. Во всех этих сочинениях, особенно в легендах, бытует бесконечное множество индийских слов, терминов и собственных имен, антропонимов и топонимов.

Когда создавалась буддийская литература на тибетском языке, тибетские и индийские книжники переводили с индийского, порой хотанского, китайского и других языков и не оставляли без перевода в первоначальной форме и собственные имена. В китайских буддийских сочинениях эти имена даются либо в старинной транскрипции, либо в переводе. Древнеуйгурские переводчики нередко сохраняли эти китайские формы, отражая в ранних переводах своеобразное китайское произношение танской эпохи, но часто давали имена в «искаженной» индийской форме. Это «искажение» восходит обычно к согдийскому или другому индоевропейскому языку Центральной Азии [53], и именно эти формы появляются естественно через уйгурский и в монгольских буддийских текстах [54]. И все же большинство послесловий монгольских переводов убеждает нас, что подлинником служила тибетская версия, а сопоставления уже изданных древнеуйгурских текстов с их монгольскими параллелями показывают существенные несоответствия между ними. Откуда же согдийские, «искаженные» индийские, тохарские и даже греческие слова в монгольском? Все-таки из уйгурского. Когда в первые века монгольского буддизма переводили с тибетского на монгольский, это делали переводчики, владевшие кроме тибетского и монгольского языков и уйгурским; последний служил посредником и давал готовую терминологию, которую из-за сходства структуры языка было легко перевести на монгольский. Порой уйгурские термины заимствовались без перевода, как, например, *ayaγ-q-a tegimlig* «достойный почтения» — титул монахов, ставший непонятным для поздних монголов, так как читался *ayaγ-a takimlig*; первое слово здесь воспринималось в значении «чаша (монаха)» (монг. *ayaγ-a*), а второе — как не-

бывалое словообразование от глагола *taki*-*«почесть»*[55]. Уйгурский служил и посредником для монгольских переводов с китайского. В монгольских надписях и в переводах конфуцианской классики китайские слова даны в уйгурской транскрипции, но уже по старомандаринскому произношению XIII в. Существовали и буддийские сочинения, переведенные с китайского на монгольский.

Из богатой монгольской письменной словесности средневековья до нас дошли только фрагменты, но, к счастью, они довольно хорошо иллюстрируют многогранность письменных памятников XIII—XIV вв. Среди них известен и фрагмент восточнотуркестанской тетради, в которой было помещено два сочинения: одно светского, другое буддийского содержания; в обоих много уйгуризмов, а в первом — сказании о Зулкарнайне (Александре Македонском) — прослеживается и мусульманское влияние[56]. Эта тетрадь свидетельствует о том, что светская и церковная письменности не обязательно были оторваны одна от другой.

Возвращаясь к тибетским монахам, надлежит сказать, что Сакья-пандита, которому ламаистские историки XVIII—XIX вв. так упорно приписывают изобретение монгольского письма, по подлинным сведениям (созвучным в данном случае и ламаистским традициям), не перевел ни одного сочинения на монгольский язык. Его знаменитый сборник «Сокровищница мудрых изречений» был переведен с тибетского монахом Соном-гарой, о котором пока нет сведений, но этот монгольский перевод, сделанный, вероятно, до 1269 г.,— один из важнейших памятников средневекового монгольского литературного языка[57]. С Пакба-ламой, создателем квадратной письменности, подробнее познакомимся ниже.

Загадочна личность знаменитого литератора Чойджи-одсера. Наши источники противоречат один другому относительно лет его жизни и происхождения. По общепринятому мнению, он был родом из Тибета[58] (сын монаха и монахини и сам монах)[59]. Мастерство Чойджи-одсера в монгольском языке (о котором мы знаем по его стихотворному послесловию к монгольскому комментарию и переводу «Бодхичарьяватары», 1312 г.) позволяет предположить, что он был монголом; некоторые источники наводят на мысль о его уйгурском происхождении[60]. Если принять, хотя и условно, это последнее предположение, то получается одно из возможных решений вопроса о пути проникновения уйгуризмов в монгольский язык: ученый уйгур, владевший как монгольским, так и тибетским языками, переводил с тибетского на монгольский с помощью своего родного уйгурского языка. В качестве переводчика он упоминается и на другом средневековом фрагменте колофона, не исключено, что к стихам в честь

шестирукой богини Махахали[61]. Он работал в первой четверти XIV в., возможно и раньше; известен также как тибетский автор[62]. Вероятно, его современником был Праджняшри, или, по монгольской и уйгурской форме, Биратнашири, «владыка веры уйгурской»[63]. Он перевел с китайского на монгольский «Сутру Большой Медведицы»[64], которую — редкий случай — с монгольского перевели на тибетский и на уйгурский языки. Монгольский «подлинник» — нередкий случай — не дошел до нас, но весть о нем сохранилась в тибетской версии, которую в XVI в. перевели обратно на монгольский с удивительно большим количеством уйгуризмов и с монгольским, уйгурским и тибетским колофонами[65].

В XIV же веке творил и Шераб-сенге, также сакьяский монах, которому принадлежат переводы древнеиндийского сборника заговоров и заклинаний «Панчаракша» (старинный памятник времен, когда люди верили в силу пустого слова)[66], сборника житийных рассказов и философических учений «Сутра золотого блеска»[67], а также «Двенадцати деяний» (житие Шакьямуни) с тибетского подлинника Чойджи-одсера[68]. В одной версии послесловия к монгольской «Сутре золотого блеска» говорится, что книга была переведена с тибетского и уйгурского языков: «Эту высочайшую, величественную и могучую златолучистую книгу позже (т. е. после завершения тибетского перевода.— *Д. К.*) перевел с тибетских и уйгурских писаний на монгольский язык сакьяский монах Шераб-сенге, побужденный и уговоренный [некиим] Эсентемур-Девудой[69], который сказал: „Да будет [эта книга] амброзией для великого и священного монгольского народа!“ Имена будд, бодхисаттв и прочих, так как [тибетские формы] не подходят к монгольскому звучанию, [Шераб-сенге] перевел по уйгурскому обычаю, потом вместе с Буняшири, владевшим индийским и тибетским языками, он снова сверил [свою работу] с книгами на языках индийском, тибетском и уйгурском и завершил [перевод], не ошибаясь в звучании и значении»[70].

В одном приложении[71] к послесловию Шераб-сенге читаем о некоем Карадаше, или Караташе, якобы завершившем перевод, оставленный не законченным «добрыми книжниками». Там же сообщается, что предыдущий перевод сделан Эсентемур-Девудой, уповавшим на великое покровительство Тоган-Темура, последнего юаньского императора. Этим сообщением приложение лишается достоверности: ведь выше Эсентемур-Девуда упоминается не как переводчик, но как меценат; мало того, Шераб-сенге творил не при Тоган-Темуре, а был приглашен императором Йисун-Темуром (1324—1328). Любопытно, что подобное искажение встречается и в колофоне «Книги пяти покровителей» («Панчаракша»), другого перевода Шераб-сенге[72].

Третий, вероятно позднейший, вариант[73] послесловия «Сутры золотого блеска» уже ничего не говорит об уйгурских книгах. Из него следует, что Шераб-сенге, «сакьяский монах, монгольский переводчик», посоветовался с «мудрым тибетским наставником» Гунгаджалбу гундин-гуши, а некоторые части перевел из китайских книг. Из послесловия «Двенадцати деяний» явствует, что Шераб-сенге сочинил монгольскую версию книги по заказу Эсен-Темур, одной из императорских супруг. Ее мужественное имя («Здравствующее железо», я бы сказал: «Железное здоровье») привело позже писцов в заблуждение — заказчицу они превращали в переводчика[74] и наконец в «Панчаракше» изменили все послесловие, приписав перевод Чойджи-одсеру[75], предшественнику Шераб-сенге.

Итак, как обломок колонны рассказывает исследователю старины о давно рухнувшем дворце, так и наши фрагменты, хотя их и мало (пока в подлиннике не обнаружено ни одного целого сочинения монгольской словесности средневековья, кроме каменописных надписей), позволяют восстановить важнейшие черты письменности монголов. В княжеских канцеляриях, государственных учреждениях и стенах буддийских монастырей было много немонгольских писцов и книжников — китайцев и центральноазиатских мусульман, тюрок (найманов, кереитов и прочих, прежде всего уйгур) несторианского, мусульманского или буддийского толка и тибетцев. Письменность в основном была сосредоточена в их руках, иногда и власть переходила в почти чужие руки (Торегене, властвующая вдова Угедея, была родом из найман, супруга Мунке-хана — из кереитов), однако секретная история монголов «Сокровенное сказание» и сведения о потерянной летописи «Золотая книга» убедительно показывают, что в уже довольно ранние времена существовали писания, предназначавшиеся исключительно для царствующего дома Чингизидов, а отсюда следует, что они имели своих «высокородных» знатоков письменности, писцов и читателей тайных записей[76]. Позже встречались знатоки чужих языков и знаков и среди монголов: таким был сам Газан-хан, который, по словам Рашид ад-Дина, знал не меньше семи языков, кроме своего родного монгольского[77]. В биографическом разделе истории юаньской династии встречаются записи о таких ученых монголах, как Тайбука из племени баяут, сын Табутая[78], или Дорджи и Дорджибал, отпрыски Мукали[79], преданного сторонника Чингиза.

В эту эпоху живой литературной деятельности, хотя рождались и самобытные монгольские произведения, преобладали переводы с уйгурского, китайского и тибетского языков, с двух последних — обычно посредством уйгурского, с помощью готовых уйгурских параллелей, готовой терминологии. О том, как

боролись друг с другом уйгурские и тибетские традиции в истории монгольского письменного слова, говорится на следующих страницах.

«Государственный алфавит» — квадратная письменность

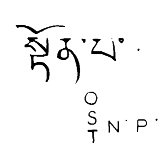
Осенью 1269 г. в монгольской империи было обнародовано введение «монгольского нового алфавита» (кит. *мэн-гу синь-цзы*), который называется и «государственный алфавит» (кит. *го-цзы*) и — по его внешней форме — «квадратное письмо» (монг. *dörbeljin üsüg*), а также «новое письмо», или «письмо Пакба-ламы».

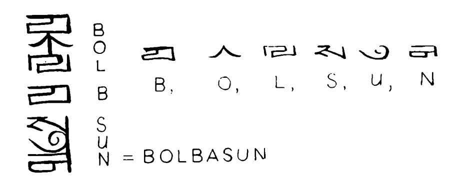
Тибетец Пакба Лодойджалцан (1234—1279), знаменитый представитель ордена Сакья, императорский наставник (кит. *ти-ши*), родился в знатной семье. Как повествует юаньская история [80], ему исполнилось всего семь лет, когда он уже читал канонические книги, «много сотен тысяч слов», и соотечественники назвали его «святой мальчик». Приглашенный Хубилаем в тогдашнюю монгольскую столицу Ханбалык (Пекин), он получил звание «государственный наставник» (кит. *гоши,* отсюда монг. *gui-ši, güši, guuši,* тиб. *ku'i šrī*) [81] и яшмовую печать. Он сочинил ряд трактатов по философии и религии, посвященных членам царствующей семьи. Эти сочинения, написанные по-тибетски и вошедшие потом в сборник трудов сакьяских монахов, вероятно, были переведены на монгольский, иначе они остались бы недоступными монгольским князьям и царевичам; может быть, Пакба-лама и сам переводил. «Монгольский новый алфавит» он составил по приказу императора Хубилая (1260—1294). «Каждое государство имеет свое собственное письмо, — говорил Хубилай,— а в монгольской империи используются китайские и уйгурские письмена». И, как правители предыдущих «варварских» государств Ляо и Цзинь, он велел создать новое письмо, применимое к языкам государства, прежде всего к монгольскому.

Естественно, что китайское письмо, так же как и китайская культура и образ жизни, казалось монголам опасным. Понятно и то, что созданные по китайскому образцу киданьские, чжурчжэньские и тангутские письменности — знаки подвластных народов — не были заимствованы монголами, но нелегко точно сказать, почему не нравилось Хубилаю уйгурское письмо, которым монголы пользовались уже более полувека. Быть может, в создании новой письменности — одного из важных символов государственной самостоятельности — выражается и стремление к разрыву со слишком влиятельными уйгурскими советниками. В духовной жизни монголов началась эпоха сильного тибетского

влияния. Недаром Рашид ад-Дин пишет: «В конце эпохи Хубилай-каана было два тибетских ламы[82]; одного звали Танба, а другого — Ламба... Они жили в собственных кумирнях каана... Они были родственниками... Ламы и их род [происходили] от государя Тибета. И хотя есть много лам из китайцев, индусов и прочих, но тибетцам больше верят». Еще не выяснено, кто скрывается под каждым из этих, возможно искаженных, имен. В «Юаньской истории» («Юань-ши») упоминается тибетский лама Таньба, государственный наставник, живший в то же время, что и Пакба-лама, но из другого рода. По Рашид ад-Дину, проповедник «идолопоклонства» Танба-бахши продолжал свою деятельность и при следующем императоре, Темуре. Загробная судьба членов господствующего дома была в руках тибетцев.

В составлении своего «нового письма» Пакба-лама следовал родному тибетскому образцу. В «монгольском новом алфавите» были использованы все буквы тибетской азбуки. Новые, отсутствующие в тибетском буквы были заимствованы из индийского деванагари или ланча, или являлись видоизменениями тибетских букв. Индийскими буквами заменены и тибетские знаки *ц* и *цх,* которые в тибетском отличаются от *ч* и *чх* лишь небольшим штрихом. Согласно традициям индийских письменных систем, в том числе и тибетской, этот «новый алфавит» сопровождался слоговой орфографией, в которой буквы сочетаются по слогам,— здесь они даже пишутся слитно — и каждая согласная буква может выразить и слог с гласным *а,* не имеющий особого знака (в отличие от других гласных) и долготы. В то время как в тибетской графике характер письменности не совсем линеарный (ведь горизонтальный ряд нагружен и знаками, пишущимися в вертикальном направлении, привязываемыми то сверху, то снизу), в письме Пакба-ламы линеарность полная: в вертикальных строках знаки следуют друг за другом без изменения направления, как это явствует из сравнения написания тибетского слова *ston-pa* «учитель» и монгольского слова *bolbasun* «зрелый» (первое в тибетском, второе в квадратном письме):

Большинство букв Пакба-ламы имеет угловатую форму и помещается в прямоугольнике, отсюда и слова имеют вид прямоугольных колонн. Неизвестно, заимствовал ли Пакба-лама квадратную форму из схожих индийских график или китайского квадратного почерка, употреблявшегося в легендах печатей. Не исключено и то, что такой вид письма в Тибете существовал уже до Пакба-ламы. Вертикальное направление соответствует не китайскому, а уйгуро-монгольскому письму. Следы предыдущей монгольской письменной системы наблюдаются и в других чертах «нового письма», например в том, что буквы, образующие один слог, пишутся слитно (поэтому оказалась излишней тибетская точка, знак слоговой границы, вернее конца слога), что создана особая буква (видоизменение тибетской) для заднеязычного смычного *q*, что в непервых слогах вместо *ü* пишется порой только *U*. Есть и особенности, связывающие эту письменность с другими системами. Переднерядные гласные *ö* и *ü* обозначены здесь при помощи двух знаков, как в уйгуро-монгольском, но если там пишется *OY* в значении *ö* и *ü*, то здесь — *EO-ö* и *EU-ü*, согласно практике уйгурских памятников письмом брахми[83]. В отличие от уйгуро-монгольской орфографии *ö* пишется полностью и в непервых слогах (исключение — уйгуризм в первом слоге: *moṅka* вместо *möṅke*, среднемонг. письм. *mongke*, монг. письм. *möngke* «вечный»). Бывают и загадочные тибетизмы, как *zara* вместо *sara* «месяц» (тибетская буква *Z* звучала как *s* уже в юаньский период), *yėk̲e* «великий» с тибетским непридыхательным глухим вместо придыхательного, *deṅri* «небо» и *jiṅgis* «Чингиз» — слова со звонким начальным вместо глухого.

Несмотря на некоторые уйгуризмы, многозначность знаков здесь практически отсутствует. Любопытно, что в «новом письме» четко обозначены не только главные фонемы (как упомянуто выше, после согласного звука гласный *a* не имеет особого знака), но — в случае *ė* и *e* — также аллофоны. Гласные начала требуют немой буквы, выполняющей роль «основы» (mater lectionis), к которой привязывают гласные знаки. Такими немыми «основами» служили буквы тибетская *а-чен*, или «большое *a*» (для *a*, *ö*, *ü*), и простой горизонтальный штрих (для *o*, *u*, *ė*, *i*). Из этого ясно, что гласные буквы считались, как и в индо-тибетской и семитской алфавитных письменностях, несамостоятельными. Вместо чистого гласного начала иногда пишется тибетская буква *а-чунг*, так называемое «малое *a*», обозначающее в начале непервого слога гортанный смычный вместо щелевого *γ*, *g* письменного монгольского, а внутри слога — долготу гласного[84].

«Новое письмо» было приспособлено и к китайскому языку.

При помощи добавочных букв и буквосочетаний китайские звуки передавались точно, только без тонов, музыкальных ударений. Впервые в истории китайской письменности употреблялся точный фонетический алфавит для фиксирования китайской речи.

Создатель «государственного алфавита» Пакба-лама получил новое звание от Хубилая: бывший «государственный наставник» был назначен теперь «владыкой великого, драгоценного учения» и награжден новой яшмовой печатью. «Государственный алфавит» стал официальным письмом монгольской империи, он распространялся императорскими указами[85], были созданы школы для обучения «новому письму», а старый, уйгуро-монгольский алфавит даже запрещался.

Известно несколько десятков памятников квадратного письма, тексты на монгольском и китайском языках, несколько слов — краткое предложение — на тюркском и на тибетском. Китайские памятники этого письма были обнаружены почти везде в пределах собственно Китая, даже на крайнем юге, в провинции Юньнань, в г. Куньмин, где стоит каменная плита с монгольской надписью 1340 г. уйгурским письмом, но с китайским заголовком письмом Пакба-ламы, свидетельствуя о том, что «новое письмо» для монгольского употреблялось уже ограниченно. На китайской надписи 1335 г. одного хэнаньского даосского храма[86], которая высечена китайским и квадратным письмом, однословный монгольский заголовок (*jarlig* «указ») написан контурными квадратными буквами. Большинство монголоязычных памятников квадратного алфавита — однородные надписи небольшого объема, в которых зафиксированы привилегии того или иного монастыря. Одна такая грамота в Тибете сохранилась и в первоначальной форме, т. е. на бумаге[87]. В Китае спешили высечь слова указа в камне, зная, что бумагу разорвать гораздо проще, нежели вырубить топором каменописный указ.

Две большие стихотворные надписи буддийского содержания высечены вместе с китайскими, тибетскими, уйгурскими, тангутскими и санскритскими параллелями в арке ворот у Цзюйюнгуань, крепости Великой стены вблизи Пекина. В Восточном Туркестане были найдены фрагменты ксилографического издания сборника изречений Сакья-пандиты в монгольском переводе Соном-гары. По будапештскому изданию тибето-монгольской рукописи того же сочинения финскому ученому П. Аалто удалось отождествить опубликованный еще Г. Рамстедтом небольшой фрагмент, где не было ни одной целой строки. Недавно стали известны другие куски той же старопечатной книги. Эти фрагменты пока единственные свидетели монгольского книгопечатания квадратным письмом; в то же время они представляют собой первый известный памятник монгольской печатной книги

светского содержания. Несомненно, были напечатаны и другие монгольские книги квадратным письмом, вероятно и буддийские сочинения, может быть также словари, учебники и переводы китайской классики. Обнаружено и несколько металлических дощечек (пайцз) с монгольской надписью квадратным письмом. Они служили удостоверениями посланников и уполномоченных. «Великий хан...— читаем у Марко Поло,— вручил им золотую дщицу; было на ней написано, чтобы во всех странах, куда придут три посла, давалось им все необходимое»[88].

Видимо, вне пределов китайской части монгольской империи письмо Пакба-ламы, хотя и стало известным, не получило широкого распространения и не могло вытеснить уйгуро-монгольскую письменность. Любопытно — возможно, это случайность,— что на территории Монголии до сих пор не обнаружено ни одной монгольской надписи квадратным письмом. Может быть, такие надписи стали жертвой времени или заросли травой, как развалины большей части Каракорума. В одном буддийском ксилографе, найденном в окрестностях Турфана[89], между уйгуро-монгольскими строками для уточнения чтения индийского имени употреблено квадратное письмо (как буквы брахми в некоторых уйгурских памятниках), но книга могла быть напечатана и в Дайду, т. е. в Пекине, что надлежит сказать и о вышеупомянутых фрагментах сборника изречений. О сосуществовании уйгурского письма и квадратных знаков говорит нам небольшой фрагмент рукописи ТМ 191 (Берлин)[90], на которой промежуток уйгуроязычных строк уйгурским письмом заполнен квадратными буквами, и легенда квадратным письмом печати Чагатаидов на указе, написанном уйгуро-монгольскими буквами на монгольском языке (TII D224, Берлин)[91], а также золотоордынские бересты с уйгурскими и квадратными знаками (Эрмитаж)[92]. Однако знаменитые ильханские грамоты и письма конца XIII — начала XIV в. написаны уйгуро-монгольской графикой, как будто тамошние грамотеи не знали о письменной реформе Хубилай-хана.

Небольшой кусок материи — видимо, остаток матерчатой обложки давно исчезнувшей тетради, имеет фрагменты четырех строк квадратным письмом[93]. Знаки здесь не образуют слов и, казалось бы, не содержат ничего интересного для следопыта забытых письмен. И все же этот кусок представляет собой единственный современный памятник, который дает нам сведения «о государственном алфавите» как об определенном порядке знаков. Хотя на нем нет начала этой «азбуки» и отсутствует ее конец, из остатка явствует, что порядок знаков следует индо-тибетскому фонологическому принципу: согласные буквы перечисляются по месту образования соответствующего звука: «гортанные», нёбные, зубные и губные, но без «чужих» букв для чужих

звуков и без новых знаков для монгольского, которые со всеми остальными, плавными и гласными, здесь даются в конце: [*k, kh, g, ṅ*] — *č, čh, ǰ, ñ* — *t, th, d, n* — [*p, ph, b*], *m* — *c, ch, j* — *ž, z,'* («малое *a*») — *y*, [*r, l, v*] — [*š, s*], *h, f* (= диграф *hv*) — *y, i, u, e, o*; *q*[?], γ... Этот перечень букв, конечно, не полон и в том плане, что не охватывает всех знаков «международного алфавита» Хубилая.

В начале XIV в. уже и в центре империи кончилось единовластие квадратного письма. Хотя грамота, жалованная в 1314 г. буддийскому храму Хэнаньской провинции[94], написана буквами Пакба-ламы, однако «Бодхичарьяватара», стихи индийского мистика Шантидевы, переведенные с тибетского на монгольский и толкованные сакьяским монахом Чойджи-одсером, были напечатаны уйгурскими знаками в 1312 г. в «великой столице» Дайду по приказу императора[95]. Итак, несмотря на точность и однозначность, квадратное письмо не могло соревноваться с гибкими уйгурскими знаками. В следующем, XV в. письмена Пакба-ламы были преданы монголами забвению. Изучали их китайские книжники — воспроизводили образцы — легенды юаньских медных монет или бумажных денег[96], копировали (нередко в искаженной форме) китайские фонетические словари, каталоги знаков, где юаньское произношение было зафиксировано знаками ученого тибетца[97]. В этих работах дошел до нас полный китайский алфавит квадратных букв. А в Тибете, на родине Пакба-ламы, его угловатые письмена в немного измененном виде и без лишних монгольских букв дожили до нашего столетия на печатях, на небольшой поверхности которых эти знаки, тесно связуясь друг с другом, образуют уже не монгольские, а только тибетские слова, но называются *хор-йиг*, т. е. монгольскими буквами[98].

Письменный язык и живая речь

В монгольском языке, как он закреплен в уйгурской графике, немало звуковых особенностей остается скрытыми из-за многозначности знаков, и не всегда ясна граница между звуковой действительностью и орфографией. Слово в значении «сто» пишется уйгурскими буквами, а в китайских транскрипциях XIII—XIV вв. читается *ǰaγun* (ср. киданьск. *ǰau*, совр. ордос. *ǰū*). Спрашивается, действительно ли уйгуро-монгольская буква γ этого слова первоначально соответствовала смычному или щелевому звуку,— это можно предполагать на основе таких слов, как *daγa* «следовать», которое в китайской транскрипции появляется в форме *daqa-* (ср. совр. монг. *дага-*), или же в слове *ǰaγun* «сто» эта буква служила лишь орфографическим указателем

границы двух соседних гласных или даже указателем долготы, как в слове *čaγaγan* ⟶ *čaγan* (кит. транскрипция *čaqa'an*, совр. ордос. *čagān*).

Слова в письме Пакба-ламы или записанные примерно в ту же эпоху арабской графикой, кажется, говорят в пользу тех, которые предполагают чисто орфографическое употребление обсуждаемой буквы в данных случаях. Правда, место уйгуро-монг. γ (и *g* в том же положении в переднерядных словах) занимают порой щелевой *h* или *w*, но это может быть и вторичное, позднее явление (вторая половина XIII в.)[99]. Дело осложняется тем, что в некоторых словах уйгуро-монгольского письменного языка согласная буква γ (или *g*) была немой уже при первой записи и обозначала лишь долготу слова. В самом деле, вопрос о действительном произношении отдельных букв уйгурской графики, примененной к монгольскому, является деталью неразрешенной загадки о происхождении письменного языка эпохи Чингиз-хана. Существовал ли такой монгольский диалект в начале XIII в., для которого буква γ (и ее сородичи) обозначала везде реальный согласный звук, твердо установить еще не удалось, но уже давно стало ясно, что во многих письменно-монгольских словах интервокальные согласные буквы γ, *g*, а иногда и *b* и *m*, немые уже во второй половине XIII в., исторически соответствуют реальным согласным. Об этом свидетельствуют чередования в современных, живых диалектах (бурят. *дэгэл*, калм. *девл*, халха-монг. *дээл* — «халат, тулуп»), средневековые монгольские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках и тюркские параллели[100]. Другое дело, что в том диалекте, который господствовал по крайней мере с середины XIII в., эти звуки в определенных условиях выпадали и соответствовавшие им буквы имели уже чисто орфографическую функцию; впоследствии же появились аналогичные письменные формы, уже без исторической основы.

На основе разного звучания (или, скорее, разного написания) слов в уйгуро-монгольской графике и квадратной письменности второй половины XIII в. возникло мнение о том, что памятники квадратного письма и созвучные с ними монгольские тексты в китайской иероглифике представляют живую речь, разговорный язык в отличие от «старописьменного» монгольского языка. В действительности эти «языки» отличаются один от другого только в той мере, что и сами письменные системы, в которых они записаны (не считая здесь расхождения во времени и пространстве). Основное единство и даже тождество памятников двух письменных систем подтверждается сравнением текста фрагментов письмом Пакба-ламы с текстом будапештской уйгуро-монгольской рукописи сборника изречений Сакья-пандиты. Как доказал акад. Л. Лигети[101], версия квадратным письмом полностью

совпадает с текстом уйгуро-монгольской графикой; мало того, ксилографическое издание, напечатанное квадратным шрифтом (т. е. после 1269 г.), восходит к уйгуро-монгольскому тексту. Поздняя копия (вероятно, XVII в.) — будапештская рукопись — сохранила подлинник, с которого средневековые знатоки квадратных знаков переписали текст для деревянных досок. В конце концов, если оставить в стороне появление дифтонгов и долготы вместо групп гласный — смычно-щелевой — гласный, расхождения письменного языка и живой речи в XIII в. представляются еще не очень большими, и памятники квадратного письма стоят ближе к разговорному языку лишь в том смысле, что они благодаря знакам Пакба-ламы дают больше информации о произношении, чем уйгуро-монгольские (которые, просто из-за отсутствия соответствующей буквы, не сохранили, например, начальное *h* среднемонгольского) [102].

Другое обстоятельство, и не менее важное, заключается в том, что диалекты отражались в какой-то мере и в письме. Западные писцы писали, например, *ora,* восточные — *oro* «войти» [103], а в памятниках XIV в. появляются уже такие вульгарные разговорные формы, как *türün* (= *türün*) «раньше» от *terigün* «начало» [104] или *qaučin* вместо *qaγučin* «старый» [105], *ǰoriγ-iyaran* вместо *ǰoriγ-iyar-iyan* [106] «со своим намерением» и т. п. Известны фонетические особенности текста «Сокровенного сказания» в китайской транскрипции конца XIV в., среди них и такие, которые существовали уже во времена квадратной письменности (например, отсутствие заднеязычного звонкого смычного, вместо которого и здесь пишется глухой придыхательный смычный *q*; встречается еще *h* — исчезающая фонема, и новые долгие гласные и дифтонги) [107].

Одним из своеобразных явлений в позднем чтении «Сокровенного сказания» является озвончение некоторых согласных начал (точнее, речь идет о полузвонких), например *gü'ün* вместо *kü'ün* ← письм. монг. *kümün*. Возможно, к диалектным явлениям относятся и сохранившиеся в некоторых памятниках («Сокровенное сказание», надписи) загадочные глагольные и именные формы женского рода, например *büligi* «была» (*bülege* «был») от глагола *bü-* «быть» или *Barquǰin* «женщина из рода Баргу» (*Barqudai* «мужчина из рода Баргу»), *moritai* «женщина, которая имеет лошадь» (*moritu* «имеющий лошадь» от *mori-n* «лошадь»), *döyi* «младшая сестра» (*de'ü* «младший брат»). Загадочны эти формы потому, что в монгольских языках наших дней, как в алтайских языках вообще, отсутствует грамматический род; существуют только изолированные случаи названия мастей животных, где употребляется особый суффикс для обозначения самки (совр. монг. *бор азарга* «сизый жеребец», *борогч гуу* «сизая кобыла») [108].

Бывают и такие парадоксальные случаи, когда средневековая письменная форма ближе нынешнему разговорному произношению, чем письменной форме XVIII в. Чтобы не приводить новый пример, возвратимся к глаголу *bülege* «был», который пишется в XVIII в. в «классической» форме *bülüge* (уже безотносительно к роду) и, например, в халха-монгольском произносится как *bilē*. Эта загадка, видимо, также связана с диалектами старины, еще малоизвестными (надлежит сказать, что и среди живых монгольских диалектов есть такие, о которых у нас имеются лишь очень отрывочные сведения). По всей вероятности, в XIV—XV вв. произошли дальнейшие изменения в живом языке и увеличилось расхождение между речью и ее письменной формой. Более или менее оторвавшись от пестроты диалектов, письменный язык стал автономным, жил уже своей собственной жизнью и, как обычно литературные языки, особенно в фонетическом и морфологическом отношениях, являлся хранилищем старых, «правильных» форм. Консерватизм и большое, но, как правило, строго закономерное его различие с живой фонетикой обеспечили письменному литературному языку сверхдиалектный характер, который он сохранил почти до наших дней.

Возрождение монгольской культуры. XVI—XVIII вв.

Юаньская империя уже давно закончила свое существование, потерял свой «драгоценный город» Дайду последний юаньский император, слишком веселый хан Тоган-Темур. После китайских походов превратился в развалины и гордый град Угедея, Каракорум. Первая монгольская столица вместе со знаменитым храмом, посещавшимся буддийскими паломниками далеких краев, погибла так же, как пали когда-то во время монгольских походов чужие города. Быстрее других монголов усилились ойраты, жившие на далеком западном горизонте Китая, в Восточном Туркестане. В середине XV в. их князь Эсен снова объединил западных и восточных монголов на несколько лет. С последней четверти XV в. центр политической жизни монголов на целое столетие переместился в восточные кочевья. Даян-хану еще до конца XV в. удалось снова сплотить раздробленные княжества, но уже в последний раз: его сыновья и внуки не смогли сохранить единства.

Следующие попытки восстановления единого государства потерпели поражение и сопровождались междоусобными войнами, которые вели к подчинению монголов маньчжурам. Во второй половине XVI в. внук Даян-хана, тумутский правитель Алтан-хан успел создать довольно прочную власть над южными монго-

лами и установить торговлю с Китаем. Государство чахарского Лигдан-хана, провозгласившего себя юаньским и минским императором (монголы называли его святым, маньчжуры — незаконным ханом), было разбито маньчжурами в 30-е годы XVII в. От маньчжурского оружия погибла и власть ойратского Галдана в 1697 г. В век европейского Просвещения и Великой французской революции большинство монголов находились под маньчжурской властью. И в эти бурные столетия, полные неизмеримых страданий, произошло возрождение культурной жизни монголов. Стремление к восстановлению политического единства нуждалось в идейной опоре. Монголы искали свою потерянную историю. Рождались новые летописи, первые после падения империи, и правители кочевников вновь обратились к Тибету, его идеологии.

Монголы не забыли о буддизме, который получил широкое распространение в городах юаньской империи, но большинству монголов было тесно в четырех стенах людских загонов, а на своих кочевьях они оставались ближе к шаманизму, «начальной» вере своих отцов. В их степях бывали бродячие монахи, тибетцы-красношапочники, да и сами кочевники посещали буддийские святыни во время своих не всегда мирных торговых путешествий в пограничные китайские города или в Пекин. Известны имена нескольких лам, живших среди монголов в XV в.: Камалашри, получивший титул «государственного наставника» при минском дворе [109], Самандашри, для которого ойратский Эсен-тайши просил у минского императора предметы культа, иконы и пр. [110]. Цзяшилинчжэнь [111], другой тибетский монах того же ойратского князя, был задержан в Пекине как лазутчик [112]. Встречаются и знатные монголы, носившие имена буддийского происхождения: Очирболод, или Очирой-тайджи, пятый сын Даян-хана, Убасанджа, десятый сын Гересанджа (или Гересендже) [113].

Китайский двор также поощрял деятельность буддийских монастырей среди «северных варваров»: так была воздвигнута и амурская кумирня Юнлинсы на чжурчжэньской земле с надписью на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках (1413 г.). Правда, бывало, минское правительство препятствовало построению монгольских монастырей на своих пограничных землях, имея в виду, что святыни дают повод монголам для слишком частых и не всегда мирных визитов. Однако в 70-е годы XVI в. по просьбе тумутского Алтан-хана, которого китайцы называли то «князь, следующий справедливости» *(шунь-иван)*, то «главный невольник», из Пекина послали тибетских монахов со священными книгами, чтобы «смягчить диких невольников» [114]. В 1575 г. уже стоял ламаистский храм в тумутской столице Синем городе (Хухе-Хото), и осенью 1578 г. во

время пребывания Алтан-хана у Кукунора произошла знаменитая встреча между ним и Соднамджамцо, главой ламаистов Центрального Тибета, которому тумутский хан пожаловал титул «Очирдара далай-лама»[115] вместе с драгоценными подарками — золотой чашей, наполненной жемчугом, и печатью из 100 лян золота[116]. Отсюда берет начало новый союз монгольских правителей с тибетским духовенством. Интересы реформированной и централизованной ламаистской церкви (ордена желтошапочников, основанного в начале XV в. Дзонкапой) столкнулись с интересами кочевых князей, стремившихся к единовластию. В 1580 г. правитель северных орхонских кочевий Абатай-хан принял ламаизм и в том же десятилетии построил «Драгоценную кумирню» у развалин Каракорума.

Вновь началась переводческая деятельность, отыскивались ветхие рукописи и печатные издания, упорно работали писцы, немало было работ и у резчиков ксилографов. Из Тибета прибыли ученые ламы, в Тибете учились молодые монголы, приверженцы новой веры, часто из княжеских семей. Главным покровителем ламаизма среди южных монголов стал сам Алтан-хан, «владыка святого учения». Еще при его жизни, в 1587 г., был напечатан монгольский перевод объемистой «Сутры золотого блеска»[117] и, вероятно также по инициативе его или членов его семьи, переведены с тибетского или собраны старые издания большинства сочинений монгольского Ганджура. В его столице Хухе-Хото работал Шришиласвараба Ширегету-гуши-цорджива, ученик далай-ламы, переведший целый ряд произведений буддийской литературы, и среди них космогонический трактат Пакба-ламы, двенадцатитомную часть Ганджура (серию философических и логических сочинений «Юм»), житие и «Сто тысяч песен» Миларайбы, великого тибетского поэта XII в., и трогательное сказание о мучениях принца, искавшего цель жизни и путь к спасению[118]. Об этом литераторе, творившем и в первой четверти XVII в., известно пока очень немного. Мы знаем о его связях с халхаским князем Цокту-тайджи, сторонником красношапочников и независимости от маньчжуров[119]. Эти связи также свидетельствуют о том, что борьба между реформированными и старообрядческими сектами ламаизма в 20-е годы XVI в. не окончилась, но велась не везде и не обязательно остро.

Знамениты своими переводами были и Самдансенге, и Майдари Дайгун-даюн-шику-гуши, ученик литератора Ширегету-гуши, и особенно Гунга-одсер, который был «главным редактором» при составлении монгольского Ганджура по просьбе и при поддержке Лигдан-хана. Великая работа редакции (нередко обработки старых алтанхановских или юаньских переводов) была завершена в 1629 г.[120]. Эта версия канона с некоторыми изменениями была напечатана в 108 томах пекинского «Красно-

го Ганджура» при маньчжурском императоре Шэнцзу Канси: маньчжуры также хорошо поняли значение ламаизма для ограничения монгольской воли. Но до этого было еще целое беспокойное столетие почти непрерывных войн монгольских князей между собой и с маньчжурами, которые тем не менее не помешали оживлению монгольской культуры и письменности.

Знатные ойратские монахи, учившиеся в Тибете, вернулись на родину проповедовать «желтую веру». Старший из них, Нейчи-тойн (1557—1653), ученик Панчен-ламы, стал первоучителем ряда северных внутреннемонгольских аймаков[121]. Другой ойратский монах, Зая-пандита, который не менее успешно боролся против шаманизма среди родных ему ойратов, изобрел и новую письменность, ездил от Желтой реки до Яика и от Алтая до Гималаев.

Когда умер третий далай-лама (на самом деле титул «всеобщего ламы» он носил первым), его место занял Ёнданджамцо, внук Алтан-хана, единственный монгольский далай-лама (ум. в 1616 г.). В первой половине XVII в. ойратский Гуши-геген-хан, «государственный наставник» и «возрожденный святой», захватил в Центральном Тибете светскую власть.

В XVII в. составлен «Желтый изборник» неизвестного автора, тогда же писал свою летопись «Драгоценный свод» княжеский историк ордосский князь Саган Мудрый, составил «Золотой свод» южномонгольский монах Лубсандандзан, выписывая большие главы из «Сокровенного сказания», доступного ему еще в уйгурской графике[122], и в этом же веке появились первые монголоязычные ксилографы в маньчжурском Пекине.

На халхаской земле также нашлось «живое божество» в лице Ундур-гегена, сына могущественного князя Тушету-хана. Противник ойратского Галдан-Бошокту-хана, сменившего ламскую рясу на одежду воина, он играл значительную роль в маньчжуро-монгольских связях, укреплении ламаизма и истории монгольской пластики.

В XVIII в. монгольская культура развивалась в основном под покровительством маньчжурских владык и преимущественно в пределах буддийской церкви. Действовали сотни богатых монастырей, обладавших обширными пастбищами, многочисленными крепостными. Одни святыни получали материальную поддержку от маньчжурских императоров, другие — от монгольских феодалов. В Пекине были построены новые и оживились старые монгольские монастыри. Там же действовали школы тибетской и монгольской словесности. За печатным изданием монголоязычного Ганджура (1720 г.) следовали 226 томов перевода Данджура, второй части ламаистской энциклопедии (1749 г.)[123]. В этой работе принимало участие много ламаистских ученых, переводчиков, филологов; они готовили терминологический сло-

варь, обрабатывали старые переводы, устанавливали новые правила орфографии.

Было немало знаменитых книжников и литераторов, среди них знаток языков уджумчинский Гомбоджаб (автор исторического изборника «Течение Ганга» и тибетоязычного очерка по истории буддизма в Китае; директор пекинской школы тибетской словесности), джарутский историк-монах Улемджи-биликту (современник ойратского летописца Габан-Шараба, автор хроники «Золотое колесо с тысячью спиц», 1739 г.). Известны также меценаты — «живое божество» второй пекинский Чжанчжа-хутухту (1717—1786; издатель альбома ламаистского пантеона 300 богов и редактор вышеупомянутого терминологического словаря в 1742 г.) и маньчжурский принц Кензе-чинван, заказчик нескольких изданий (род. в 1697 г., 17-й сын императора Канси), цецерликский любитель книг и тибетоязычный автор халха-монгольский Зая-пандита Лубсан-принлай (1663—1715)[124], уратский настоятель Мерген-диянчи-геген, написавший новый, третий «Золотой свод» (1765 г.)[125], или бааринский дворянин Раши-пунсук, перу которого принадлежит хроника «Хрустальное ожерелье» (1775 г.)[126].

Еще в начале века (1716 г.) была впервые напечатана монгольская версия сказания о Гесер-хане, божественном герое, «владыке десяти стран света», о его походах против злых чудовищ и, между прочим, о его превращении в осла[127]. В рукописных переводах распространялись китайские романы. В 1770 г. изготовили печатные доски приключений бодхисаттвы «Синегорлой лунной кукушки», переведенных с тибетского престарелым дайгуши (главным государственным наставником) Агван-дампелом[128].

В XVIII в. кроме многотомного канона печаталось больше 200 монгольских книг; рядом с чисто религиозными произведениями и филологические работы, грамматики и словари, оракулы и календари, астрономические трактаты (в них отразилась и европейская наука начала века, проводниками которой явились ученые иезуиты императора Канси), жития, повести, законы, биографический лексикон о монгольской знати (или «Послужной список» для маньчжурской администрации в Монголии), медицинские и прочие сочинения. Кроме пекинских печатных дворов существовали и другие монастырские типографии, одна действовала на чахарской земле[129]. Южномонгольская культура оказала известное влияние на других монголов, даже в Забайкалье.

XVI—XVIII вв. являются эпохой обновления монгольской словесности, эпохой, когда формировался классический язык и создавались также новые монгольские алфавиты и самостоятельные письменные языки. В настоящее время известна и изу-

чена лишь небольшая часть богатого письменного наследия этих веков и почти не тронуты памятники других областей культуры, искусства.

Уйгуро-монгольская графика

Перед нами монгольская книга. От нее веет запахом курительной свечки, монгольского чая с молоком и аргального дыма. Она была, скажем, напечатана с деревянных досок уйгуро-монгольским шрифтом, издана в XVIII в. По заголовку на желтой обложке легко установить начало книги, и, даже если мы не знакомы с данной графикой, рисунки на первых листах указывают нам, как правильно держать книгу, из чего ясно, что строки идут в вертикальном направлении. На последней странице конечного листа, которая не заполнена до конца текстом, более короткие, чем обычно, строки ясно говорят о том, что письмо читается сверху вниз и слева направо.

Строки состоят из прямых висячих ожерелий «зубцов», «петель» и других довольно простых графических элементов, которые пишутся обычно слитно, образуя ось, заканчивающуюся чаще всего более или менее горизонтальным штрихом, тянущимся направо, или кривой линией в форме дуги, или длинным багром, который тянется налево. Промежутки между ожерельями обозначают обычно границу слов и некоторых морфем.

В некоторой мере упрощая картину, можно выделить 16 графических элементов — простейших разновидностей штрихов и линий, встречающихся в письме, но еще без учета их возможного фонетического значения (см. стр. 41).

Таким образом, в состав этих элементов входят чисто графические компоненты разных букв (например, «дуга», № 12, встречается в буквах Y_3, R_3, $O_{3,4}$, $B_{1,2}$, $K_{1,2}$) и готовые буквы — последние в том случае, если они графически неразделимы, т. е. не содержат общий с другой буквой элемент. Словом, буква обозначает обычно графический знак, передающий определенный звук; к этому определению здесь нужно добавить, что некоторые буквы данной письменности могут представлять не только один звук (фонему и аллофон), но и любой из определенной группы звуков (фонем или аллофонов). Одни из перечисленных графических элементов, например, 3, 5—8, 11, уже и есть целые буквы, другие, например 13, 14, 16, выступают или как отдельные буквы, или как части, графические компоненты букв, например, 4+13=буква T_3, Цепи знаков кончаются одним из графических элементов 9, 12—16 (шесть возможностей), из них элементы 13—16 встречаются только в конце цепи.

ЭЛЕМЕНТЫ МОНГОЛЬСКОЙ ГРАФИКИ

0 вязь оси

1 „зубец" (sidün, ačuγ)

1а „зубец с коронкой" (titim)

то же (поздний вариант)

2 „палочка" (silbi – „голень", urtu sidün – „длинный зубец")

2а „палочка" с крючком вверх

2б „палочка" с крючком вниз (V)

3 „рогатая палочка" (R)

4 „петля" (gedesün – „брюхо")

5 Q_1

6 S (ǰabaǰi – „угол рта")

7 T_1

8 D

9 „коса" (eber – „рог", geǰige – „коса") вверх (L)

10 „коса" вниз (M)

11 „рог" (eber) угловатый (Č)

11а „рог гладкий" (J̌)

12 „дуга" (numun – „лук")

13 „хвост" (segül) или „кисть" (sačaγ)

13а „хвост висячий"

14 „хвостик"

15 „крюк"

16 „багор" (если пишется отдельно, его называют orkiča – „отброшенное в сторону")

точка

двойная точка

„флажок" (ǰartig < тиб.)

Если составим буквы изо всех возможных в классической письменности сочетаний данных графических элементов и добавим к буквам диакритические знаки, то получится букв сорок. Однако, как уже сказано, подобно некоторым семитским письменностям, одни буквы встречаются только в начале, другие только в конце или в середине слова, лишь некоторые появляются в двух (например, $4+2=$ буква O в конце и отдельно, т. е. O_3, O_4) или в трех позициях (практически такой является буква L: $L_1 \hookrightarrow L_2 \hookrightarrow L_3$).

Возможных позиций — четыре: инициальная, медиальная, финальная и отдельная; если соберем в одной группе графически связанные буквы по четырем позициям, то число единиц будет меньше двадцати. Эти единицы будут содержать не больше четырех букв, которые можно назвать позиционными вариантами (позиционная аллография). Позиционный вариант может иметь свои орфографические варианты (например, с точкой или без нее; диакритическая аллография) и чисто графические варианты, а также (внутри этих последних) — территориальные и исторические, общие и индивидуальные, факультативные и исключительные разновидности, но эти явления, графическая аллография, касаются преимущественно другого плана графики, а именно почерков.

На основе вышеизложенного выделяются следующие буквы-графемы, в которых соединяются позиционные аллографы (графемы обозначены прописными буквами, за ними следуют цифры, символы позиционных аллографов, потом, направо от знака равенства,— значение и, наконец, графическое определение, притом наличие диакритических знаков — точка у N, двойная точка у остальных — обозначается по палеографической транскрипции Л. Лигети [130], штрихом над или под буквой):

$A_1=e$; гласное начало перед A, Y, O; в начале суффиксов, пишущихся раздельно, $=a$ или e по сингармонизму; $A_{2-4}=a$, e. Графически A_{1-2} = «зубец»; A_3 = «хвост»; A_3' = «зубец», переходящий в «багор» после B, K и порой A_1; A_4 = «багор».

$N_{1-3}=n$. Графически N_{1-2} = «зубец», N_3 = «хвост»; $\underline{N}=N$ с точкой ($=\underline{n}$), по классическому правописанию только перед гласным.

$Q_{1-4}=q$, γ. Графически Q_1 самостоятельный элемент (№ 5); Q_2 = два «зубца», в некоторых рукописях и ксилографах до конца XVII в. $=Q_1$; Q_3= «зубец» и «хвостик»; $Q_4=Q_1$ с «хвостиком», редкий аллограф. $\underline{Q}=Q$ с двумя точками ($=\bar{q}$, $\bar{\gamma}$), по поздней классической орфографии $\underline{Q}=\gamma$, $Q=q$ перед гласным, γ перед согласным и паузой; по другому правописанию $\underline{Q}=q$, а $Q=\gamma$.

$S_{1-3} = s$, $\check{s}$. Графически $S_1 \leftharpoondown S_2$ а $S_3 = S_2$ с «хвостиком». $\underline{S} = \underline{\check{s}}$.

$Z_3 = s$. (Графически = «хвостик»). В текстах XIII—XVII вв. S_3 встречается обычно редко и в значении $\check{s}$ ($\bar{s}$) в отличие от $Z_3 = s$ (уйгурская z). В классической орфографии она заменена буквой S_3.

$Y_1 = y$, $\check{J}$; $Y_{2,3} = y$ перед гласным, i перед согласным; $Y_4 = y$, i; в одном слове: $\check{J}$—a «да». Графически $Y_{1,2}$ = «палочка», $Y_{3,4}$ = «палочка», переходящая в «дугу»: Y_3' после B, K = «палочка», переходящая в висячий крюк. В позднюю эпоху, с конца XVIII в., под маньчжурским влиянием в значении y пишется «палочка» с крючком вверх, а простая «палочка» обозначает $\check{j}$ в начале слова.

$R_{1-4} = r$. Графически $R_{1,2}$ — самостоятельный графический элемент, «рогатая палочка»; $R_{3-4} = R_2$, переходящий в «дугу».

$O_{1-4} = o$, u или в непервых слогах $\ddot{o}$, $\ddot{u}$, по сингармонизму. O_1 встречается только в начале суффиксов, пишущихся раздельно от основы. Графически $O_{1,2}$ = «петля» $O_{3-4} = O_2$ переходящий в «дугу»; O_3' после B, $K = O_2$, который «сидит» в конце «дуги» предыдущей буквы B или K, таким образом BO_2, $KO_2 = BO_3$, KO_3, без повтора «дуги».

$B_{1-3} = b$. Графически $B_{1,2}$ = «петля», переходящая в «дугу»; B_3 = «петля», переходящая в «багор».

$K_{1-2} = k$, g; K_2 перед согласным и K_3 (по фонологическим причинам) = g. Графически K_{1-2} = «палочка» (короче обычной и в книгах до начала XVIII в. — рогатая, у нее «змеиное жало»), переходящая в «дугу»; K_3 = «палочка», переходящая в «багор».

$T_1 = t$, d; T_2 (по классическому правописанию только в конце слога) = d; $T_3 = d$. Графически T_1 самостоятельный; T_2 = «петля» и «зубец»; T_3 = «петля» и «хвост».

$D_1 = d$ (по классическому правописанию только в начале суффиксов, пишущихся раздельно, а также в иностранных словах); $D_2 = d$, t; D_3 (по классическому правописанию лишь в конце нескольких односложных корней) = d. $D_1 = D_2$, самостоятельный графический элемент; $D_3 = D_2$ + «крюк» висячий.

$L_{1-3} = l$. Графически «зубец» и «коса» вверх. L_3 слегка отличается от $L_{1,2}$.

$M_{1-3} = m$. Графически $M_1 = M_2$, «зубец» и «коса» вниз; M_3 = «коса» закрывается «хвостиком», притом они образуют сочетание, в котором оба претерпевают изменения.

$\check{C}_{1,2} = \check{c}$; в ранних памятниках до середины XVIII в., в бурятских рукописях до начала XIX в. $\check{C}_2$ и $\check{J}_2$ чередуются, графические аллографы, часто факультативные, или $\check{C}_2 = \check{c}$, $\check{j}$, или

$\check{J}_2 = \check{c}$, $\check{j}$. $\check{C}_3$ по фонологическим причинам в монгольском отсутствует, в среднемонгольском встречается лишь в чужих словах ($\check{C}_2$, переходящий в «хвост»).

$\check{J}_2 = \check{j}$; по классическому правописанию этот старинный аллограф $\check{C}$ превратился в графему. $\check{C}$ там угловатый, $\check{J}$ — «гладкий».

$V_{1-3} = v$; так как это — знак чужого для монголов звука (он передает v уйгурский и w китайский, кроме того, f китайских слов юаньского и минского периода), а также вследствие того что $V_{1,2}$ («палочка» с крючком вниз) графически очень близок к $Y_{1,2}$, а V_3 мало чем отличается от K_3, во многих иноязычных словах эти знаки и их значение путаются.

После создания транскрипционного алфавита Аюши-гуши в монгольские книги вошло несколько новых чужих знаков. Из них упомянем здесь только самые важные. Добавлением диакритического знака «флажок» получилась буква J (т. е. *дз*) из $\check{C}$, а также P или F (звук p и f; последний из них заменялся обычно менее чужим p) из B. Буква H (x индийских и позже китайских слов) считалась «полугласным», поэтому в начале слов ей предшествовал «зубец», знак гласного начала.

Кроме сочетаний графического характера, как, например, BO, KO или ML (где «коса» L начинается не от оси, как обычно, но от «косы» M), LM («коса» M начинается от «косы» L), существуют и функциональные сочетания, значение которых не равняется сумме значений компонентов. Такие сочетания состоят из двух-четырех букв: диграфы, три- и тетраграфы.

Диграфы в начале слов:
$A_1A_2 = a$
$A_1Y_2 = i$
$A_1O_2 = o$.

Диграф внутри первого слога:
$O_2Y_2 = \ddot{o}$, $\ddot{u}$ в переднерядных словах (но *oi*, *ui* в заднерядных).

Диграф в конце слога:
$NK =$ (η; в транскрипции:) *ng*.

Триграфы в начале слов:

$A_1O_2Y_2 = \ddot{o}$, $\ddot{u}$ в переднерядных словах; $A_1\bar{Y}_2\bar{Y}_2 = eyi$ в переднерядных словах (в классическую эпоху *eyi* обозначает в самом деле дифтонг *ei*).

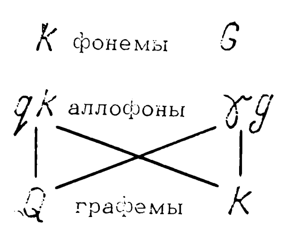
Тетраграфы в начале слов:

$A_1O_2Y_2Y_2 = \ddot{u}i$ в переднерядных словах (но *oyi*, *uyi* в заднерядных).

$A_1A_2Y_2Y_2 = ayi$ (под влиянием маньчжурской орфографии XIX в. в южномонгольских и отчасти халхаских рукописях вместо $A_1A_2Y_2Y_2$ пишется $A_1A_2Y_2$ и вместо $A_2Y_2Y_2$ внутри слова — $A_2A_2Y_2$). В классическую эпоху *ayi* обозначает в самом деле дифтонг *ai*.

 Картина довольно сложная. Не считая самостоятельными

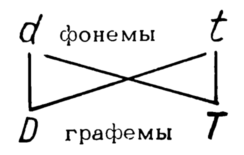
графемами *Z* (который в монгольской графике стал позиционным аллографом графемы *S*) и *J̌* и оставляя в стороне «чужие» графемы *V*, *H*, получаем 14 букв-графем для передачи не менее 20 звуков-фонем: *a*, *o*, *u*, *e*, *o*, *ö*, *ü*, *i*, *k*, *g*, *ŋ*, *y*, *č*, *ǰ*, *t*, *d*, *s* (*š* в письменном языке является еще аллофоном фонемы *s*, см. *sira* = *šira* «желтый», или редкая, чужая фонема *šabi* «ученик», *šatu* «лестница», *Šagyamuni* «Шакьямуни»), *n*, *l*, *r*, *b*, *m*. Иногда сочетание графем (диграф, триграф) соответствует одной фонеме, а графемы *Q* и *K* передают каждая по меньшей мере два аллофона тех же самых двух фонем, притом соответствие фонем и графем отчасти диагональное (полифония и групповая полифония).

Неизбежно, некоторые буквы многозначны. Как мы видели, *O* должно передать все лабиальные гласные непервых слогов, *Y* в начале обозначает *y* и *ǰ*. Странное совпадение начальных *y* и *ǰ* является одним из интересных «уйгуризмов» монгольской орфографии. Неизвестный в уйгурском звук *ǰ* иноязычных слов заменялся обычно звуком *č* в начальном и в медиальном положении, в письме — буквой *č*, однако много слов, имеющих в уйгурском начальном *y*, было известно в монгольском с начальным *ǰ*.

Авторитет уйгурской орфографии вновь вел к полифонии в монгольском письме. Предпочитающий тюркские формы Рашид ад-Дин пишет о монголах, что они «не могут произнести» слова с начальным *й*, заменяя этот звук звуком *дж*, и, хотя его замечание не совсем соответствует истине, оно неплохо отражает кыпчакский облик многих тюркизмов монгольского языка.

Дело осложняется еще тем, что некоторые полифонические (многозначные) графемы оказываются однозначными, монофоническими в определенных позициях, например, как мы видели, *A* в начале слова перед согласным передает по правилу только *e*, хотя, например, в позиции после графемы *T* она может обозначать *a* и *e*. Другой случай позиционной (и одновременно групповой) полифонии дает пара графем *D* и *T*, которая соответствует паре фонем *d* и *t*:

Между тем по классической орфографии в начале раздельно пишущихся суффиксов данные графемы четко отличаются друг от друга: в этой позиции (определенной не только графически, но и грамматически) *D* обозначает фонему *d* и *T* — фонему *t*. Здесь появляются и часто орфографические стороны полифонии (например, употребление диакритических знаков — *N* с точкой или без нее; знаки препинания; традиционные сокращения — *tngri* вместо *tengri* или *bui* вместо *büi;* удвоение буквы — *qoor* = *qoro* «яд», *kkir* = *kir* «нечистота»; раздельное или слитное написание слов). Дело в том, что не все промежутки обозначают конец слова; падежные и некоторые словообразовательные суффиксы пишутся обычно раздельно, но, по классическому правописанию, начало суффикса является продолжением слова. Поэтому, например, суффиксы *u* или *i,* как звуки в непервых слогах,— без начального *A*. Непоследовательность в случае $D_2 = d$ и $T_1 = t$ объясняется тем, что в классической орфографии уже не существовало предгласной формы T_2 и осталась единственная возможность употреблять T_1, чтобы отличить *t* от *d* в данном случае.

По вышеуказанному принципу алломорфы исходного падежа *-ača, -eče* пишутся одинаково, через *AČA*, но так как первая графема A_2 мало чем отличается от начального «зубца с коронкой», монгольские книжники читали данный ряд знаков всегда как *ēče,* как отдельное слово (отсюда и ойратская письменная форма *ēce*).

Отсутствие полифонии графем *T, K, Q* в конце слога (где они обозначают всегда однозначно *d, g* и γ респективно) является показательным, так как в этом положении нет противопоставления фонем *d* : *t* и *g* : *k*.

Причиной дальнейших осложнений является и факт, что аллографы разных графем практически совпадают, откуда известные случаи омографии:

$A_{1-3} = N_{1-3}$ (без точки) $Q_3 = AZ$
$A_1A_2 = NA$, AN (без точки) $T_3 = ON$
$Q_2 = AN$, NA (без точки) $Y_{1,2} \leftharpoondown V_{1,2}$

Совпадение формы $B_{1,2}$ и O_{3-4} не является реальной омографией из-за различия их позиций, но этот пример лишний раз показывает экономное употребление графических элементов. Во

избежание омографии $A_1A_2=A_1N_2$ в некоторых текстах вязь между «зубцами» AN длиннее, чем у A_1A_2. В целом ряде слов конечные *a* и *e* пишутся раздельно, через A_4 («багор»). Такое раздельное написание имеет место чаще всего после графем *Q*, *L*, *M*, *R*, *Y* и (реже) *N*, *O*, а в ранних текстах, естественно, и после *z*, у которой единственная форма — финальная. Оно служит порой устранению омографии, например в случае $TARA$=*tere* «то», TAR_3A_4 = *dere* «подушка», а разделение на два *aq—a* «старший брат» (AAQ_3A_4) вместо такой цепи знаков, как $AAQA_3$ (практически $AAAAA$), облегчает правильное чтение. Порой пишут слитно, чтобы поместить слово в конце строчки; иной раз, если места много, рисуют «висячий хвост» вместо горизонтального штриха или удлиненную форму других букв. Правила раздельного написания действуют и в переносе. Перенести можно любую часть слова, но переносят обычно целые слоги. Перенос, как и раздельное написание, особого знака не имеет.

Встречается и слитное написание двух слов, образующих одно целое, как *Ulaɣanbaɣatur* «Улан-Батор», *Kökeqota* «Хухе-Хото», *Muu'ökin* «Му-охин» («плохая дочь»: родители дали такое оберегательное имя «хорошему сыну», чтобы «обмануть злых духов») или *küčümede* «ведать, управлять» (от *küčün*, *küčü* «сила, власть», *mede* «знать, ведать») (надпись, 1335 г.), *Buyantemür* «Добродетель-железо», собственное имя (1335 г.).

Собственно говоря, дело не так сложно, как кажется. Для носителей языка, отражающегося в данной письменности, не составляло серьезных трудностей написать или прочесть один и тот же знак то в одном, то в другом значении. Строгий сингармонизм помогал им в правильном чтении скудных гласных графем, а при помощи контекста они избегали засады омографии, реальных случаев которой намного меньше, чем теоретических. Что касается позиционных вариантов, можно упомянуть о том, что и в наших европейских письменностях существуют подобные аллографии, см., например, русские буквы *Бб, Д𝒟д, Ттт, Гг* или латинские буквы *Aaa, Gg𝒢*, а хорошими примерами полифонии являются русская буква *я* (в словах *я* и *заяц*) или английская *g* (в словах *give* и *gin*).

Возьмем пример цепи графических элементов «зубец с коронкой»+«петля»+6 «зубцов»+«хвост». Первый «зубец» представляет две возможности: гласное начало или *N* вместе с «петлей» *AO* или *NO*, т. е. *o, u* или *no, nu*. По монгольской фонологии, следующий знак должен обозначать согласные. Если берем один «зубец», то это снова *N*, т. е. *AON*

или *NON* — *on, un* или *non, nun*. Если берем два «зубца» в значении *Q*, то получается *AOQ* или *NOQ*. Следующий «зубец» — снова гласный, т. е. *AONA*, *NONA* или *AOQA, NOQA*. В конечном итоге получается четыре ряда графем (оставляя в стороне знак гласного начала): (*N*)*ONANANAN* (*N*)*ONAQANA* (*N*)*OQANANA* (*N*)*OQAQAN*.

Так как в первом слишком много *N* и в монгольском языке подобное обилие носовых исключено, оказывается излишним проверять все (четыре) возможности чтения первого ряда. Второй ряд содержит две двузначные графемы, *O*=*o*, *u* и *Q*=*q*, γ, т. е. здесь восемь возможных чтений, но в действительности из них можно исключить четыре фразы, в которых начальный *N*, потому что нет такого корня, где два первых открытых слога имеют то же самое носовое начало. Из остальных четырех возможностей: *onaqana*, *unaqana*, *onaγana*, *unaγana* только последний имеет смысл («жеребенку»), но соответствующий ряд звуков пишется иначе (*unaγan-a*). Третий ряд дает снова восемь возможностей, как и предыдущий, но ни одна из них не реальна. Четвертый ряд содержит 4 двузначные графемы, т. е. число возможных чтений здесь 16. Из них только 3 могут соответствовать реальному слову, но одно только чтение удовлетворяет правилам орфографии, именно чтение *uqaγan* «смысл, знание», и человек, знакомый с монгольским письменным языком, изберет без колебания именно это чтение как единственно реальное из 37 возможных (37-е: *ATNANANA* на основе омографии $ON = T_2$, тоже вне пределов реальности). Чтение *noγaγan* вместо *noγoγan* «зелень» возможно только в западных доклассических текстах, а третье «реальное» чтение — нецензурное слово, не пишется и не читается, т. е. опять нереально для письменного языка.

Между прочим, уже в первой четверти XVIII в. существовала орфография, которая почти полностью устранила полифонию согласных букв. Осталась двузначной лишь буква $Y_1 = y$, $\check{j}_1$, но тоже ненадолго. Заимствованная у маньчжуров буква *Y′* («палочка» с крючком вверх) скоро стала применяться для обозначения начального *y* у южных монголов и потом у халхасцев, а старая буква Y_1 стала однозначным знаком звука $\check{j}$. (Полу)звонкие и глухие (придыхательные) звуки различались в письме при помощи диакритических знаков (*K*, *Q* с двойной точкой = *k*, *q*, а без точки = *g*, γ; однозначный финальный аллограф без точки), использования графических аллографов вроде новых графем ($\check{C}$, $\check{J}$) или устранением чередования графем (здесь $D_{1,2} = d$, а T_1 в позициях 1—2=*t*; финальный аллограф не требует уточнения). Четко отличается *s* и *š*, а в финальной позиции употребляется еще *Z*=*s*. Графема *N* перед гласным всегда имеет

 свою точку, т. е. исключена омография *N*=*A*. Такая орфогра-

фия имеет место в пекинском ксилографическом издании грамматического текста «Разъяснения к книге Оправа сердца». В обозначении *k* и *q* ему следуют и некоторые бурятские ксилографы второй половины XIX в.

Несколько другая орфография господствует в «Книге китайской астрономии», 1711 г. Двойная точка здесь служит знаком звонкости γ; *Z* заменена буквой *S*, а *N*, *D* и *T*, *Č* и *J̌* употребляются однозначно.

Другие орфографические школы не были столь радикальны. По нормам с середины XVIII в. *D* и *T* чередуются, графема *K* по-старому многозначна; устарелая *Z*(=*s*) заменена буквой *S*; графемы *Q*, *Č*, *J̌* и *N* однозначны.

Для доклассической орфографии[131] характерно употребление *Q* перед *Y* в заднерядных словах (пережиток уйгурского правописания, где *QY*=*qï*), например *saqi-* (позже *saki-*) «хранить»; употребление аллографа T_2 перед гласным, A_1A вместо A_1 в значении *e* (например, *ạčige* вместо *ečige* «отец»), *O* в значении *ö*, *ü* в первом слоге вместо *OY* (например, *mọngke* вместо *möngke* «вечный»); здесь больше уйгуризмов (например, *šlug* вместо *silüg* «стих», *čaγšbd* вместо *čaγšabad* «обет») и т. п. Относительно употребления диакритических точек существовал ряд разных школ: одни памятники практически игнорируют диакритику (надпись 1338 г.), в других — диакритические точки пишутся и там, где они считались излишними и в классическую эпоху (Чингизов камень). Почти все элементы поздних орфографических направлений можно найти уже в доклассических памятниках. В переходных XVI—XVII вв. наблюдается медленное отступление доклассических норм. В середине XVII в. еще встречаются поздние доклассические тексты, рядом с уже почти классическими по орфографии. Характерно чередование *K* и *Q* в конце слога, независимо от сингармонизма. Позже заметно влияние ойратской орфографии, с которым можно встретиться и в бурятских (видимо, селенгинских и хоринских) рукописях до начала XIX в., когда у халхасцев и южных монголов стало сильнее ощущаться маньчжурское влияние.

Знаки начала

Знак начала (монг. *birγa* от индо-тиб. *virga*) хорошо известен в индо-тибетских письменностях; в монгольской он заимствован, вероятно, из тибетской, где соответствующий знак обозначает начало текста, иногда начало стихотворения, обычно начало «верхней» страницы листа. В монгольской графике знак начала появился относительно поздно, вероятно во время усиления тибетского влияния, когда уйгурский язык и письменность

уже не служили главным посредником буддийских писаний и перестали влиять на светскую письменность. Действительно, если в памятниках юаньского периода знак начала отсутствует (его функцию выполняли порой различие высоты начала строк или опущенные пустые места в строке), то в рукописях начала XVII в., в надписях той же эпохи и в книгах, напечатанных в Пекине с 60-х годов XVII до начала XX в., он уже регулярно встречается.

Этот знак имеет самые разные формы — от простой загнутой линии (в виде «багра») до сложного орнамента. Функция этого знака в основном такая же, как и в тибетской графике, и он может фигурировать также внутри строки, «подчеркивая» либо важное слово, либо — чаще — показывая начало нового «абзаца». Он стоит обычно и перед заглавием. В некоторых рукописях этот знак написан красной или черной и красной краской (тушью киноварью), иногда полузакрытый «двор» загнутой линии также покрашен. Ойратские разновидности знака начала обычно несколько отличаются от восточномонгольских, вернее, есть формы, более характерные для ойратских рукописей, чем для других. Это чаще всего «стоящие» варианты «багра» с двумя-тремя штрихами под ним, иногда вместо «багра» могут быть две кривые, более или менее симметричные линии (несколько образцов знаков начала см. на стр. 51).

Знаки конца

Знаками препинания служат точки (пятна в форме четырехугольника, капли и т. п.), которые обозначают границу двух предложений, равноправных членов перечня, или показывают конец единицы речи. Существуют три основные разновидности: точка, двоеточие (пишется в строке вертикально) и четвероточие (точки расположены в форме стоящего на углу прямоугольника; в одном средневековом памятнике[132] «точки» четвероточия лепесткообразны; в рукописях XVII в. верхняя и нижняя точки могут быть связаны, образуя зигзаг, часто симметрично окрашены и т. д.). Место этих знаков — в середине промежутка между двумя словами, или, закрывая единицу перед паузой, они могут стоять и в конце строки независимо от места последнего слова.

В буддийских текстах классической эпохи простая точка редко встречается, двоеточие стоит в конце предложений, стихотворных строк, после некоторых частиц и союзов, четвероточие — в конце больших единиц («абзацев», строф), а глава или сочинение кончается цепью знаков: четвероточие, двоеточие и снова четвероточие, или двоеточие + четвероточие. Известны и такие памятники, в которых нет знаков препинания (например, юнь-

ЗНАКИ НАЧАЛА ТЕКСТА

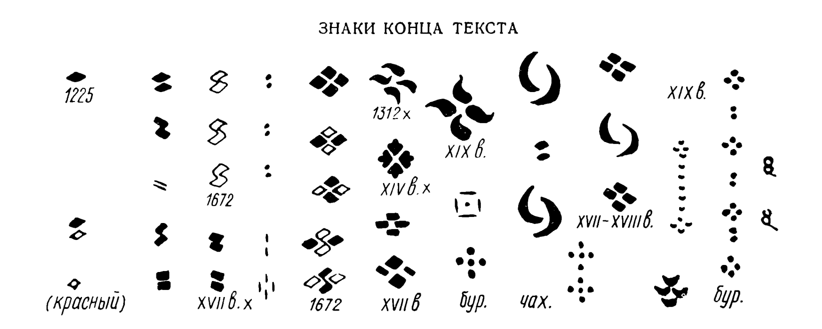
Условные обозначения:

х — ксилограф; E_{13} — «Двенадцать деяний», рукопись XVII в. (ЛГУ)

ньская надпись 1340 г.) [133] или всего одна точка кончает текст (надпись Чингизова камня). Употребление одиночной точки, кажется, более характерно для канцелярской письменности (письма ильханов XIII—XIV вв.; русско-монгольские пограничные дела XVII—XVIII вв.). В некоторых рукописях XVIII—XIX вв. (нередко в «шаманских») четвероточие заменяется пятью точками или чередуется с ними, а в текстах XVII в. в конце больших единиц между двумя четвероточиями бывает и пара более или менее симметричных кривых штрихов.

Оказывается, и точки имеют свою историю.

ЗНАКИ КОНЦА ТЕКСТА

Знаки сокращения

Как в рукописях, так и в печатных книгах встречаются знаки, которые указывают на то, что текст сокращен, и заменяют опущенные, повторяющиеся слова. Эти знаки обычно крестообразны и по форме идентичны знаку вставки, но в отличие от этого последнего знак сокращения ставится не в стороне, а в оси строки. В одном бурятском ксилографе [134] начало и конец сокращенной части отмечены отдельными знаками у первого полного упоминания: начало отмечено небольшим кругом на правой стороне строки, конец — знаком, похожим на нашу цифру 8 с хвостиком. Вместо отмеченной таким образом части в дальнейшем дается лишь крест. Если сокращенную часть нужно произнести три раза подряд, то пишется три креста. Знак сокращения может заменить и всего одно, но многократно повторяющееся слово, как это наблюдается во фрагменте исторического сочинения [135], где слово *köbögün* «сын» представлено знаком сокращения, например *egünü* × *Möngke* = *egünü köbegün Möngke* «его сын Мунке». Знак сокращения употребляется естественно в текстах, содержащих много повторов: в обрядовых, магиче-

ских и литургических, а также в сонниках, гадательных книгах и генеалогических записях. В канонических текстах — вопреки множеству повторов — сокращений не бывает.

Круг направо от оси подчеркивает слова в пекинском ксилографе 1823 г.[136], отмечает аллитерацию внутри строки в одном бурятском [137].

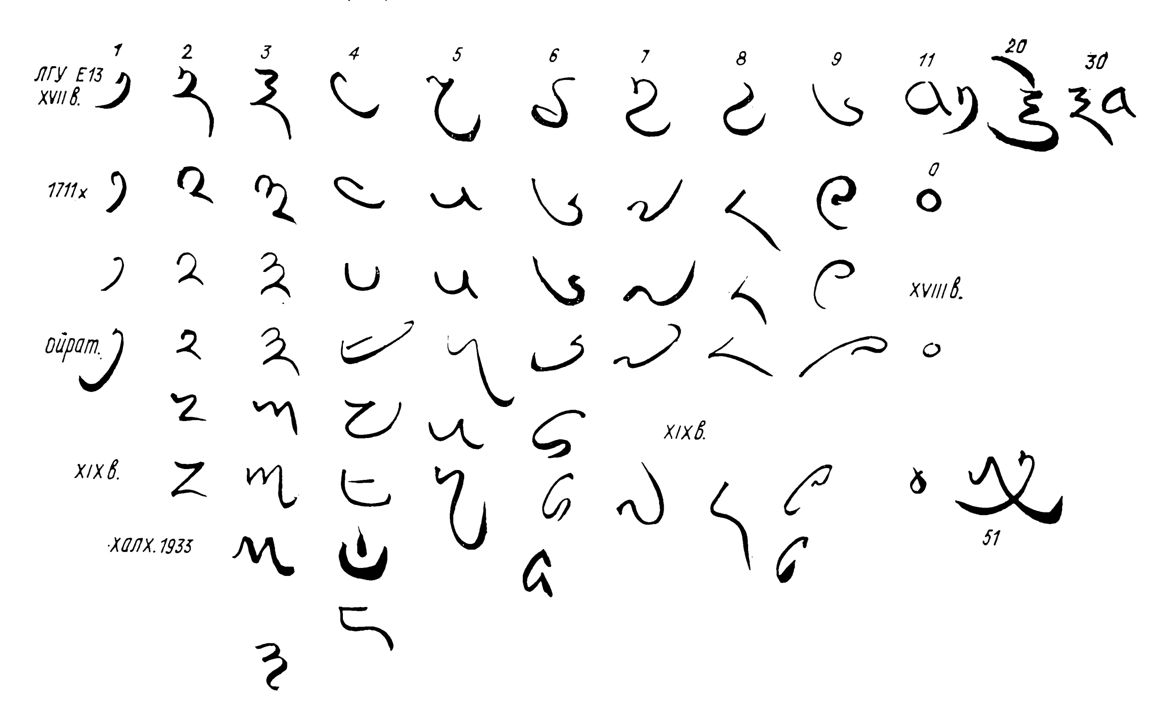
Цифры

Пока неизвестно, были ли и какие именно цифры в средневековой монгольской письменности, так как в имеющихся памятниках встречаются только китайские знаки числительных — и то только в нумерации, в остальных случаях числительные пишутся прописью. И позже цифры появляются лишь на краях листов, в астрономических таблицах и хозяйственных записях. Это цифры тибетского — в конечном итоге индийского — происхождения: отсюда сходство некоторых из них с нашими «арабскими» и настоящими арабскими цифрами. Относительно ранний пример (начало XVII в.) употребления тибетских цифр представляет лицевая рукопись «Двенадцати деяний», житие Шакьямуни (ЛГУ, Монг. Е13), ценнейший памятник доклассической литературы. Нарисованные кистью (как и рисунки рукописи), эти цифры довольно своеобразны по начертанию; кроме того, в одном случае цифра 5 написана подобно скорописной форме тибетского слова «пять» (*lṅa*), в другом случае «ноль» встречается в форме тибетской скорописной буквы *b* и в значении «10» (в тибетском *bču* «десять»), цифра «20» здесь похоже на тибетскую логограмму (буква *ñ* со знаком *i* наверху и с *u* внизу), которая стоит вместо *ñi-šu* «20». Классические формы монгольских цифр можно увидеть в астрономических таблицах печатного издания 1711 г. «Книги китайской астрономии» [138].

Почерк

Письмо, как и язык, который оно отражает,— система условных, произвольных по происхождению знаков. Правда, в соответствии с несравнимо более коротким прошлым и формой усвоения условность или искусственность письменной системы чувствуется сильнее и отличается от условности языка. И все же письменная система также имеет сторону, которая изменяется подобно языку (нами самими и в то же время более или менее автономно, независимо от нас, ее носителей, и часто независимо даже от самой письменной системы, как системы значений), когда причина изменения является внешней, случайной для системы. Такой более или менее автономно изменяющейся

ОБРАЗЦЫ ЦИФР В СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ

стороной письма является графика, как множество графических элементов. В пределах данной системы каждый из этих элементов может иметь несколько вариантов в зависимости от времени и места, а в пределах этого последнего — от общественного слоя, круга употребления текстов и от пищущей руки. Эти варианты составляют исторические, местные, профессиональные, индивидуальные и тому подобные видоизменения, т. е. почерки. Иначе говоря, почерк — это употребление определенного варианта из возможных начертаний для каждой буквы, соразмерность графических элементов в тексте; в уйгурском письме — соразмерность вертикальных и поперечных элементов, различные начертания «зубца», «петли», «хвоста», «дуги» и т. д.

Монгольская палеография еще мало изучена, но в монголоведческой литературе нередко встречаются заметки о почерке. В своей знаменитой «Сравнительной грамматике»[139] Б. Я. Владимирцов впервые очертил историю внешнего облика монгольского письма. По его очерку, монголы употребляли уйгурские буквы до конца XVI в. (в некоторых местах еще и в XVII в.), когда они выработали окончательно свой алфавит, поэтому «следует различать два алфавита, очень близких, правда, друг другу, но все-таки отличающихся... 1) древний уйгурско-монгольский алфавит, бывший в употреблении до конца XVI в., и 2) новый монгольский, принятый с конца XVI в.», и дальше: «Многие монгольские рукописи представляют алфавит, переходный от старого к новому...».

Ц. Жамцарано в своей монографии о монгольских летописях[140] часто говорит о местных почерках. Например, об уланбаторском списке «Драгоценного свода» он пишет, что «орфография и почерк данного списка тоже представляют немалые особенности, характеризующие монгольское письмо периода возрождения, или, вернее, создания монгольского классического литературного стиля, языка и правописания, т. е. XVI—XVII вв.»; о другой рукописи того же сочинения (ЛОИВАН, Монг. F188): «Почерк и орфография южномонгольские, характерные для XVIII—XIX вв.», «приписка крупным, размашистым южномонгольским почерком»; о «Золотом своде» (ЛОИВАН, Монг. F12): «Писана бурятским уставным почерком»; о «Желтом изборнике» (ЛОИВАН, Монг. B200): «Почерк XVII в.»[141]. В «Описании монгольских „шаманских“ рукописей»[142] читаются следующие заметки: «Почерк — халхаская скоропись»[143], «почерк халхаский»[144], «скоропись»[145], «почерк характерно южномонгольский»[146], «южномонгольская скоропись»[147]. Заметки о почерке имеются и в монгольских работах[148], и в описаниях разных собраний рукописей и ксилографов В. Хейсига[149]. Он дал первое краткое описание развития почерка в пекинских ламаистских ксилографах 50-х годов XVII в. до начала XX в.[150]. По его очер-

ку, в пекинских печатных книгах наблюдаются четыре разновидности письма (шрифта), которые относятся к определенным периодам: 1) в начале маньчжурской эпохи (XVII в.) почти неизменно употребляется поздний почерк юаньского периода; характерные длинные вертикальные окончания («хвосты»); 2) в начале XVIII в., в период издания «Красного Ганджура» и период правления Юнчжэн (1723—1735), вертикальные окончания превращаются в горизонтальные; характерен коренастый и отчасти жирный почерк; 3) мелкий и тонкий почерк, точно вырезанный, возник в двуязычных изданиях, в которых монгольские слова помещаются между горизонтальными тибетскими строками; этот почерк характерен для периода Цяньлун и остается «неизменным» вплоть до конца XVIII в.; 4) в XIX в., особенно в его второй половине, монгольский почерк вырождается, как под маньчжурским влиянием (например, «дуги» становятся более широкими и круглыми), так и в результате падения мастерства резчиков. В других своих работах В. Хейсиг упоминает и о «старинном монашеском почерке» начала XVII в.[151].

Разумеется, почерков гораздо больше и картина графического развития монгольского письма гораздо сложнее, чем она представляется по ценным, но спорадическим заметкам и кратким очеркам. Она гораздо сложнее и того, что я мог бы здесь обрисовать, даже подробно, но мне хочется остановиться на некоторых элементах монгольской палеографии последующих веков.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что до появления монгольских книг, напечатанных подвижным шрифтом, т. е. до первой четверти XIX в. в России[152] и до 20-х годов XX в. в Китае[153] и в Монголии[154], не было существенной разницы почерков в рукописном или ксилографическом тексте. Существующая разница почерков является результатом расхождения во времени и месте и употребления разных орудий письма. Китайские резчики ксилографических досок или надписей на камнях точно передавали то, что было в монгольских рукописях. Бурятские и халхаские резчики XIX в., по известным мне примерам, были менее искусными.

Периоды исторического развития монгольской графики можно сопоставить с периодами развития монгольского, особенно письменного языка: среднемонгольским, переходным, классическим и новым, которым соответствуют определенные группы почерков, не считая орфографических особенностей; каждая из этих групп разделяется на территориальные и «профессиональные» почерки, для точного установления которых еще не всегда доступны необходимые материалы.

Первый известный памятник уйгуро-монгольского письма, короткая надпись Чингизова камня (1225 г.), дает нам образец

среднемонгольского почерка времени, когда монгольской письменности было уже не менее 20 лет. Этот памятник содержит большинство монгольских графем (здесь, в порядке графического сходства, *A, N, Q, S, Z, Y, R, K, O, B, T, D, Č, L, M*), и многие из них во всех позициях. В этом почерке «хвосты» висячие, вертикальные (у N_3, T_3 и даже у Q_3), легко изгибающиеся и вначале с длинным «зубцом» вверх. Вместо «багра» (в A_4) здесь также вертикальная линия в оси. Из финальных аллографов поперечные только *S* и *Z*. Вязь не образует прямой линии, «зубцы» мелкие, «петли» овальные, немного удлиненные в направлении оси, *R* — перекресток двух остроконечных, косых штрихов, *C* имеет два аллографа: инициальный похож на русское *Ч*, медиальный — длинный «зубец», загнутый вверх. *M* имеет два «зубца» и преломленную ось; T_1 треугольный, *D* остроконечный и открытый большой крюк. Финальные *O, Y, R* имеют «дугу». На конце «дуги» *K* «сидит» не только буква *O*, но и *Q*. «Палочка» *K* без «жала змеи». Диакритическая точка круглая, линии жирные. Соразмерности величины графем налево от оси: $A, Q, Z, O < R, Y, \check{C} < D$; направо от оси: $Q \leftharpoondown S, Z < B, K, R, Y, O$ («дуги»), $M < L$. В этом почерке, вероятно, только B_3 имело «багор». В основном такой же почерк печати Гуюка (1246 г.).

В письме Аргуна 1289 г. как редкий, факультативный и графический аллограф «висячего хвоста» появляется и поперечная, наклоняющаяся вправо форма, а также кроме вертикальной формы A_3' после *B, K* встречается и поперечный «багор». В этом тексте открытый, крюкообразный аллограф *D* чередуется с аллографом в форме косой, удаленной «петли». Инициальная форма *T*, подобно медиальной, имеет «зубец» влево, а «петля» уклоняется вправо. Финальный *B* имеет длинный «багор». В письме Ульджейту 1305 г. кроме двух упомянутых аллографов *D* появляется и «петля» с острым концом налево и выпуклым «животом» направо. (Эта форма встречается и в сарайских фрагментах на бересте.) *S* и *Q* имеют более плотную форму: *S* с клином, *Q* с тупой головкой вправо. В этом письме встречается случайная, редкая форма медиального *Y*; по начертанию она идентична медиальному *K* в слове *nidoni* «прошлый год». Такое же начертание можно видеть и в турфанском монгольском документе (первый *I* в слове *Idiqud;* ЛОИВАН, Монг. G122).

Похожий почерк бытует в ксилографическом фрагменте «Бодхичарьяватары», 1312 г. — правда, в нем нет закрытых форм буквы *D* и открытый, крюкообразный *D* здесь, как и на Чингизовом камне, «обнимает» следующий «зубец» или «петлю». Ось более яркая, прямая, ее правая сторона уже не всегда преомляется «зазубринами» после *Q, S, T, Č*. Инициальный *T* уз-

кий, длинноватый. Линии и здесь почти одинаково жирные «зубцы» мелкие, но «петли» и медиальный R не отходят дальше от оси, чем «зубцы». У M два «зубца», но без перелома оси. Аллографы K_{1-2} с «рогатой палочкой» и с «гладкой» чередуются; K_3, A_4 и (K, B)A_3 начинаются всегда с «рогатой палочки» или с двух мелких «зубцов»; K_3, и A_4 здесь отличаются уже только позицией, форма у них одинаковая. Менее выражена ось в надписи 1338 г. В ее почерке T_1 имеет длинный «зубец», загнутый вверх; «багор» B_3, A_4 сильно наклоняется. Менее густой и менее жирный почерк бытует в монголо-китайском издании «Сяо-цзин», в котором T_1 имеет порой форму узкого, высокого треугольника в оси, порой с поперечным «зубцом», и замкнутая часть помещается на правой стороне оси; D — узкий открытый крюк, но встречается и открытая петлеобразная форма, хотя менее круглая, чем, например, в письмах ильханов. Если не считать D и «багор», можно сказать, что в этом почерке полоса строки узкая, тонкая. Закрытая, но остроконечная форма D свойственна также узкополосатому почерку неизданной китайско-монгольской надписи в Каракоруме[155]. Здесь у буквы M_2 один «зубец». Похожий почерк с гибкой вязью наблюдается в юньнаньской надписи Арука (1340 г.).

Во фрагменте календаря первой четверти XIV в. господствует мелкий почерк с немного угловатым обликом; D — петлеобразный.

В турфанских фрагментах буддийских ксилографов (не обязательно из турфанской печати) наблюдаются обычно жирные, нередко убористые почерки, в большинстве случаев близкие к почерку «Бодхичарьяватары», 1312 г. В некоторых, хотя не часто, встречается горизонтальный N_3 (например, в TII59; TM(5)D130 берлинского собрания)[156] и «багор», поперечный не только у B_3, но и у K_3 (например, в TM3 D130) и A_4 (TIID159). Вертикальные окончания A_3, N_3, T_3 и прочие в одних фрагментах прямые, в других несколько кривые (как на Чингизовом камне), D имеет разные варианты крюкообразного аллографа. В одной турфанской рукописи (TID581) крюкообразный D чередуется с остроконечной «петлей», висящей на «палочке».

Своеобразен почерк во фрагменте буддийского ксилографа TII T662, где снова встречается M_2 с двумя «зубцами», который переламывает ось; K «рогатый» и, что более характерно, $Y_{3,4}$ и $R_{3,4}$ имеют прямой вертикальный штрих вместо «дуги». «Петля» несколько угловатая, приближена к треугольнику, ее нижняя левая черта тонкая. R_2 состоит из двух тонких «зубцов», как обыкновенно в эту эпоху, но и L_2 имеет такой двойной «зубец». В этом почерке нет разницы между Y_3 после B, K и Y_3 после остальных графем, т. е. единый финальный аллограф Y_3', A_3 и N_3 сливаются с A_1, Y_1, K_1, T_1, S_1, так же как

и K_3, с O_1 следующей цепи знаков, т. е. после длинных, вертикальных окончаний не всегда есть промежутки. Точно таким же почерком напечатаны многие уйгурские ксилографы юаньского периода. Здесь двойная точка пишется в форме двух тонких, параллельно косых «палочек», как и в мелком «календарном почерке», в то время как в других, жирных почерках данной эпохи «точки» — в форме ромба, капли (следа кисти) или треугольника.

Особые «туркестанские» почерки — скорее, разновидности среднемонгольского полуустава — выделяются в турфанских рукописях буддийского и светского содержания. Для этих почерков характерны господство косых поперечных окончаний («хвостов» A_3, N_3, T_3), очень длинный, сильно наклоняющийся «багор» (A_4, $(K)A_3$, K_3, B_3), петлеобразный D, менее круглая «дуга» B в сочетании BY, близость форм S_1 и Q_1 (которые отличаются тем, что первая горизонтальная, а у второй острый конец поднимается направо вверх), U-образная форма $\check{C}_1$, круглые «петли» O, которые «сидят» на вязи, M_2 с одним «зубцом», R крестообразный или в форме точки с острой «зазубриной» вязи; у Y_3, R_3, O_3 «дуга» короткая, порой только начатая; «зубцы» здесь мельче, чем в «жирных уставных» почерках, а расстояние между буквами больше, чем там. Ось вязи гибкая, линии ровные, нередко тонкие.

Такой же почерк рукописей из Хара-Хото и очень близок к нему почерк золотоордынских монголо-уйгурских фрагментов на бересте (XIII—XIV вв.).

В одном турфанском документе [157] «багор» и «хвост» имеют два факультативных графических варианта — горизонтальный и вертикальный. Такое чередование имеет место и в китайско-монгольском документе 1452 г., более или менее жирный почерк которого, несмотря на большой временной разрыв, похож на «туркестанский», который исстари хорошо известен и по турфанским уйгурским документам XIV в.

Жирным книжным уставом напечатан сборник заклинаний 1431 г.[158]. Псевдомонгольские документы китайской Палаты переводов (1478—1517) [159] подражают жирному и круглому уставному почерку надписей и отчасти печатных книг. То же самое можно сказать о почерке также псевдомонгольского «письма» Алтан-хана китайскому двору (1580 г.) [160]. Жирный угловатый почерк — в ксилографе, содержащем перевод гимнов о покровителе знаний Маньджушри (1591 г.) [161].

В глухом и темном столетии монгольской письменности (конец XIV—XV в.), кажется, уже готовы были все элементы, которые смешиваются в графике богатого XVII в. и на основе которых созданы транскрипционный алфавит Аюши и впоследствии «ясное письмо» ойратов. Эти элементы составляют костяк

классической графики печатных книг, каменописных памятников и официальных бумаг XVII в.

В 20-е годы XVII в. высечены надписи Цокту-тайджи[162] на орхонских скалах. В надписи 1624 г. наблюдается чередование горизонтальных и вертикальных форм A_3, A_4, притом вертикальная форма имеет двойное окончание: краткое острие прямо вниз и тонкую кривую «иглу» влево. «Багор» наклоняется кривой линией (B_3, K_3, A_4), буква T_1 образует ромб с небольшим «зубцом» внизу, D закрытая, остроконечная. Появляется угловатая форма $\check{C}_{1,2}$, а косая ее форма («палочка», загнутая вверх) встречается после K (в противоположность тому, что было в ранних памятниках, где «чашеобразная» — как русский $Ч$ — форма употребляется в начальном положении и после K, B, а косая форма — в остальных случаях), «петли» выпуклые, «зубцы» острые, Q_1 не переходит на правую сторону оси, S_1 — на левую. На правой стороне нет широких медиальных («дуги» небольшие, «косы» L, M также), $K_{1,2}$ не «рогатая», R_2 образует X и т. д.

Вероятно, к первой половине XVII в. относится каллиграфическая рукопись «Двенадцать деяний» (ЛГУ, Монг. E13). Здесь почерк состоит в основном из жирных линий, но с некоторыми утончающимися частями. Длинной тонкой «иглой» кончаются, например, горизонтальные A_3, N_3, тонкое кривое «жало» украшает и острие D. Тонкая и поперечная часть «багра» (A_4, K_3, B_3 A_3') кончается «точкой». «Зубцы» острые, их стороны вогнутые. Начало и конец «дуг» (O_3, Y_3, R_3; $B_{1,2}$ и $K_{1,2}$) тонкие, тогда как «дуга» жирная круглая. Внутренние и внешние контуры «петли» почти параллельные, они приближаются друг к другу у вязи. $Y_{1,2}$ также тоньше у вязи и шире налево. Тонкая линия «прикрепляет» и толстую «косу» M к своему «зубцу». «Коса» L утончается кверху, очень тонкий и «зубчик» T_1. У буквы K_1, K_3, A_4 большое и толстое «жало змеи» (или «рогатая палочка»). За буквами $Q_{1,2}$ и $S_{1,2}$ следует «зазубрина» вязи с правой стороны. Обе буквы горизонтальные, Q тупая, S острая направо. Вязь жирная.

Контраст жирных и тонких черт свойствен одной группе почерков XVII в., особенно во Внутренней Монголии. (Но подобный почерк известен уже по турфанскому фрагменту TIID159.)

Близким к описанному контрастным почерком написана и радловская рукопись «Желтого изборника» (ЛОИВАН, Монг B173/200). Несколько похожих почерков можно увидеть в поздднеевском рукописном Ганджуре ЛГУ. Многотомная рукопись огромного формата заполнена мелкими, порой бисерными почерками, среди которых встречаются прямые и косые, круглые и угловатые и целый ряд графических аллографий. Эта огромная рукопись свидетельствует о сосуществовании в одном месте не

скольких индивидуальных почерков в XVII в. В одном и том же томе встречаются, например, открытые и замкнутые, круглые и остроконечные аллографы *D*. В 12-томной рукописи «Юм» (ЛОИВАН, Монг. Q408) чередуются также разные почерки, общность которых в контрасте жирных и тонких линий.

В поздней доклассической рукописи «Вималакиртисутра» (ЛОИВАН, Монг. Q95) один из почерков можно назвать «дрожащий»: здесь «зубцы» — косые, толстые прямоугольники, которые вместе с тонкой вязью образуют коленчатую линию, зигзаги. «Косы» M_2 и L_2 загнуты; *D*—открытый или петлеобразный, но всегда остроконечный, очень длинный. В другом почерке этой же рукописи вязь почти отсутствует и более или менее прямоугольные косые «кирпичи», заменившие здесь «зубцы», складываются один на другой, образуя «дрожащие» контуры.

Во второй половине XVII в. еще нередко писали и архаичным почерком. В монгольских фрагментах заяпандитского перевода «Тарпаченпо» (ЛОИВАН, Монг. I119—121, колл. С. Е. Малова) почерк тот же, что и в уйгурской рукописи «Сутра золотого блеска». Так как некоторые (жирные) буквы (*S, Q, T*) здесь связываются со следующими тонкой вязью, получается впечатление наборного подвижного шрифта. Впрочем, этот почерк выглядит также угловато.

Старинная монгольская рукопись другого заяпандитского перевода «Книги восьми тысяч стихов» (ЛОИВАН, Монг. Q1) написана иным, но также каллиграфическим, великолепным жирным уставом, в котором тонкие линии встречаются лишь в буквах с «багром» (A_4, K_3, B_3). Однако в обеих рукописях господствует горизонтальная форма конечных *A* и *N*; их вертикальный вариант пишется редко.

Угловатый и убористый почерк с контрастом жирных и тонких линий появляется на листах (вероятно, чахарского) ксилографического издания краткой (21 гл.) версии «Сутры золотого блеска» (поперечные линии более или менее тонкие, как и нижняя часть «дуги» K_2, нижняя часть угловатого здесь $\check{C}$; горизонтальный «хвост» A_3, N_3, «хвостик» $\dot{Q}_3$ S_3 и «багор» A_4, K_3, B_3; «иголка» вертикального аллографа A_3, N_3).

Эти «контрастные» уставные почерки сохранились в пекинских ламаистских ксилографах маньчжурского периода. В первом из этих ксилографов («Тарпаченпо», 1650 г.)[163] мы видим круглый вариант «контрастного» устава, с мелкими, почти тупыми «зубцами» и еще преобладающими вертикальными окончаниями (A_3, N_3, T_3); «петли» совсем круглые и, как «дуги», жирные; вязь также жирная и мало угловатых штрихов. Ксилограф 1659 г., издание средней версии «Сутры золотого блеска» меценатом, ламой Лубсанджимбой (в подлиннике — Лубсангбшинба)[164], показывает изменение вкуса: с этого издания

начинается период немного угловатых, уравновешенных «пекинских ламских» почерков, к которым восточные монголы были очень привержены.

Рядом с «ламским уставом» были в употреблении и «канцелярские почерки». На дощечке четвертого года правления Сыцзуна (1631 г.) [165] виден косой вариант, а в календаре 1641 г.[166] или в китайско-маньчжурско-монгольской надписи 1651 г.[167] — уставный. Для них характерны прямые косые «хвосты» A_3, N_3 (правый конец которых толще левого), круглые D — в виде удлиненной петли — и своеобразная форма «багра», в конце загнутая вверх. Этот «канцелярский» почерк — с легкими изменениями — прослеживается позже в календарях цинского периода. Возможно, он восходит к «туркестанскому», или, вернее, среднемонгольскому, полууставу.

Подобный «туркестанский» почерк встречается в монгольском письме 1661 г. Дайчин-тайши царю [168]. Некоторые рукописи южных и восточных монголов (например, гадательная книга, ЛОИВАН, Монг. С157/Ж III 108; главы «Гесериады», там же, С266, II Доп3 и С296 — в них уже S стоит вместо Z; *Bodi mörün kötölbüri,* С284) свидетельствуют о том, что данный почерк был в употреблении и вне пределов Туркестана. Видимо, этот же почерк лежит в основе и маньчжурского устава и поэтому и некоторые поздние монгольские почерки, развитые под маньчжурским влиянием, напоминают о «туркестанском» полууставе (см., например, учебник тибетского языка *Töbed kelen-i kilbar-iyar surqu neretü bičig*) [169]. В самом деле, отсюда берет свое начало и так называемый вырождающийся почерк, который, если не считать плодов творчества малоспособных писцов и резчиков конца XIX в., отнюдь не такой поздний,— он существует уже в середине XVIII в. (например, в цяньлунском издании *Iledkel šastir*) [170].

Возвращаясь к «пекинскому ламскому» почерку, начнем с издания «Сутры золотого блеска» 1659 г.[171], которое, как мы уже отметили, представляет собой новый почерк, почерк периода Канси. Для него характерны чередующиеся вертикальные и горизонтальные A_3, N_3 с преобладанием утончающегося и легко наклоняющегося направо горизонтального варианта, A_4 и K_3 с двумя «зубцами», коренастые Q_1 (с острыми «зубцами» и тупой, круглой правой частью) и S; букву Q_2 часто сопровождает «зазубрина» на правой стороне заметной прямой оси (вязи) [172]; T_1 высокий, с треугольным внутренним контуром и небольшим зубчиком налево; буква D длинная, замкнутая, ее «спина» — утончающаяся и наклоняющаяся шпилька, которая выходит за нижнюю кривую линию. $\check{C}$ еще не угловатый, O в форме полукруга, с утончающейся линией у вязи, «багор» кончается тонкой поперечной линией с «точкой».

В одном ксилографе 1666 г. (ЛОИВАН, Монг. К19, «Бхадракалпика», PLB5) наблюдается в основном этот же почерк, но уже без «зазубрины» под Q_2; правая сторона оси прямая, «зазубрина» есть только у встречи перекрещивающихся линий R_2, K_3 и вертикального варианта N_3. Буква D с длинной шпилькой, как и раньше. Почти круглые O утончаются внизу. В ксилографе 1682 г. (ЛОИВАН, Монг. I38, *Doloγan sayibar oduγsan,* PLB8) разные почерки в тексте и комментарии. Кроме длинного варианта D со шпилькой (его внутренний контур сужен) встречается и овальная большая петля без острия.

Некоторые архаические черты встречаются еще в конце XVII — начале XVIII в. В одном из многочисленных изданий «Панчаракши» (ЛОИВАН, Монг. I69, PLB9B)[173] и в точно не датированном издании «Сутры белого лотоса» (ЛОИВАН, Монг. К16, отличается от PLB16, 16A; 16A изд. 1711 г.)[174] Q_2 имеет порой (после NK) выпуклую направо форму (т. е. $= Q_1$), чего нет уже в поздних изданиях.

Мы не упоминаем здесь еще многих деталей изменений формы отдельных букв. Для точной палеографии, естественно, необходимо составить полный инвентарь графических единиц каждого важного памятника. Однако, несмотря на возможные колебания формы отдельных букв, общими особенностями пекинских ламских почерков периода Канси нам представляются заметная прямая ось (вязь), узкая полоса для «зубцов», «петель» и «палочек», широкая полоса (в три раза шире) для D, K_3, B_3, A_4 на левой стороне и для N_3, A_3 на правой стороне.

Для почерка, «не изменяющегося вплоть до конца XVIII в.», проф. В. Хейсиг дает четыре образца[175]. Первые два и четвертый (1733, 1766 и 1781 гг.) мне кажутся более близкими к предыдущему почерку. Третий образец (1770 г.) дает один из характерных ламских почерков XVIII в.: угловатые T_1 на прямой стороне тонкой оси, угловатые и менее длинные D, обычно без шпильки; «багор» имеет тонкую поперечную линию, которая поднимается прямо вверх и кончается четырехугольной «точкой», «петля» в два раза больше «зубца» (в горизонтальном направлении) и образует полуовал.

«Вырождающийся», или, скорее, «маньчжуровидный», почерк кажется хрупким и тонким в сравнении с коренастыми ламскими почерками. Хотя вязь прямая, она не такая толстая, чтобы преодолеть господство тонких «палочек», «багров», «кос» и прочего. Инициальные «зубцы» начинаются крючком справа («коронка»). M_3 открытый, представляет собой сочетание «косы» и «хвоста», без изменения формы компонентов. Острый конец «дуги» финальных Y; R, O переходит на левую сторону, «рот» буквы S_1 широко открыт и т. д.

Почерк бурятских ксилографов обычно подражает южномонгольским ламским почеркам, но из-за меньшего опыта резчиков здесь встречаются очень угловатые почерки, порой неровные, с отсутствием прямой оси, с извилистой вязью, особенно в ранних ксилографах XIX в.[176]. Во второй половине XIX в. бурятские ксилографы достигают большей близости к южномонгольским ламским почеркам, сохраняя, однако, некоторые особенности соразмерностей графических элементов[177].

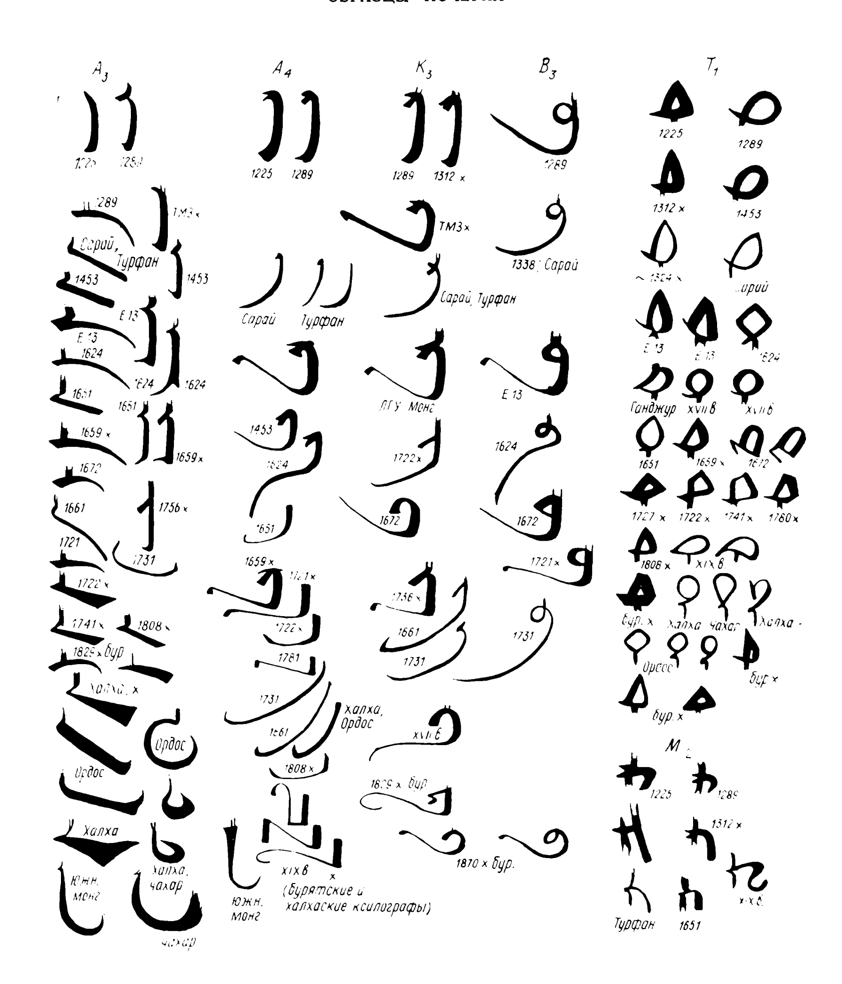
Любопытен почерк халхаского ксилографа первой половины XIX в.[178], в котором на жирной вязи «сидят» тонкие круглые «петли», мелкие «зубцы», а «хвосты» — клинообразные, жирные — связываются с вязью тонкой нитью у острия.

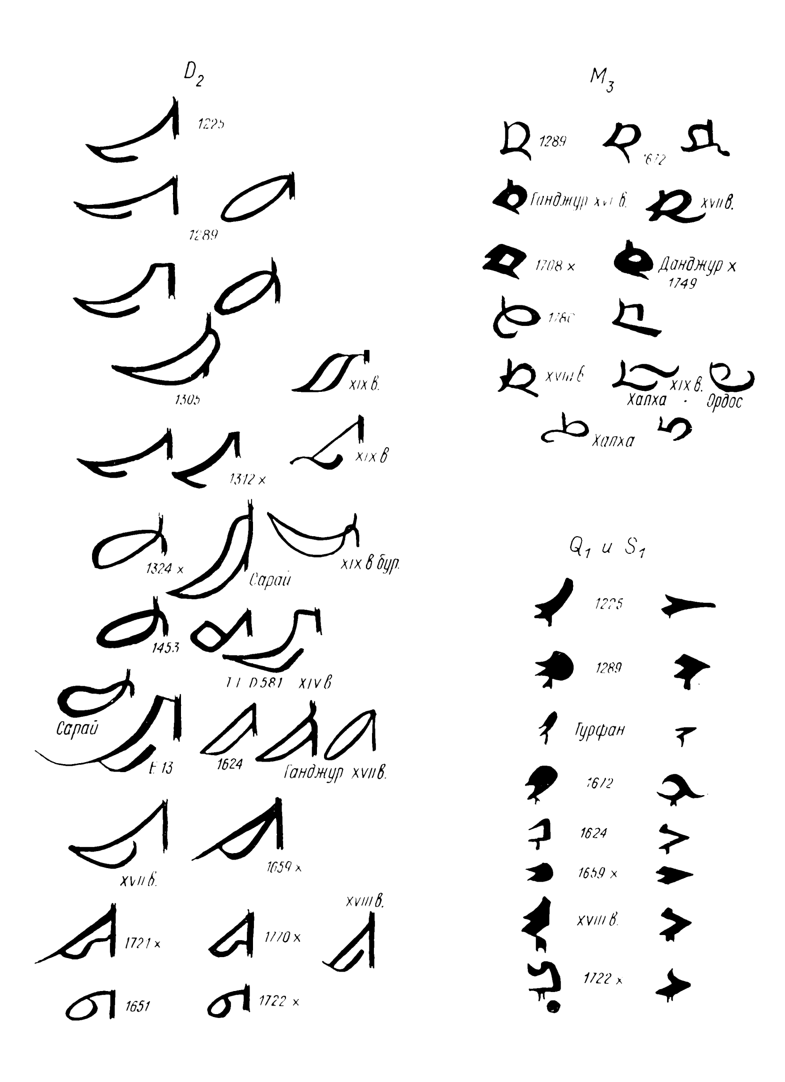
Со второй половины XVIII в., вероятно, в связи с широким распространением кисти в северо- и южномонгольских канцеляриях, которых было довольно много,— ведь маньчжурская бюрократия, построенная по китайским традициям, была весьма хорошо развита и порождала огромное количество официальных бумаг,— а также в связи с употреблением бурятами пера европейского типа разработались самые разные «канцелярские» почерки, которые укоренились потом среди монастырской администрации и, более того, порой в переписке ламаистских писаний. Оставляя в стороне курсивные почерки (они рассматриваются в другой главе) и минуя подробности о каждой единице разнообразных почерков, обратим внимание на окончание A_3 («хвост»). В одном из южномонгольских почерков[179] «хвост», вытянувшись далеко вниз, уклоняется постепенно вправо и в конце немного закручивается вверх. В других, также южных, ордосских почерках этот графический элемент имеет форму жирного длинного, наклоняющегося и прямого штриха в конце с небольшой «иглой» вверх[180] или образует большой полумесяц[181]. В одной чахарской рукописи[182] «хвост» появляется в форме короткого крюка, в другой рукописи — висящего «багра» с большим крюком вправо, и т. п.

В некоторых халхаских рукописях у «хвоста» длинная, нисходящая черта, которая образует угол с коротким, восходящим направо штрихом, в других — такой же короткий крюк, как в чахарских рукописях; нередко этот крюк, закрутившись, доходит почти до своего исходного пункта[183].

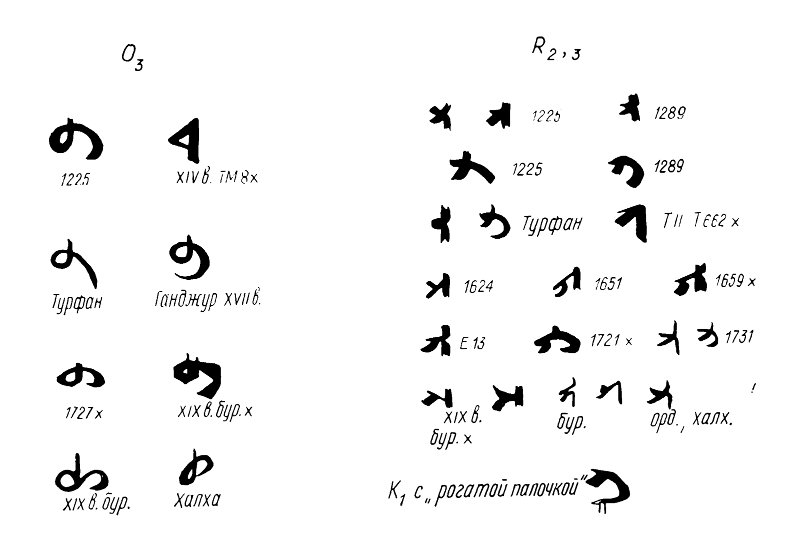
Единственная известная мне монгольская палеографическая работа, вернее, образцы монгольской каллиграфии — статья Бат-Очира[184] дает десяток различных почерков в следующих группах: «устав» (маньчжурского типа, *kičiyenggüi üsüg*), «полуустав» кистью (*bir-iyer daruǰu bičigsen üsüg*), курсив и полукурсив (*tatalɣan bičigsen üsüg*), «полуустав» тростниковым пером и орнаментальная квадратная «вязь» (*ebkimel*) и почти столько же разных начертаний «хвоста».

ОБРАЗЦЫ ПОЧЕРКА

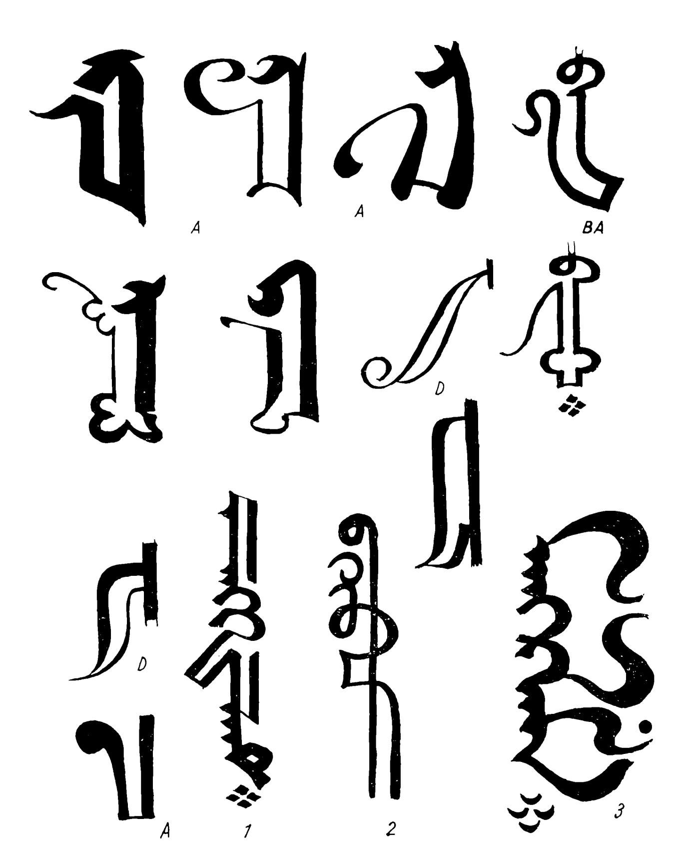
D_2
1225
1289
1305
XIX в.
1312 x
XIX в
1324 x
Сарай
XIX в бур.
1453
I I D 581
XIV в
Сарай
E 13
1624
Ганджур XVII в.
XVII в.
1659 x
XVIII в.
1721 x
1770 x
1651
1722 x
M_3
1289
1672
Ганджур XVI в.
XVII в.
1708 x
Данджур x
1749
XVIII в
XIX в.
Халха
Ордос
халха
Q_1 и S_1
1225
1289
Гурфан
1672
1624
1659 x
XVIII в.
1722 x

Соразмерности букв бывают также самые разные: в одних почерках (часто в южномонгольских) господствуют большие и длинные окончания, средняя полоса букв (*A, O, R, Y* и т. д.) — узкая, буквы следуют друг за другом ровно и не тесно. В других (например, некоторых халхаских и чахарских) господствуют не окончания, а буквы более широкой, средней полосы; здесь $\check{J}_2$ и Y (маньчжурский) имеют обычно очень близкие начертания, похожи друг на друга $S_{1,2}$ и $K_{1,2}$. Как правило, выделяется начальный «зубец» и большинство начальных аллографов, M_3 имеет открытую форму.

Бурятские почерки с конца XVIII до середины XIX в. характеризуются особым начертанием «петли» (она образуется без перекрещивания линий), нередко сверхдлинным отвислым аллографом и начертанием *Č, M, L* с завитками. В некоторых бурятских рукописях K_1 и Q_1 отличаются только тем, что, в то время как букве Q_1 принадлежит и «зубец» в нижнем конце «дуги», этот «зубец» у K_1 обозначает уже следующий гласный (*e*), т. е. $Q_1 = K_1A$. Ранние рукописи XIX в. обычно не различают $\check{J}_2$ и *Č*.

История монгольских почерков, как история подвижной системы, показывает, что элементы системы изменяются по группам (например, буквы с «багром» или буквы с «дугой»), однако изменяется, хотя в меньшей мере, и состав групп. Итак, письмо, само созданное для преодоления времени и пространства, подвергается их неизбежной власти.

Каллиграфические буквы A_3, D_2 *BA*
и слова *bičibei (2)* и *manggalam (1, 3)*

Классический язык и литературные «наречия»

Язык рукописей, печатных книг, каменописных и прочих памятников XIII—XV вв. независимо от того, написаны ли они уйгуро-монгольской или квадратной графикой, в арабской или любой другой транскрипции,— это среднемонгольский язык и его более или менее верно отраженные диалекты. Его главное и

наиболее консервативное письменное отражение — язык в уйгуро-монгольской письменности, как сказано, стал литературным языком, который претерпел заметные изменения в XVI—XVII вв. Эти изменения были отчасти формальными, касаясь преимущественно орфографии (как, например, замена *ki* на *qi* в заднерядных словах)[185], отчасти они касались грамматики и лексики (началось постепенное исчезновение некоторых формантов, появились новые, диалектные слова и т. п.). Для письменного языка эти два столетия являются переходным периодом. Старые нормы еще не исчезли, а новые только что формировались.

Смешение старых и новых форм завершилось в XVIII в. и в результате создался классический письменный язык. В переходных веках, особенно в XVII в., который богато представлен памятниками, старое уживается с новым. Встречаются еще чисто доклассические по орфографии памятники, как, например, великолепная огромная рукопись Уланбаторской государственной библиотеки, содержащая буддийское философское сочинение *Yeke bodi mör-ün ǰerge* (первая половина XVII в.), перевод Алтан-герел-убаши по заказу халхаского принца Бунидара[186], и почти классические тексты, такие, как монгольский перевод гимнов о покровителе знаний Маньджушри, записанный в 1597 г. сыном Баягуд-багатур-хунтайджи, монахом Чос-иргамсу[187].

Под влиянием тибетских традиций многие старые переводы «уйгурского» стиля были переработаны порой до неузнаваемости: они были освобождены не только от полузабытых слов и устаревших грамматических и орфографических форм, но и от многих уйгурских заимствований, в том числе и от индийских собственных имен (названий индийских городов, деятелей буддизма, божеств и т. п.), которые были теперь переведены с тибетского и нередко буквально, поэтому для монголов непонятно.

Переводчики разработали и новую религиозную и философическую терминологию, в которой получили точное название сложные понятия индийского — и не только буддийского — мышления и логики. Некоторые из терминов могут быть удачно применены и в современных монгольских философических работах — ведь современная европейская философия также не стесняется пользоваться терминами, рожденными в средневековье или раньше. К «пуристским» литераторам и переводчикам принадлежали ойратский Зая-пандита и южномонгольский Аюши-гуши.

Под термином «классический (письменный) язык» (в некоторых работах — «старописьменный монгольский») подразумевается обычно язык ксилографов XVII в. У Владимирцова читаем

(«Монгольские рукописи и ксилографы», 1918 г.): литературный язык и его правописание были окончательно установлены в пекинских и южномонгольских ксилографических изданиях[188]. Однако в «Сравнительной грамматике» он сам заметил, что многие сочинения буддийского канона — они чаще всего ксилографировались — по языку принадлежат к доклассическим памятникам[189]. Переработка средневековых переводов велась от случая к случаю, и немало старых сочинений уцелело от рук пуристов. Можно сказать, что монгольские версии многоязычных эпитафий и прочие монгольские памятники маньчжурской канцелярии XVII в. написаны уже на классическом языке, хотя еще без его строгих орфографических норм. В то же время в Пекине еще гравировали на деревянных досках почти доклассические по языку тексты, даже не вполне очищенные от следов старой орфографии. Это продолжалось и в первой четверти XVIII в., когда уже появились книги, в которых ясно выражается стремление к созданию нового, единого правописания и к установлению употребительных грамматических форм, среди них и новых (например: *-bači*, глагольный суффикс вместо *-basu ber*; уступительное деепричастие). Из этих книг упомянем здесь лишь «Словарь маньчжурского языка» (1717 г.), «Книгу китайской астрономии» (1711 г.), наставления маньчжурского императора Шэнцзу Канси, переведенные при Юнчжэн (1724 г.)[190], и неоднократно цитированный грамматический трактат «Разъяснения к книге Оправа сердца», ксилографические издания которых близки по языку, но представляют собой четыре разные школы классической орфографии.

Тексты этого самого классического столетия монгольской письменности отличаются и по языку: буддийские канонические и неканонические сочинения обычно носят следы языка не только средневековых переводов; новые переводчики — нередко больше, чем старые, когда дело касалось религиозных сочинений,— старались по возможности сохранить иноязычный строй подлинника. Произведения китайской литературы, вновь переведенные с китайского или маньчжурского в XVIII в., были, естественно, ближе к живому языку. Этому способствовало и то, что сами китайские подлинники нередко были написаны на «народном» языке *(байхуа)*, а не на классическом; кроме того, маньчжурский литературный язык, который служил нередко посредником, был еще достаточно близок к живой речи. Особый слог был свойствен историческим сочинениям классического века, и в этом отношении они стоят где-то между каноническими переводами и светской литературой. Для истории классического языка представляют большой интерес и официальные бумаги, письма и всякие светские записи XVIII в.

 Любопытно, но, быть может, закономерно, что именно нака-

нуне создания классических норм письменного языка появились и литературные «наречия», делались попытки создания диалектной письменности или радикального сближения письменности с разговорным языком. Таким литературным «наречием» является и новый письменный язык Зая-пандиты, который стал литературным языком ойратов. Менее последовательную попытку представляют собой текст пекинского издания «Гесериады» 1716 г. или обладающая еще доклассическими особенностями рукопись части того же сочинения (XVII в., ЛОИВАН, Монг. C296), в которых консервативные формы часто, но не регулярно, заменены разговорными, отражающими внутреннемонгольский диалект (может быть, ордосский). Однако нужно подчеркнуть, что классический язык вопреки обновлениям сохранил свой консервативный и вместе с тем сверхдиалектный характер и многие новаторства переходного века были устранены. Опыт «Гесериады» не повторился в других сочинениях XVIII в., но в прошлом столетии параллельно с упадком письменной культуры наречия получили широкое отражение в письменном языке.

Известны забайкальские рукописи с многочисленными следами бурятской речи, халхаские записи, зафиксированные не на чистом классическом языке. Один из таких памятников, монгольский сборник сказок из «Панчатантры» был издан акад. Б. Я. Владимирцовым, который склонен был считать этот текст диалектным памятником [191]. Вслед за ним литературным «наречием» можно считать и те легко различающиеся разновидности письменного языка, которые были в употреблении и отчасти еще употребляются у монголов разных краев, у халхасцев или чахаров. Их литераторы порой сознательно старались сблизить письменный язык с живой речью. На страницах южномонгольских газет, журналов и в произведениях новой художественной литературы 50-х годов этот живой язык зафиксирован уйгуро-монгольским письмом: консерватизм письменности ограничен фонетическим обликом слов (невзирая на некоторые новаторства, в письме сохранены старые двусложия вместо современных долгот) и некоторыми падежными окончаниями, которые служили уже с давних пор, скорее, логограммами, чем знаками с точным фонетическим значением [192].

Однако не только живой язык влиял на письменность. Классический и менее классический письменный язык жил и устно, в языке книжников и литераторов, которые каждый в соответствии с фонетикой своего диалекта, но часто буквально читали, рецитировали нараспев не только старые, давно онемевшие письмена своих предков, но и то, что сочинили их современники. В стихотворениях, написанных по строгой тибетской метрике, и даже в более свободных стихах монгольской формы поэт пользовался возможностью по требованию ритма читать письменное

слово буквально, архаично или в разговорном произношении. Как ни странно, но это книжное произношение широко распространилось и в устном народном творчестве. Сказители и певцы, даже безграмотные, подражали книжникам, знатокам письменных традиций, с помощью — порой мнимого — архаизма утверждая, что их сказ, их песнь необыкновенны, равноценны истине минувших веков народной мудрости.

Алфавит али-гали и иноязычные слова

Возрождение письменности вызвало к жизни ряд вопросов — от графики и орфографии до установления терминологии. Уйгурская традиция, в XVII в. отмирающая и у самих желтых уйгур, потомков древних, для монгольских литераторов тибетской школы казалась во многом устаревшей. Буквы уйгуро-монгольского письма не могли точно передать правильное произношение собственных имен, столь важных для буддийских писаний, и, что было еще важнее, точное произношение магических формул, заклинаний, неправильное чтение одной буквы которых уже могло — по вере ламаистов — не дать желаемого результата. Значит, звуковая многозначность монгольских букв, оказавшаяся весьма полезной для нивелировки диалектных расхождений произношения, препятствовала верному пользованию «святыми словами». Новый подъем переводческой деятельности и обработки старых переводов канонических сочинений требовал решения вопросов транскрипции, в том числе транскрипции индийских и тибетских слов. Вопрос передачи иноязычных слов вообще и в наши дни довольно сложен и касается не менее четырех факторов: передающего и принимающего языков (прежде всего их фонетики) и их письменностей. Несоответствия между двумя парами факторов создают обычно несколько возможностей для решения вопроса.

Пуристские переводчики стремились устранить иноязычные слова, заменяя их монгольскими терминами. Однако и при такой практике было невозможно избежать некоторых, никак не переводимых собственных имен и заклинаний. По свидетельству наших источников, нелегкую задачу точной передачи «святых», но «чужих» звуков и знаков решил знаменитый переводчик и просветитель Аюши-гуши. Об этом сообщает он сам в колофоне той монгольской версии «Книги пяти покровителей» («Панчаракша»), которая была помещена в печатном Ганджуре. Эта старинная индийская книга, впервые переведенная с тибетского на монгольский монахом Шераб-сенге, была обработана Аюши-гуши. Вот что говорится в послесловии обработанного перевода: «Эту священную книгу-сокровище из пяти частей перевел с ти-

бетского языка на монгольские звучания монах из сакьяского ордена Шераб-сенге в городе Дайду по просьбе человека по имени Эсен-Темур. Эти звучания, [как и] многие буквы монгольской страны, были неясны, и поэтому в силу отменного желания трех лиц — Дархан-нойона, добродетельного владыки учения, великого князя страны Эркегуд, того, который силой бодхисаттвы Наван и при помощи предыдущих переложений собрал два собрания добродетели, [по желанию] его (Дархан-нойона) сына, перерожденного бодхисаттвы и обладающего высшими добродетелями, бесподобного и драгоценного пандиты Маньджушри Эрдени, ставшего лучшим из мудрецов, проповедовавших учение, [а также по желанию] Тоджи-тайджи, приобретшего неразрывное радение к вере в религию Будды, [вот я], Аюши-гуши, принял на свою голову пыль от стопы алмазных ног далай-ламы, высочайшего святого, соединяющего в себе перерождения всех будд и бодхисаттв. Тот же блаженный далай-лама, [пребывая] на земле харачинов, на северной стороне озера Джигасутай, в месяце *kögeler* года свиньи (1587 г.) объяснил [значение] 50 индийских букв в тибетском [переводе], и, так как монголы („монгольская страна“) были косноязычные и немые [по произношению] Слова Будды, его учения и заклинания, тот же далай-лама с помощью алфавита, именуемого *али-гали,* точным различием *али* и *гали* (гласных и согласных), без ошибок и расхождений, в совершенных звучаниях передал [мне] эти пять разделов заклинаний по прежнему Слову, (т. е. точно так, как было сказано Буддой). Тот же святой и блаженный далай-лама говорил: „И заклинания знания и заклинания тайные, и все другие — они немые в монгольской стране (т. е. недоступны монголам), [но если ты, Аюши], усердно сочинишь этот алфавит *али-гали,* то заклинания знания и тайные будут сохранены (т. е. доступны) для монгольской страны“. [Затем он сказал:] „А происхождение этого [алфавита] такое: в книге „Сто тысяч стихов“ [сказано, что] в местности, названной Вардана, [Будда когда-то], предсказывая [своему ученику] Шарипутре, указал [ему на] северную страну. Тогда мы сидели и слушали [его] Слово вместе с тобой. Сочини без страха [этот алфавит]!“ И по его приказу я сочинил. [Он говорил:] „Что касается этих букв *али-гали,* книги „Ваджрачакрасамбара“, „Колесо времени“ и всеобщие „Четыре основы“ переведены на тибетский язык; прежние переводчики завершили [этот перевод] на разные языки [такими буквами]. Теперь же ты сочини [этот алфавит]!“ И по его приказу я, уповая, сочинил. [А он сказал: „Покажи мне не существовавшие прежде и сочиненные здесь другие буквы, приведя индийские и тибетские [соответствующие] знаки[193]! Я больше буду верить в [правильность] этого [алфа-

вита]". Теперь силой этого благодеяния да распространится религия Будды в десяти странах света!»[194].

Дальнейшие слова — видимо, позднее приложение — говорят уже о печатании книги, следует стереотипное благопожелание, потом сведения о писцах (вероятно, рукописной копии печатного издания) и снова благопожелание и славословие. Приведенная в переводе первая часть колофона содержит ряд темных мест, и чувствуется, что текст искажен, но все же ясно, что Аюши-гуши составил свой транскрипционный алфавит в 1587 г. на харачинской земле по побуждению и с помощью третьего далай-ламы, в связи с новым монгольским переводом, точнее, переделкой «устаревшей» монгольской версии «Книги пяти покровителей». К счастью, одна «устаревшая» версия этой книги, ценный памятник монгольского литературного языка, сохранилась в рукописи Жамцарано (III, 130 ЛОИВАН) и в некоторых пекинских ксилографах[195].

Ясно и то, что Аюши следовал примеру тибетской передачи «50 индийских букв» (в этом алфавите порядок знаков следует индийскому фонетическому принципу — за гласными следуют смычные и аффрикаты по месту образования от мягкого нёба до губ, за ними следуют шипящие и плавные: *a*, *ā*; *i*, *ī*; *u*, *ū*; *e*, *o*; *ai*, *au*; *ṛ*, *ṝ*, *ḷ*, *ḹ* = 14; *k*, *kh*, *g*, *gh*, *ṅ*; *c*...; *ṭ*...; *t*...; *p*...; 5×5=25; *y*, *r*, *l*, *v*; *ś*, *ṣ*, *s*, *h* = 8; *ḥ*, *ṃ*=2, всего 49 и лигатура *kṣ*). По тибетскому чтению, которое основывалось на одном среднеиндийском диалекте, место нёбных аффрикат (*ч*, *чх*, *дж*, *джх*) занимали зубные (*ц*, *цх*, *дз*, *дзх*), и, по всей вероятности, Аюши создал соответствующие монгольские буквы с тибетским значением. Оригинал рукописи и его печатное издание не дошли до нас, поэтому нам точно неизвестно, как выглядели буквы али-гали или, по другому названию, *галик*. Рукописные версии (Будапешт, Осака)[196] данного перевода «Панчаракши» относятся ко второй половине XVII в., печатная версия (в Ганджуре и отдельно) — к концу XVII и началу XVIII в. Это значит, что транскрипционная система, известная по поздним источникам, не обязательно совпадает с первоначальной системой Аюши. В поздней системе, которая носит и следы руки Гунга-одсера, существуют знаки и для передачи тибетских звуков (согласные *'a-čhuṅ*, *ž*, *z*).

Известную нам форму транскрипционный алфавит получил во время редактирования Ганджура при Лигдан-хане (1620 г.), потом при Канси (1720 г.) и, наконец, при Юнчжэн и Цяньлун (перевод и издание Данджура). Новая буква *H* выступает как гласный знак: в начале слова ей предшествует начальный «зубец». По поздним силлабариям монгольский *T* передает индийский и тибетский *th*, а монгольский *D* (в монгольском произносится как полузвонкий) соответствует индо-тибетским *t* (глухой

без придыхания в индийском) и *d* (звонкий без придыхания), т. е. разница двух последних иноязычных знаков в этой системе не отражается. Однако в некоторых книгах, например в пекинском ксилографическом издании 1659 г. «Сутры золотого блеска», эта разница выражается при помощи существовавших графических вариантов буквы *D:* аллограф с острой «палочкой» употребляется в монгольских словах в значении *d* и *t* (первый — полузвонкий, второй — глухой, придыхательный), а для обозначения индийского *t* (без придыхания) употреблялся круглый, петлеобразный аллограф.

Новые буквы известного варианта черпались из тех же вышеупомянутых источников; использовались бывшие графические варианты, «чужие» графемы составлялись из наличных при помощи диакритических знаков («флажок» у *Č, J̌, B* для *c, j, p*, «уши»[197] у *B* для *ph* и т. д.) или создавались целиком на основе тибетской графики *(H, Ž, Z')*. По тибетскому образцу некоторые индийские звуки, именно звонкие придыхательные и долгие гласные, обозначены диграфами, а по фонетическим причинам *u* — диграфом *OY* (монг. *ö, ü*), *o* — триграфом *OVA* (в транскрипции *ô*) и т. д. Иногда оставляли без знака гласный *a*, как это принято в индо-тибетских письменностях.

Итак, вследствие инициативы Аюши-гуши в конце XVI в. была создана возможность точной транскрипции, в том числе индийских и тибетских слов. Эта транскрипционная система послужила потом основой для передачи китайских звуков, но там посредником служили уже не уйгурская и тибетская, а маньчжурская графика и орфография.

Сложная задача согласования не соответствующих друг другу фонетических и графических систем получила блестящее решение, можно сказать, на современном мировом уровне. Однако писцы были знакомы со «святыми» языками не всегда в достаточной мере, поэтому иноязычные слова и собственные имена появлялись в самых пестрых письменных вариантах: бывали еще старинные уйгурские формы, восходящие порой к среднекитайскому языку (например, *Qonšim*), порой к согдийскому (например, *bodisdv*)[198], встречались аккуратные транскрипции (как *bôdhi-satuva, ta-thā-gatô* для инд. *bodhisatva, tathūgato*) и просто транскрипции (например, *blama* «уважаемый; лама» или *Mgôn-po-skyabs,* тиб. имя, совр. Гомбоджаб), но чаще всего мы имеем дело со смешанными формами, как *maṇḍal* вместо *maṇḍala* или *mandal* «сфера», *bodisadu* вместо *bodisdv* или *bôdhi-satuva* «бодхисаттва». Важнейшие для ламаистов магические слоги *oṃ ma-ṇi pa-dme hūṃ* пишутся, иногда в одной и той же рукописи, по-разному: *um mani badmi qung* (старая форма) или *ôṃ ma-ṇi pad-mê huuṃ* (←*h'uṃ;* транслитерация тибетской формы).

В транскрипциях проявилось и влияние диалектов. Уже в начале XVIII в., а может быть, и раньше существовали «цокающие» диалекты в Халхе, для носителей которых монгольские буквы *Č, J̌* обозначали преимущественно *c, j (ц, дз),* и поэтому эти монголы начали употреблять соответствующие транскрипционные буквы *C*, *J* в значении *č, ǰ.*

Так как монастырские писцы обычно были знакомы с тибетской письменностью, они старались передать тибетские имена точно. Более или менее точные транслитерации, с одной стороны, и новые фонетические транскрипции — с другой, постепенно вытесняли господствовавшие в доклассических переводах архаичные восточнотибетские диалектные формы: вместо *erglüng* «монах», который стал заменять уйгурский *ayaγ-q-a tegimlig* «уважаемый» и *toyin* «монах», писали *dge-slong* или *gelüng;* вместо *Čos-irgamsu,* собственное имя,— *Čhos-rgyamcho* или *Čoyiǰamcu.*

В неархаичных фонетических транскрипциях отражаются две «школы» монгольского чтения тибетских слов, например имя *Bkra-šis* «счастье» транскрибируется в форме *Daši* у халхасцев, бурят и некоторых северо-восточных монголов Китая, но *Raši* — у ойратов и южных монголов Внутренней Монголии[199].

Старая уйгуро-монгольская транскрипция китайских слов, достаточно последовательная, но отнюдь не точная, как уже отмечено выше, следовала уйгурской системе, что явствует из юаньских надписей[200]. Ее следы можно найти, например, в «письме Алтан-хана» (1580 г.) и в рукописях до середины XVII в., в частности в летописи Сагана Мудрого. Во второй половине того же, XVII в. существовала уже маньчжурская транскрипционная система китайских слов. Как известно, эта система зафиксировала архаичные по отношению к северному разговорному языку формы, например *ging* вместо *ǰing* (совр. кит. *цзин*) и т. п. Архаизм этих форм очевиден, например, в странной монгольской орфографии *tai-gi* вместо *tayiǰi* — слова, которое никогда не имело звука *g,* но транскрибировано китайцами как *тай-цзи* (старое *тай-ги*). В XVIII—XIX вв. многие произведения китайской художественной прозы появились и на монгольском языке. Как уже отмечено, переводились они посредством маньчжурских версий, потому что одинаковый порядок слов, общий синтаксис и масса монгольских элементов маньчжурского языка позволяли почти дословно передать маньчжурский образец на монгольском языке. Естественно, что в монгольских версиях китайские имена писались в маньчжурской форме, даже в маньчжурском шрифте с соответствующими диакритическими знаками, и что собственные монгольские транскрипции созданы также на основе маньчжурской системы, хотя уже с использованием возможностей алфавита галик. Таким образом, кит. *сянь*

(старый *хянь*) передавался в маньчжурской форме *xiyan*, в письме галик *hiyan*, позже *siyan* (старые *сянь* и *хянь* одинаково), или кит. *юй*, маньчж. *ioi* (= *iui*), монг. *iüi*. Со времени монгольской автономии выработалась более или менее точная транскрипция и западных иностранных (русских и прочих европейских) слов в уйгурской графике. Так в 1917 г. появилось в монгольских газетах и слово *rêvolyuciya* с двумя буквами Аюши-гуши.

«Ясное письмо» ойратского Зая-пандиты

Восемь столетий назад ойратские племена жили на Алтае. Их язык несколько отличается от языка монгольских племен, живших восточнее. Покоренные Чингиз-ханом, ойраты вошли в состав монгольской империи, после распада которой они снова приобрели независимость. В XV в. их князья правили всеми монголами Центральной и Восточной Азии, но в следующем столетии под натиском восточных монголов и в результате междоусобных войн началась их откочевка на запад. Среди тюркоязычных народов Южной Сибири и Средней Азии они были известны под названием *калмак*, отсюда на русском языке «калмык». К середине XVII в. некоторые их группы нашли новую родину в Нижнем Поволжье, другие кочевали в Джунгарии и Западной Монголии, на Алтае и в Средней Азии; в конце того же века их вождь Галдан-Бошокту создал обширное государство, которое было разгромлено маньчжуро-китайскими войсками императора Шэнцзу Канси. В XVIII в. маньчжуры окончательно уничтожили ойратские княжества. Часть калмыков откочевала из Поволжья обратно в восточные земли, покинутые их предками лишь сто лет тому назад. Те же, кто остался в низовьях Волги, вошли в состав Российской империи, сражались вместе с русскими против турок и шведов, принимали участие в крестьянских войнах Степана Разина и Емельяна Пугачева, и во время войны с Наполеоном их всадники дошли до Парижа. Потомки ойратов живут теперь на огромных пространствах от Восточной Европы (Калмыцкая АССР) до Западной Маньчжурии, от Элисты и Оренбурга до Лхассы, т. е. кроме СССР в МНР (Кобдо, Убса) и КНР (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия); у них свои художники, свои ученые, их старинная героическая поэма «Джангариада» привлекает европейских любителей народной словесности уже больше 160 лет[201].

Когда-то в их духовном мире царили шаманский бубен и домбра сказителей, но в XV—XVI вв. некоторые ойраты уже были знакомы с буддийским учением о страданиях перерожде-

ний[202], судя по встречавшимся среди них мусульманским именам, им была известна и мусульманская вера[203].

В 1599 г. на Алтае в знатной хошоутской семье родился мальчик. В юношеском возрасте, когда внимание ойратских вельмож снова обратилось к Тибету, его как пятого, приемного сына Байбагас-хана вместе с другими юношами — из каждой знатной семьи — отправили в отдаленную «Снежную страну» учиться. Он стал монахом и, спустя долгие годы, вернулся на родную землю, чтобы укрепить буддийское учение и распространить реформированный ламаизм. Начал он свою деятельность на Тарбагатае в 1639 г., жил среди халха-монголов, вел дискуссии со знаменитыми учеными ламами, обратил в буддизм многих нойонов, собрал от них щедрые подаяния для тибетской церкви, побывал и у самых западных ойратов на Яике и у своих джунгарских соотечественников, останавливался в верховьях Иртыша, где тогда еще был буддийский храм, посетил и кукунорские кочевья и снова святыни Тибета, где прошли его годы молодости. С тибетского он перевел не менее 170 произведений: мелкие трактаты и объемистые книги, трудные философические сочинения и сборники доступных всем легенд и т. п. Упорно боролся с «черной верой» (шаманизмом), сжигал бубны и ушел усталым стариком[204] по пути в Тибет в 1662 г., оставив опечаленных учеников.

Его прозвали Рабджамба Зая-пандита-хутухту, т. е. «всемилостивейший мудрец и блаженный Зая»; монашеское имя его звучало по-монгольски Окторгуйн Далай (тиб. Намхайджамцо) «Небесное Море». Его деяния были записаны верным учеником Ратнабхадрой в книге «Лунный блеск. Житие Рабджамбы Зая-пандиты» (1691 г.). В этом ценном источнике монгольской истории, религии, литературы и культуры автор в отличие от большинства своих современников старался записать точные сведения, указывая нередко и на то, был ли он свидетелем описанного им события или передает чужие сказы, слухи, легенды[205]. По его сообщению, «то лето (Зая-пандита) провел у джунгарского Баатур-хунтайджи. Зимой того же года мыши (1648 г.) он (Зая-пандита) составил „ясное письмо“[206]. Он широко благословил новогодний праздник[207], подробно объяснил такие глубокомысленные книги, как „Великий путь освещения“, „Книга-отец“, „Книга-сын“[208], и поднимал дело драгоценной веры»[209]. Вот и все, что мы знаем о создании ойратского алфавита Зая-пандитой. В дальнейшем биография дает длинный перечень его переводов с тибетского, которые он готовил с 1652 по 1662 г., до своей смерти. Предполагается, что после 1648 г. он переводил уже в своей новой письменности. Большой тибетский апокриф «Мани гамбу» он перевел еще в 1643—1644 гг. в Аблай-Ките у Иртыша[210], и его перевод был напечатан в 1712 г. в Пекине

монгольским шрифтом[211]. Так как это сочинение упоминается и в листе переводов 1652—1662 гг., можно предполагать, что и некоторые другие из его переводов были завершены до изобретения нового алфавита, и не исключено, что ученый пандита не перестал писать уйгуро-монгольскими буквами и после создания им «ясного письма». Автографы его переводов пока не обнаружены и все известные ойратские рукописи и ксилографы, в которых он указан переводчиком, относятся к более поздним временам, в лучшем случае к началу XVIII в. Первые известные памятники ойратской письменности — письма Галдан-Бошокту русскому царю (среди них письмо 1691 г.). В этих письмах[212] не только графика, но и язык ойратский, сильно отличающийся от языка заяпандитских переводов.

Дошедшие до нас самые старые рукописи, содержащие, без сомнения, переводы ученого ойратского литератора, написаны уйгуро-монгольскими буквами. Одна из этих рукописей, которая по палеографическим признакам и по качеству бумаги принадлежит ко второй половине XVII в., содержит перевод философического сочинения «Восемь тысяч стихов». К сожалению, эта великолепная рукопись неполная, потерян ее конечный лист с монгольским послесловием, но по своеобразной терминологии можно твердо определить переводчика в лице Зая-пандиты[213]. Другая рукопись, точнее, фрагменты монгольского перевода канонической книги «Великий освободитель» («Тарпаченпо»), к счастью, содержит стихотворное послесловие Зая-пандиты. Текст фрагментов почти дословно совпадает с текстом поздних ойратских версий этого сочинения, искажены только имена писца и заказчика. Эти фрагменты были найдены С. Е. Маловым в Ганьсу, видимо, вместе со знаменитой рукописью древнеуйгурской версии «Сутры золотого блеска» (копия XVII в.). Они снабжены дополнительными монгольскими и уйгурскими колофонами; по словам второго монгольского колофона, рукопись датируется IX г. Канси, т. е. 1672 г.[214]. Спрашивается, были ли эти тексты сочинены Зая-пандитой в монгольском письме и только позже переписаны буквами «ясного письма», или наоборот? Пока трудно твердо решить этот вопрос, но мне кажется более вероятным первый вариант, по которому эта уйгуро-монгольская рукопись стоит ближе к первоначальному переводу Зая-пандиты, чем поздние рукописные копии «ясным письмом».

Важны в этой связи и старинные фрагменты рукописного Ганджура, хранящиеся в Монгольском фонде ЛОИВАН. Эти фрагменты неизвестного происхождения, относящиеся ко второй половине XVII в., интересны тем, что на некоторых листах смешивается старое, уйгуро-монгольское письмо с новым, ойратским. На глянцованной слоистой китайской бумаге можно увидеть уйгуро-монгольское письмо с «ойратским почерком», кото-

рое почти незаметно переходит в ойратское «ясное письмо». В этих фрагментах отсутствуют характерные термины Зая-пандиты, и ясно, что они были переписаны с монгольской рукописи[215]. Любопытно заметить, что письмо князя Дайчин-тайши царю Алексею Михайловичу 1661 г.[216] написано еще монгольскими буквами, «туркестанским» почерком, на разговорном языке и с некоторыми орфографическими чертами, характерными для ойратской письменности. Эти данные позволяют считать вероятным, что «ясное письмо» (или, как обычно говорят, ойратский, или калмыцкий, алфавит) получило широкое распространение в конце XVII—XVIII в.

Зая-пандита создал свое письмо на основе уйгуро-монгольского алфавита. Он практически устранил многозначность букв и приблизил монгольский письменный язык к разговорной речи своего времени. Его реформа состояла из следующих главных моментов: установление однозначности наличных графем и диакритических знаков уйгуро-монгольского письма; введение новых букв и диакритических знаков; новая орфография; при этом внимание Зая-пандиты сосредоточилось на точной передаче гласных и на четком различии между глухими и звонкими.

Устанавливая значение каждой «старой» графемы, он обычно следовал уйгурским традициям. В его алфавите графема *T* имеет лишь одну форму, обозначающую только *t* как в инициальной, так и в медиальной позициях, а графема *D* — также единственную форму во всех положениях и всегда в значении *d*; графема *Q* с двумя точками, как в некоторых древнеуйгурских и среднемонгольских текстах, обозначает χ; для «петли» *O* установлено значение *ü*; знак этот имеет другое значение, *u*, лишь непосредственно после заднерядных согласных (χ, γ) и гласных (*o*, *u*), т. е. многозначность здесь устранена самим положением буквы. Звуки *č*, *j*, а также *j* и *y* четко различаются во всех позициях. Здесь Зая-пандита использовал старые факультативные графические аллографы, как это было сделано позже в классической монгольской орфографии, но в обратном порядке (ойр. *č*↩монг. *j*; ойр. *j*↩монг. *č*), и во всех позициях устранив инициальную аллографию (монг. *y*, *j*=*Y*). Глухой *k* отличается от звонкого *g* с помощью буквы придыхательного глухого из алфавита галик; *e* в отличие от *a* пишется буквой *E* галик (ср. и др.-уйг. *Y* в значении *ė*). Перед гласной буквой *n* всегда имеет свою диакритическую точку и таким образом исключена омография *n*=*a*, как позже и в классической орфографии. Буква *š* во всех случаях пишется с двойной точкой. Таким образом возможно точно различать *ši* и *si*, что, может быть, не очень существенно для ойратских слов, но важно в передаче иностранных имен и терминов; подобное правописание существовало уже в «Бодхичарьяватаре» 1312 г.

Новой буквой является *K′* для переднеязычного звука заднерядных слов типа *takā, dokō* (монг. *takiya* «петух», *dokiya* «знак»); она представляет собой видоизменение графемы *K* уйгуро-монгольского алфавита. Старая графема *Q* с диакритическим знаком в виде кривой черточки обозначает здесь полузвонкий или звонкий нёбный смычный без различия по сингармонизму (в транскрипции *q*). Буква γ различается от χ и *q* при помощи другого диакритического знака в форме кольца (которое в отличие от маньчж. *fuqa* «кольцо» [217] пишется на левой стороне).

Подобно предыдущим, с помощью диакритического знака создана новая буква *u̯* из старой монгольской *О*. Она является сочетанием *О* и *У*, где *У* пишется над *О* (похожее начертание встречается в рукописях XVII в., где не только индо-тиб. *u* пишется через *ОУ*=*ü*, но и *u* некоторых монгольских слов, например, *γürban* вместо *γurban* «три»; ср. маньчж. *ÔY*=*u* после заднерядных согласных по графическим причинам). Из той же старой «петли» изменением начертания получается новая буква для *o̯*, а из нее добавлением черточки на правой стороне оси — буква для *ō* [218]. Эти две последние буквы, похожие на *e*, не имеют позиционных аллографов, но в инициальной позиции им всем предшествует «зубец».

В отличие от старого алфавита «ясное письмо» различает *i* и *y* внутри слова (у первой из этих букв — «зазубрина» оси, а вторая является простой «палочкой»). Новым диакритическим знаком является горизонтальная черточка — знак долготы, которая пишется на правой стороне оси, обычно ниже соответствующих букв (но выше финального *a*). Этот способ подражает тибетскому способу обозначения долготы в индийских и монгольских словах: буква *'a-čhuṅ* под соответствующим слогом. Отсутствие долгого *u* в письме (оно обозначено диграфом *uu*), возможно, объясняется графическими причинами (стремление избежать употребления диакритического знака по обе стороны одной и той же буквы).

Остальные графемы и знаки препинания те же, что и в старом письме; добавлен лишь знак продолжения в форме вязи без букв — знак, который заполняет оставшееся пустым место в конце неконечной строки.

Что касается орфографии, то, судя по галдановским письмам, слитное написание суффиксов было характерно для ойратской канцелярской орфографии XVII в.[219]. В литературных (преимущественно буддийских) памятниках формы разговорного языка смешиваются с книжными формами: в разговорной форме встречаются суффиксы родительного, винительного и дательного падежей и суффиксы соединительного деепричастия (*-iyin, -iyigi, -du, -ǰi*), но в книжной форме — даже отдельно, как само- 81

стоятельные слова или послелоги, не подвергающиеся сингармонизму, — суффиксы орудного (*yēr*) и исходного (*ēce*) падежей и т. д. Похожая книжная форма и *bui* вместо *büi*>*bei*>*bī* «есть», однако это уже вопрос не только правописания, но и самого литературного языка.

Вместе с «ясным письмом», где действительно все знаки ясны, однозначны, сложился и новый литературный язык. В его основе лежит, вероятно, родной, хошоутский говор Зая-пандиты; и этот литературный язык, несмотря на его случайные книжные элементы, отражал разговорную фонетику XVII в.

В нем имеются уже долготы и дифтонги вместо двусложных рядов типа *aγa*, *aγu* и т. п., в нем развитая лабиальная ассимиляция (включая и некоторые случаи регрессивной ассимиляции *i*, например *šara* вместо *šira* «желтый»). Из европейских записей XVII—XVIII вв. (Witsen, Strahlenberg) можно заключить, что в языке ойратов, как и в нынешнем калмыцком и тогдашнем халхаском, старая фонема *k* (которая в уйгурском шрифте представлена по сингармонизму буквами *K* и *Q*) разделилась на смычный (*k* перед гласными переднего ряда) и щелевой (*χ* перед заднерядными гласными) аллофоны. Вероятно и то, что в ойратском, по крайней мере в части говоров, уже в XVII в. произошло разделение старых аффрикат *č* и *ǰ* на *č*, *ǰ* перед **i* и *c*, *z* перед остальными гласными. Но если это так, то буквы *Č* и *J̌* снова многозначны, т. е. *Č*=*č*, *c* и *J̌*=*ǰ*, *z*. Эти буквы обычно так и толкуются (и правомерно) в наших транскрипциях текстов XVIII в.

Однако возможно и то, что Зая-пандита создал свое «ясное письмо» не только для ойратов, но имел в виду новую, общемонгольскую письменность и поэтому не отразил в своем алфавите ойратское развитие аффрикат. В самом деле, в его письме есть всего одна буква, которая может быть признана «чисто ойратской», это *K′*, передающая палатальный смычный перед заднерядными долгими.

Не исключена и возможность, что вышеупомянутое развитие аффрикат еще не завершилось во всех ойратских (и, может быть, халхаских) диалектах и говорах, и во время рождения «ясного письма» его буквы *Č* и *J̌* были еще «ясные», однозначные.

Есть и другие особенности, которые сегодня более характерны для восточных диалектов, чем для современных ойратских, или кажутся своеобразными как на Востоке, так и на Западе. В современном калмыцком и ойратском отсутствуют характерные для ойратского письменного языка дифтонги *ou*, *ö* они заменены долгими гласными (в поздних ойратских ру-

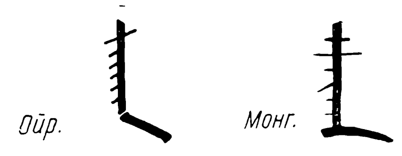
кописях конца XIX в. так и пишут), но их следы можно найти в записях П. С. Палласа (конец XVIII в.) и в языке дархатов[220]. В ойратском письменном языке еще недостаточно объяснена долгота *ī* слов *bičīči*, *orkīd* (монг. *bičigeči*, *orkiγad*, ойр. *bičā̆č* «писец», *orkād* «покинувши»). Были ли эти долготы свойственны хошоутскому говору или служили орфографическими средствами для обозначения соответствующего первому слогу долгого гласного после немого, этимологического *i*, — трудно сказать. Не ойратские, а «восточные» явления представляет собой лабиальная ассимиляция непервых долгих в словах типа *irȫl*, монг. *irügel*, халх. *yȯrȫl*, ойр. *yörā̆l* «благопожелание», а также отсутствие финального («именного») *n* в конце многих слов. Все это наводит на мысль, что письмо и литературный язык ученого ойрата стали ойратскими, вероятно, после его смерти и особенно в XVIII в.

Алфавит «ясного письма» отличается от уйгуро-монгольского и как определенный порядок, каталог знаков: вместо монг. *a*, *e*, *i*, *o—u*, *ö—ü*; *n* (*ng*), *q*, *γ*, *b*, *s*, *š*, *l*, *m*, *d—t*, *č*, *ǰ*, *y*, *k—g* (*γ* в конце слога), *r*, *v* в ойратском следует *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *ö*, *ü*; *n*, *b*, *χ*, *γ*, *g*, *k*, *q* (в конце слога), *m*, *l*, *r*, *d*, *t*, *y*, *z*, *c*, *s*, *š*, *ng*[221].

Хотя в наших источниках нет прямых сведений о создании Зая-пандитой ойратской транскрипционной системы для иноязычных слов, однако возможно, что ойратский галик, который встречается на листах старых калмыцких книг[222], восходит также к Зая-пандите и его ученикам. Ойратский галик, за исключением нескольких букв, является вариантом транскрипционного алфавита Аюши-гуши (хотя надлежит сказать, что нам еще неизвестно, в какой мере ойратское письмо влияло на ту позднюю форму галика Аюши-гуши, которой мы располагаем). Для истории ойратской фонетики было бы важно иметь точные сведения о значении некоторых знаков, например тех, которые передают индийские *c, ch, j* (для монголов *цз, ц* и опять *цз*) и тибетские *č, čh, ǰ* (монг. *чж, ч, чж*), но именно здесь вследствие несоответствия письменностей и языков царит та же путаница, что и в монгольских книгах, и поэтому писцы нередко вводили написание тибетским письмом, и часто ошибочно. Точную транскрипцию постигла одна и та же судьба — и в монгольской и в ойратской письменностях.

Стоит еще сказать об особенностях ойратского почерка, который почти столь же характерен для письма Зая-пандиты, как его новые буквы и обилие диакритических знаков. Для знающего уйгуро-монгольский обычный книжный почерк («ламский устав») своеобразие ойратского книжного, каллиграфического почерка сразу бросается в глаза, но это — своеобразие графического характера и нелегко выражается в словах. Если уйгуро-

монгольский почерк пекинских ксилографов конца XVII — начала XVIII в. характеризуется тем, что его «зубцы» и «хвосты» более или менее горизонтальны, то в ойратском почерке поперечные линии идут наискось: «хвосты» наклоняются направо, большинство остальных графических элементов — налево, «дуги» имеют сжатый сверху вид, «коса» *l* — крутой кривой штрих, у *m* — угловатый, сломанный; буква *t* и финальный *m* также сжатые, узкие, их преобладающая правая круглая часть стремится вверх. Вязь (прямая вертикальная ось) и «хвосты» жирные. Горизонтальными являются лишь *s* и *š* («рот» некоторых очень узкий), знак долготы и правый штрих буквы *ö*. Отвлекшись от сути ойратского книжного каллиграфического почерка, его можно изобразить следующим схематическим образом:

Бывают, однако, ойратские рукописи, в которых отклонение поперечных линий несущественно; эти рукописи — часто западномонгольского или бурятского происхождения — обычно свидетельствуют о влиянии монгольского книжного почерка. Встречается и своеобразный размашистый калмыцкий почерк, в котором господствуют более или менее горизонтальные линии, «хвост»[223], «багор», *s* и знак долготы очень длинные, «косы» *l* и *m* большие, загнутые.

На основе доступных материалов и историко-географических сведений представляется возможным, что ойратский почерк является продолжением туркестанской, чагатаидской традиции уйгурского почерка, почерка канцелярских памятников уйгурского и монгольского языков XIII—XIV вв.

Курсив и скоропись

Уйгуро-монгольская графика является отличным материалом для скорописи. Она состоит из немногочисленных графических элементов, которые употреблены весьма экономно, она разрешает ряд сокращений, слово в ней образует цепь знаков, которые пишутся слитно и могут быть исполнены одним росчерком, в виде одной непрерывной линии. Только диакритические знаки (точки) и некоторые буквы пишутся раздельно. Все эти обстоятельства представляют широкие возможности для курсивного

шрифта и — посредством курсива — для скорописи вроде нашей стенографии, в которой графические элементы, буквы и диакритические знаки сливаются в едином знаке. Этот способ был известен, вероятно, и монголам XIII в., и они могли усваивать традиции курсивного шрифта у своих уйгурских учителей. Один из ранних памятников монгольской письменности, вторая из известных надписей (1240 г., всего три строки в приложении китайского эдикта монгольской императрицы Торегене), не только свидетельствует о том, что китайские резчики не всегда могли точно передать «варварские» для них знаки, но и является первым известным образцом ярко выраженного курсивного почерка. Некоторые слова этой надписи читаются только по контексту, и чтение одного из 15 слов до сих пор не установлено твердо [224]. Десяток образцов местами трудно читающихся курсивных текстов предоставляют туркестанские документы, памятники канцелярии Чагатаидов из окрестностей Турфана [225], хозяйственные документы и светские записи из Хара-Хото [226].

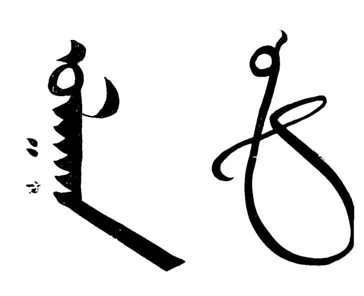
В этих документах, относящихся преимущественно ко второй половине XIV в., встречаются такие сокращения, как *ul$\bar{\gamma}$či-dača* вместо *ula$\bar{\gamma}$ačidača* «от ямщиков» [227], или в слове *moγai* вместо трех «зубцов» (*γa*) пишется длинная вязь [228], т. е. протяжение оси между *o* и *i* символизирует зубцы.

Подобных ярких примеров пока нет из следующих четырех столетий. В известных памятниках XV—XVIII вв. курсив встречается случайно и редко доходит до скорописи. Большинство памятников имеет достаточно торжественный характер, чтобы позволить «небрежную элегантность» скорописи или развитого курсива. Мало известны и мало изучены частные, практические записи и мелкие канцелярские бумаги. Отдельные примеры курсива встречаются в «корректурных» рукописях, в которых писец, редактировавший текст, исправлял описки и делал замечания курсивом [229]. «Полууставом» написаны некоторые монгольские письма по русско-маньчжурским пограничным делам [230].

Вероятно, к концу XVIII в. восходит своеобразный бурятский курсив [231], который отличается от халхаского и южномонгольского не только соразмерностью, но и начертанием некоторых графических элементов: например, «петля» остается часто открытой у вязи, у графемы *Č* появляется небольшая петля оттого, что при написании перо не поднимается, медиальный *R* состоит из двух параллельных «палочек», связанных коротким кривым штрихом. «Зубцы» (здесь, вернее, «колючки») и «палочки» длинные, *D* часто в два раза длиннее «палочки», «косы» *L* и *M* часто «кудрявые», с бо́льшим размахом тянутся от оси, и почти все графические элементы, находящиеся на левой стороне оси, сильно наклоняются вниз, при этом графические элементы на правой стороне поднимаются выше, чем в «уставе».

Этот размашистый и широкий курсив написан обычно (птичьим) пером, часто ореховыми чернилами. Похожий, размашистый ойратский полукурсив существовал у калмыков Приволжья в конце XVIII и начале XIX в.; он отличается мелкими зубцами и огромным размером «косы» *L* и *M*, «хвоста», «багра» и конечной «дуги».

Халхаские и южномонгольские писцы и литераторы XIX—XX вв. при письме курсивом и скорописью пользовались кистью. Халхаский курсив нередко образуется тесно следующими друг за другом (но не обязательно слитными) «зубцами» (здесь они бывают и клиновидные), большими овальными «петлями»; его линии обычно жирные; конечные «дуги» маленькие, «хвосты» разные (бывает и короткий, сильно загнутый вверх к оси), «багор» — длинный, стремящийся вниз.

ulaγan, *«красный»*

В южномонгольском и подражающем ему раннем халхаском курсиве линии менее жирные, равномерные, знаки следуют друг за другом слитно, но не тесно; «зубцы» мелкие, графема *D* обычно среднего размера, т. е. немного длинее, чем *R* и *Y* (в «жирном» халхаском курсиве бывают и сверхдлинные, наклоняющиеся *D*). По мнению академика Б. Я. Владимирцова, этот курсив развивался под влиянием маньчжурской скорописи [232].

Хорошие писцы могли (и могут, теперь уже авторучкой) записать речь от слова до слова. В такой записи бóльшую роль играет общий облик письменного слова, а не его компонентов.

Орнаментальные разновидности уйгуро-монгольского письма. Письменные узоры, символы, тамги

Каллиграфический шрифт, как рукописный, так и печатный, со своим торжественным ритмом, ярким контрастом крупных и мелких графических элементов, тонких и жирных штрихов или именно в силу равномерно жирных линий сам по себе может служить узором. Особенно финальные элементы, «хвост» и «багор», которые больше других по размерам и обычно носят больше эмоций, являются хорошим сырьем для каллиграфии. Монгольские любители письменных узоров не довольствовались

ритмом «зубцов», «петель», «хвостов» и «багров»; они искали и находили новые и новые возможности для заполнения письменами прямоугольной или круглой поверхности печати, длинной полосы карнизов крыши храма или заголовка надписей. В юаньский период, после 1269 г., нередко употребляли для этой цели квадратный шрифт или китайские иероглифы старинного почерка чжуань. Знаменитая печать монгольского императора Гуюка, красный оттиск которой сохранился на письме 1246 г., дает первый пример контурной каллиграфии, где вместо жирных линий рисуются контуры монгольских слов, высеченных Кузьмой, «золотых дел мастером», русским пленником в Каракоруме: «Волею Вечного Неба, всемирного самодержца великого монгольского государства указ. Пребывая у покоренных и непокоренных народов, да чтут его, да убоятся его!»[233]. Пóзднее, но не менее торжественное употребление контурной каллиграфии встречается на шестиязычной надписи XVIII в. над воротами ограды пекинского дворца маньчжурского императора[234]. На шести языках, среди них на монгольском (*olan tüsimed baamuγ irgen egün-dür morin-ača baγu*) и на ойратском (*olon ušimel γamuq irgen öün-dü morin-nāsa bou*; с орфографическими ошибками — во втором слове *u* вместо *ü*, у финального *q* не хватает диакритического знака, а *-nāsa* — разговорная форма вместо книжной *ēce*), напоминали эти надписи о близости владыки: «Всякий чин и каждый простолюдин, здесь спешись!»

Однако в классическую эпоху в виде орнамента чаще всего употреблялись иноязычные знаки: отдельные буквы и сложные буквосочетания индийского шрифта ланча (монг. *ландза*), тибетское квадратное письмо, которое у тибетцев называется «монгольское»; в виде фриза рисовали непонятные, но зато благозвучные и таинственные магические формулы письмом соёмбо.

Может быть, китайская орнаментальная каллиграфия влияла на монгольское письмо уже в средневековье, а возможно и то, что уйгурская графика, резко отличающаяся от китайской, тогда еще не поддалась такому влиянию. Во всяком случае, известные орнаментальные разновидности уйгуро-монгольского письма появились в маньчжурскую эпоху, в XVIII в., и, по всей вероятности, не под китайским, а под маньчжурским влиянием. Видимо, для маньчжуров, писавших недавно (XV—XVI вв.) еще близкими к китайской графике чжурчжэньскими знаками и быстро принявших китайскую культуру, было легче применить китайские образцы к своей новой, монгольской по происхождению письменности. Так появились у них орнаментальные стили письма, в которых слова полностью занимают длину и ширину определенной площади прямоугольника (см., например, заголо-

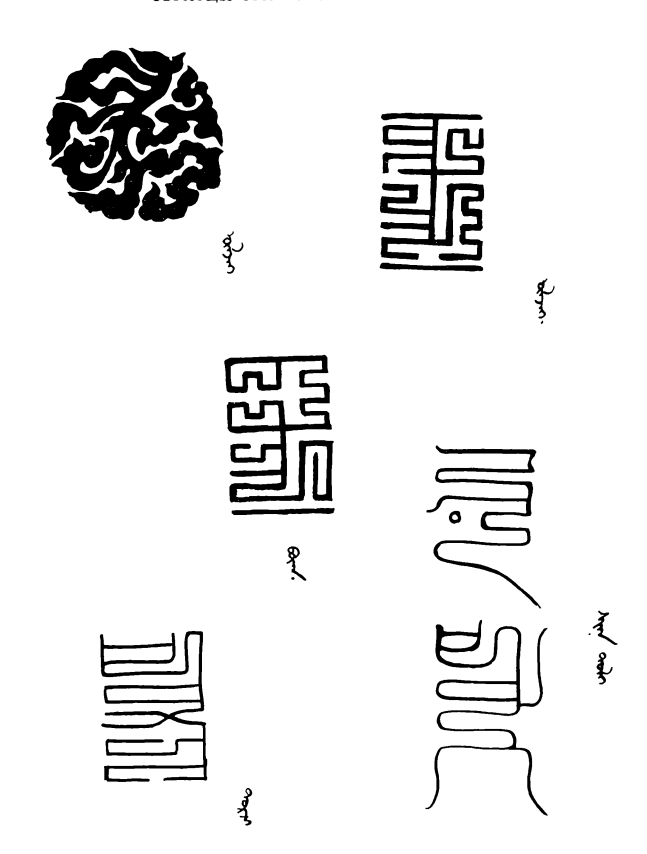
вок надписи Чжэнцзюесы 1761 г.)[235] или круга, притом линии прямые, угловатые по одному стилю и волнистые, кудрявые — по другому[236]. Монгольские образцы угловатого стиля появились в виде узора рамки заголовка на обложке пекинского ксилографа 1851 г.[237]. В этих узорах письмо имеет особенно замкнутую форму: чтобы заполнить данный прямоугольник и одновременно избежать монотонности длинных прямых, здесь линии образуют квадратные «бухты».

Каллиграфы создали и такую квадратную форму уйгуро-монгольского письма, которая более приемлема для орнаментальных надписей. Слово должно поместиться в прямоугольнике и здесь, но линии без лишних узоров и почти каждый угол или извилина имеют значение для письма. Этот стиль требует уверенности в пропорциях и находчивости каллиграфа. Графические варианты букв (аллографы) дают возможность записать одно и то же слово в нескольких формах[238]. Такой стиль употребляется также на печатях. Если слова должны занимать круглую поверхность, это достигается при помощи неравенства поперечных прямых, концы которых образуют хорды дуги, а бывшая вертикальная вязь следует по окружности. Этот стиль — угловатые линии внутри круга — отличается от предыдущего тем, что здесь нет оси, исчезла более или менее непрерывная, центральная линия вязи.

Из многочисленных письменных узоров стоит упомянуть еще о трех видах. Во всех трех слова образуют круг. В первом из них буквы состоят из торчащих линий, похожих на капризно изгибающиеся языки пламени, их ширина неравномерна, и они не образуют оси. Во втором и третьем видах широкая вертикальная ось разделяет круг на две равные части и несет буквы, которые образуют поперечные прямые линии во втором виде и торчащие языки огня — в третьем. Во Внутренней Монголии мне довелось увидеть любопытные надписи, которые состоят из черных круглых «щитов» слов, у одних буквы угловатые, у других — «пламенные», у всех широкая ось, внутри которой белая площадь со сложным контуром — тоже монгольское слово, а внутри этого последнего — рисунки — символы китайских святых. Если читать «черные», или внешние, слова подряд, потом «белые», внутренние, получаются целые предложения о милости судьбы.

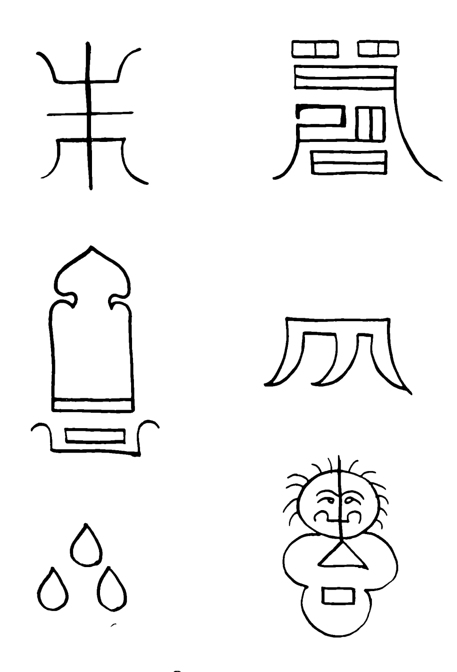
На фоне орнаментики, которой нередко приписывается и магическая сила, не всегда четки границы между письменами-узорами (монг. *ebkemel*) и разными знаками, символами, которые по верованиям шаманистов, ламаистов и даосистов призваны защищать людей от всякого зла. Эти знаки (*buu, vuu* или *cagra*) четко различаются по своему назначению. Бывают чисто шаманские, упрощенные изображения духа[239] и ламаистские,

ОБРАЗЦЫ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ПИСЬМА

подражающие тибетским или индийским буквам [240], другие похожи на китайские иероглифы, вернее, магические знаки даосистов [241].

Тамги, знаки собственности, которыми скотоводы клеймили свой скот [242], также имели связь с магическими знаками, «приносящими счастье и защищающими от злых сил». Среди тамг монголов встречались такие буддийские символы, как «три сокровища», тибетские буквы, стилизованные китайские иероглифы, обозначающие счастье. Многие из этих знаков стали элементами орнаментики монгольских народов.

Знаки и тамги.

Слева: символ долголетия и благополучия; знак «для утешения плачущего ребенка» (ойр.); тамга «три драгоценности»; справа: знак «против злых птичьих примет», зеленый знак «самозащиты»; «пугало злых духов» (ойр.)

О печатях, «двоюродных братьях» тамг, подробнее говорится ниже, в связи с печатанием; здесь скажем только о том, что оттиск печати, недавно еще исключительный знак удостоверения личности, уже в начале XIX в. сопровождался подписью у бурят (русское влияние) [243], которая представлена часто в виде еле читаемой или неразборчивой монограммы, похожей на наши современные европейские «тамги», подписи, но монгольский язык здесь точнее наших: его носители не «подписываются», а «рисуют знак собственной руки».

«Саморожденный» алфавит

Среди тибетских ксилографов, напечатанных в Пекине при цинской династии, есть любопытная книжка, всего из 29 листов, которая носит длинное название «Письмена Белой и Черной рав-

нин, Желтой равнины, Непала, Тибета, Кашмира и Монголии, вместе со многими рисунками и разъяснениями». Эта забавная компиляция начала XIX в.[244], отвечая своему заголовку, содержит ряд образцов разных алфавитов индийского («Белая равнина») и неизвестного происхождения («Желтая равнина» — Туркестан или Россия — представлена нерасшифрованными знаками), а также несколько киданьских знаков (из «Черной равнины», т. е. Китая), потом следуют изображения, например орудий тибетской медицины, упражнений гимнастики йога, ноты и т. д. Не удивительно, что этот ксилограф привлекал внимание ученых. По всей вероятности, он служил источником очерка индийского пандиты С. Ч. Даса о «священных и тайных письменах» Тибета[245]; совсем недавно он получил новые, подробные описания[246]. Среди других образцов читается санскритская формула и первые буквы алфавита, который, по тибетской надписи, называется «саморожденным», или *сойомбо*. По словам Даса, это письмо, «самое священное в Тибете», создалось в индийской стране Магадха, оттуда попало в Тибет в XI в., во времена знаменитых буддийских просветителей Атиши и Бромтона. Однако среди «саморожденных» букв, приведенных в упомянутой книге, есть две, для передачи которых тибетские знаки оказались недостаточными. Эти две буквы, *и* и *ö*, имеют лишь монгольскую транскрипцию — обстоятельство, которое является довольно подозрительным для «самого священного» алфавита Тибета.

В 50-е годы стали известны монгольский текст, напечатанный в конце XIX или в начале XX в. «саморожденным» письмом и напечатанный также ксилографическим способом букварь, оба воспроизведенные в статьях акад. Б. Ринчена[247]. Он сообщает и о происхождении этого письма. По монгольским преданиям и по тибетоязычному трактату Агван-цорджи[248], алфавит сойомбо был изобретен выдающимся политическим деятелем, искусным церковным скульптором и главой халха-монгольского духовенства, первым ургинским хутухту Дзанабадзаром, называемые чаще по прозвищу «Высокий святой» (Ундургеген)[249].

Временем изобретения нового алфавита указан год огня и тигра, 1686; Ундур-гегену было тогда 52 года (по монгольскому летосчислению, которое, подобно китайскому, считает календарные годы). Сын халха-монгольского князя Тушету-хана Гомбодорджи, он был еще мальчиком, когда в 1641 г. его провозгласили хубилганом — воплощением божества Таранатхы — и, названный Святым стариком *(ebügen qutuγtu),* он был уже могучим руководителем монгольской ламаистской церкви, когда в 1691 г. уговорил правителей Халхи принять маньчжурское подданство. Он дожил до полного разгрома западномон-

гольского княжества и до смерти ойратского князя Галдан-Бошокту-хана (который считал его одним из своих врагов) и пережил маньчжурского императора Шэнцзу Канси[250].

Его буквы должны были зафиксировать слова трех языков, святых для монгольских ламаистов: санскритского, тибетского и монгольского. Однако ксилографический букварь своим своеобразным порядком знаков свидетельствует о том, что самым святым считался все-таки родной, монгольский язык.

Букварь перечисляет знаки в трех разделах. В первом даются только те буквы, которые нужны для монгольских текстов[251], во втором — «чисто санскритские» буквы[252], а в третьем, последнем разделе находятся «чисто тибетские» знаки[253]. Для фонетики монгольского диалекта, которая отражается в первом разделе, особенно характерно, что место старых аффрикат *č* и *ǰ* здесь занято новыми, *c* и *j*. Это явствует из того, что в санскритском разделе вместо серии *c, ch, j, jh* стоят лишь *j* и *jh*, т. е. первые две буквы *c* и *ch* (для монголов: *j* и *c*) перечислены в монгольском разделе. Известно, что соответствующий ряд санскритских букв (и фонем) в тибетском воспринимается как *ц, цх, дз, дзх* и последовательно в монгольском — *дз, ц, дз, дз* (невзирая здесь на возможности точной транскрипции по алфавиту галик). Монгольские фонемы *č* и *ǰ*, как и в ойратском, выражаются орфографическим способом: *ji* = *ǰi* и *ci* = *či*. Такая двойственность аффрикат свойственна халхаскому; но по причине двойственности значения соответствующих букв это письмо могло бы стать общим для «49 хошунов», всех монгольских сеймов, как это было ему суждено изобретателем. Но если «ясное письмо» не могло распространяться среди восточных монголов, вероятно, не только из-за политических, но и «графических» причин, то буквы сойомбо, хотя и красивые, но в сравнении с уйгурскими такие же громоздкие, как и знаки Пакба-ламы, остались редко употребляемыми письменными узорами.

Это письмо подражает индо-тибетским образцам и, подобно квадратному алфавиту, принадлежит к тем разновидностям, в которых буквы имеют «головку». У каждой буквы сойомбо — треугольная «головка», а на правой стороне буквы — шест. Знаки пишутся горизонтально, слева направо, иногда сверху вниз. Без особого знака гласного, как и в тибетском, каждая буква может передать слог с гласным *a*, остальные гласные выражаются знаками, которые расположены над «головкой» буквы или под ее различительным, внутренним элементом. Согласные в конце слога представлены в форме различительного элемента соответствующей буквы на левой, внутренней стороне шеста. Таким образом, слоговая единица (по внешней форме четырех-

угольник) может обозначать не больше трех звуков: согласный — гласный — согласный; это значит, что в письме сойомбо слог редкого типа *bars* «тигр» невыразим. Разделительный знак слогов излишен, но его нет и между словами: слоги соединяет в слова только семантика. Итак, письмо сойомбо — звуковое письмо со слоговой орфографией. Различительные элементы букв восходят то к тибетскому, то непосредственно к индийскому (ланча) образцу, а лигатуры типа *ag, ab* и т. д., отсутствующие в индо-тибетской графике, напоминают слоги в квадратной письменности, в которых буквы связываются вертикальной вязью.

Известные мне тибетские тексты письмом сойомбо следуют тибетской орфографии с употреблением слогоразделительной точки. Знаком начала служит древний символ независимости, сойомбо, конец отмечен двумя шестами [254]. По преданию, существовали уставные и курсивные почерки.

Это начинание «Высокого святого» не увенчалось таким успехом, как распространение и укрепление «желтой веры» среди монголов Халхи, тем не менее его «саморожденный» алфавит представляет собой не только любопытный, но и важный памятник данного периода истории письменности.

ka-mug sed-kil-tü jo-bo-lań ü-gein jir-ga-lań-lu-ga ka-ga-ca-ku bü bol-tu-gai

«Да не расстанутся все разумные существа с радостью без страданий!»

Алфавит горизонтального квадратного письма

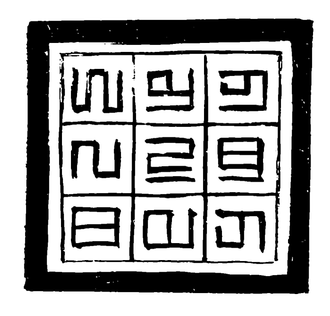
Предания приписывают первому ургинскому хутухту Дзанабадзару еще один новый алфавит. Форма его букв квадратная, но строки в отличие от письма Пакба-ламы идут слева направо, как в тибетском. Отсюда и название этого алфавита, который стал известен в Европе уже в конце XVIII в. В «Сборнике исторических сведений о монгольских народностях» (эта двухтомная сокровищница исторических и этнографических данных посвящена Екатерине II) [255] П. С. Паллас опубликовал копию

образца письма с угловатыми знаками без указания на значение букв и на источник образца. Тот же образец письма воспроизведен в «Путешествии на Кавказ и в Георгию» И. Клапрота[256], но уже с транскрипцией большинства букв. Потом этот алфавит изучали известный бурятский ученый Доржи Банзаров, автор блестящей монголо-калмыцкой грамматики А. Бобровников, английский востоковед А. Уайли, который видел надписи этим письмом в пекинской монгольской кумирне Юнхэгун («Дворец вечной гармонии»); их описал и А. Позднеев в своих «Лекциях по истории монгольской литературы»[257].

Главным источником исследований служил единственный известный печатный «образчик письмен», который приложен «без всяких объяснений к одному буддийскому сборнику молитв, неизвестно когда и где напечатанному»[258]. Этот «образчик» — часть пекинского ксилографа хранится в «Старом фонде» ЛОИВАН[259]. Ксилограф представлен всего четырьмя листами: первый из них, по китайской нумерации л. 263, содержит наш «образчик» (по рукописной заметке «оттиск старинных тангутских букв»); на обеих сторонах один и тот же ряд знаков. На л. 264 начинаются параллельные тибетский и монгольский тексты, из которых явствует, что речь идет о послесловии тибетского сборника молитв, изданного летом 1729 г.[260].

«Оттиск старинных тангутских букв», т. е. образец горизонтального квадратного письма, состоит из одной формулы на санскритском языке (*oṃ namo guru Mañjughoṣaya* — «слава учителю Маньджугхоше!») и из алфавита той же структуры, что и в письме Пакба-ламы или в букваре сойомбо, но, видимо, сами издатели уже не очень хорошо разбирались в данной графике и отсюда некоторые непоследовательности. Однако при помощи алфавита сойомбо легко установить порядок по крайней мере монгольского раздела. В разделе знаков для чужих звуков фонетический порядок искажен и не хватает ряда букв[261].

Слоги с конечным согласным здесь обозначаются двумя буквами, поэтому неизбежно употребление слогоразделительной точки, которая помещается под второй буквой. В этом алфавите преобладают тибетские элементы, лишь индийские звонкие придыхательные имеют свои собственные знаки (в отличие от тибетских диграфов). Что касается общей формы букв, они похожи на тибетский квадратный шрифт «без головок» (*dbu-med*), однако некоторые буквы взяты из шрифта «с головками» (*dbu-čan*). Среди ленинградских монгольских рукописей из коллекции Ц. Жамцарано[262] мне удалось увидеть еще один «печатный образец» этого письма, оттиск печати на одной южномонгольской официальной бумаге, вероятно XIX в.:

a-mu-gu-

la-ń-tu

ta-ma-ga

«Печать Амугуланту».

А сам алфавит, в отчасти реконструированном виде, выглядит, как показано на стр. 96 (в скобках индо-тибетское значение).

Бурятский «новый алфавит» Агвана Доржи

С середины прошлого века бурятская духовная жизнь переживала период расцвета. Рождались такие знаменитые ученые, как Доржи Банзаров, автор «Черной веры», первой научной монографии о шаманизме монголов, трудились в науке такие образованные ламы, как Галсан Гомбоев, глава (хамбо) восточносибирских буддистов, издавший ряд важных памятников монгольской литературы. В забайкальских дацанах готовили новые ксилографические доски, переиздавали старые пекинские и чахарские ксилографы, содержащие монгольский перевод древних буддийских легенд или тибетских медицинских сочинений, но встречались и такие доски, на которых вырезаны были уже самобытные бурятские сочинения, например стихи[263] Ринчина Номтоева[264], нравоучительные трактаты, направленные против водки, табака и понюшки или ратующие за сохранение традиции старой женской одежды[265]. Издавались и разные буквари и небольшие грамматические работы. Царское правительство вопреки хлопотам членов Синода не запретило деятельность буддийского духовенства в Бурятии: ведь ламы проповедовали хотя и не православные, но зато «праведные» и не менее полезные для самодержавия идеи.

Эти сочинения похожи на произведения европейских литераторов эпохи господства церкви в культуре, однако они являются и свидетельствами общественного движения, в котором началось формирование бурятской нации. Вторая половина XIX — начало XX в. — период творчества ламских хранителей

АЛФАВИТ ГОРИЗОНТАЛЬНОГО КВАДРАТНОГО ПИСЬМА

древних индо-тибетских традиций и ученых бурят с европейским, русским образованием, таких, как этнограф Н. М. Хангалов, фольклорист Ш. Л. Базаров; в это же время началась научно-просветительская деятельность ученого-путешественника, позже профессора Г. Цыбикова и филолога, собирателя фольклора и всех памятников монгольской старины Ц. Жамцарано.

Одной из интереснейших личностей эпохи был Агван Доржи[266], бурятский лама и тибетский политический деятель, автор небольшой грамматической работы (*Mongγol üsüg trigüten* — «Монгольский алфавит и прочие», СПб., литография), стихотворного описания своей жизни под заглавием «Любопытное писание, сказ о странствованиях вокруг мира» (*Delekey-yi ergiǰü bitügsen domoγ sonirqal-un bičig tedüi kemeküi orosiba,* 1922 г.) и, как видно из этого заглавия, путешественник. Ему было 19 лет, когда в 1871 г., покинув Бурятию, он отправился в Тибет, где стал ламой и потом внешнеполитическим советником далай-ламы. Побывал он в Париже, Лондоне, Индии, Японии и в 1898—1912 гг. многократно в России, где и остался в 1912 г., после поражения его планов вырвать Тибет из британской сферы влияния. В стихотворной автобиографии он упоминает и о построении петербургской буддийской кумирни в Новой деревне, несмотря на сопротивление христианского духовенства,— по его словам «длинновласых негодяев с черными мыслями».

Он был и изобретателем нового письма для бурят. Свою новую азбуку он сочинил осенью 1905 г. в Санкт-Петербурге, где были изготовлены и печатные литеры. Но издано было всего несколько литографических брошюр, и есть сведения о некоторых западнобурятских рукописях[267].

Бурятское письмо Агвана Доржи, или Вагиндры (так подписывал он свои книги, употребляя индийскую форму тибетского имени Агван — «Владыка красноречия»),— последняя станция многовекового путешествия семитского алфавита на Восток. Это письмо создано на основе монгольской, в частности ойратской, графики. В нем упразднены все аллографии предыдущих монгольских систем письма, нет случаев омографии и практически нет позиционных аллографов. С помощью диакритических знаков можно выразить долготу гласных и смягчение согласных, созданы буквы и для передачи иноязычных звуков. По рукописному проекту этого алфавита[268] знаки перечисляются в хорошо известном из предыдущих письменностей (галик, сойомбо, горизонтальное квадратное письмо) фонетическом порядке. Алфавит состоит из 28 простых букв, 4 диакритических знаков и 6 знаков препинания.

Через пять лет после рождения «нового алфавита» Вагиндры, Агвана Доржи, Б. Барадийн, соратник Цэвэна Жамцарано, вы-

пустил бурятские фольклорные записи уже во вновь созданном им правописании — латинским шрифтом[269], а Агван Доржи написал свою стихотворную биографию снова уйгуро-монгольской графикой.

Маньчжурская и тибетская письменности у монголов

Когда прошли беспокойные века попыток восстановления единого монгольского государства во Внешней и Внутренней Монголии, к власти пришли маньчжуры и их верноподданные помощники — ламы-желтошапочники. Главным языком государственных дел стал маньчжурский, священным языком ламаистской церкви — тибетский.

Для большинства монголов письменный язык не утратил своего значения,— ведь канцелярии вели двуязычную администрацию, официальных бумаг стало гораздо больше, и для обнародования маньчжуроязычных указов, постановлений их надо было перевести на язык подданных. Кроме того, на монгольском языке писались письма халха-монгольских князей, касающиеся русско-китайских, вернее, русско-маньчжурских пограничных дел, адресованные представителям Российской империи. О маньчжурском подданстве монголов в этих письмах нередко напоминала лишь двуязычная, маньчжуро-монгольская легенда княжеской печати и маньчжурская заметка на конверте — *ябубу* «посылать!»[270]. Монгольский язык и письмо играли важную роль и в маньчжурской канцелярии, о чем свидетельствуют многоязычные и многочисленные эпиграфические памятники XVII—XVIII вв., чаще всего восхваляющие доблесть и милость маньчжурских императоров. В монгольской части этих надписей встречались иногда маньчжурские слова, сохранившие некоторые черты маньчжурской графики, например букву *ф* в слове *хафан* «чиновник»; кроме того, маньчжурские и монгольские части надписей отличаются обычно и почерком.

При императоре Гаоцзуне в 1794 г. был напечатан китайско-монгольский разговорник под заглавием «Компас начинающего»[271], в котором монгольские слова записаны маньчжурскими буквами, в маньчжурской орфографии. Книга является учебником монгольского языка для китайцев, текст которого практически идентичен тексту трехъязычного разговорника «Сань хэ юй лу», напечатанного первый раз в 1830 г. также в Пекине[272], на знаменитой «Стеклозаводной улице» Люличан[273], в лавках которой еще недавно продавались старые книги и эстампажи надписей на многих языках Срединного государства. Этот разговорник первоначально назывался «Сто разговоров» (по-мань-

чжурски «Тангу мейен») и был составлен на маньчжурском и китайском языках для окитаизировавшихся маньчжуров, забывающих язык своих предков. Трехъязычное издание фирмы «Палата пяти туч» снабжено длинным предисловием, в хорошо известном тексте которого указано имя составителя монгольской версии разговоров на «черном», т. е. устном, языке (*qara üge*). Это Делег, императорский зять, «помощник государства», воевода князь бааринский; он известен также как литератор, меценат и редактор по двум послесловиям 80-х годов XVIII в.[274]. Итак, хотя трехъязычное издание датируется по надписи обложки 1830, а предисловие 1829 г., сам монгольский текст в маньчжурском шрифте относится ко времени не позднее 1794 г.

Подражая китайскому и маньчжурскому подлинникам, Делег хотел дать примеры именно разговорного языка, вероятно, на основе своего наречия[275]. Так как уйгуро-монгольский алфавит казался ему недостаточным для точной, недвусмысленной передачи звуков родного диалекта, он пользовался маньчжурским письмом, которое не оставляет сомнения в звонкости или глухости согласных. Относительно гласных маньчжурское письмо также точнее уйгуро-монгольского, но в то же время оно беднее знаками, которыми могло бы верно отразить богатую систему гласных разговорного монгольского (манчж. *a, e, o, u, i,* монг. *a, e, o, u, ö, ü, i* и соответствующие долгие, без учета которых маньчж. *u* у Делега передает монг. звуки *u, ö, ü*). Во всяком случае, таким образом был создан замечательный памятник восточномонгольского разговорного языка и стиля второй половины XVIII в., являющийся в то же время свидетельством приспособления маньчжурского письма к монгольскому языку. Надо заметить, что в маньчжурской транскрипции встречаются и неразговорные, книжные формы и что их больше во второй версии, т. е. в издании 1830 г.[276].

Маньчжурская транскрипция к монгольским словам приводится и в трехъязычном, маньчжуро-китайско-монгольском словаре и грамматике «Сань хэ бянь лань» 1780 г.[277]. Были и монголы, писавшие на маньчжурском языке, как, например, автор «Истории монгольского рода Борджигин» (1735 г.)[278], харачинский полководец Ломи. Однако маньчжурская письменность не угрожала серьезно монгольской. Единственная монголоязычная народность, у которой маньчжурская письменность стала господствующей, это дагуры Северной Маньчжурии. В их языке и культуре вообще сильны маньчжурское и тунгусское (солонское) влияния, маньчжурское письмо у них осталось «живым» и в начале нашего века, когда оно вместе с маньчжурским языком вопреки всем увлекательным «Ста разговорам» умирало у самих маньчжуров.

Что касается тибетской письменности, то дело обстоит иначе.

В XVIII в. в монгольской ламаистской литературе царил «истинно монгольский язык» (*oor mongγol kele*), благозвучный «узор для ушей» (*čikin-ü čimeg*). Этому не мешало то, что некоторые монгольские авторы писали на тибетском языке или и на тибетском, и на монгольском, как, например, директор пекинской школы тибетской словесности, уджумчинский дворянин Гомбоджаб. XVIII век, особенно его первая половина, был «грамотным» периодом, когда пожинались плоды переводческой и литературной деятельности предыдущих столетий.

Однако в XIX в. в монастырях, где буддийские писания и молитвы читались и пелись уже только по-тибетски, тибетская письменность стала вытеснять монгольскую. Многие ламы не знали монгольской грамоты и вели свои записи[279] хотя и по-монгольски, но тибетскими буквами. Тибетские знаки употреблялись по монгольскому произношению тибетских слов. Большинство памятников употребления тибетской графики для монгольского языка относится к XIX—XX вв., к ним принадлежат большой тибето-монгольский словарь Ишидорджи[280], рекламная листовка пекинского книжного магазина[281], фольклорные записи[282], журнал для лам[283], изданный в Улан-Баторе после революции, однако первые известные опыты применения тибетского письма к монгольскому языку новой эпохи относятся к концу XVII в.[283а].

Как подсобное письмо тибетские и маньчжурские знаки появляются порой для уточнения произношения (преимущественно иностранных) слов[284] параллельно с монгольским начертанием, порой в нумерации[285] или в заглавии сочинения[286] и в начале разделов[287].

Монгольские тексты, написанные в маньчжурской или тибетской графике, как и монгольские глоссы в тибетских или маньчжурских сочинениях, особенно если они ранние или отражают какой-то монгольский диалект, дают важные сведения об истории языка.

Новые литературные языки

Возрастающий разрыв между письменной и живой, разговорной формами языка, как мы видели, уже не раз вызывал стремление к упрощению старой письменной системы или к замене ее новой. Однако это стремление не могло преодолеть авторитета старой письменности, обеспечивающей единство большинства монгольских диалектов. (Единственное исключение — «ясное письмо» Зая-пандиты, существовавшее 300 лет.) С другой стороны, это языковое единство уже с давних пор не сопровождалось политическим единством носителей языка. Часть ойрат, откочевав на Нижнюю Волгу, создала в XVII в. Калмыцкое хан-

ство в астраханских степях, а буряты и вместе с ними многие переселенцы из беспокойной Халхи стали в том же веке «ясашными людишками» Российской империи, где для них, раньше, чем для других монголов, открылся путь к европейской культуре. Монголам Халхи, подчиненной Китаю, удалось с помощью России приобрести автономию в год крушения маньчжурской власти (1911), и эта автономия положила начало новому независимому монгольскому государству. Во время автономии Внешней Монголии издавались первые монгольские газеты «Новое зерцало» и «Столичные известия»[288], которые печатались первый раз в Монголии подвижным шрифтом в ургинской русско-монгольской типографии. Редактором был знаменитый монголовед, хоринский бурят Ц. Жамцарано.

Великая Октябрьская революция положила начало новой жизни монголоязычных народов, повлекла за собой обновление их языка[289] и культуры. Борьба с отсталостью была и борьбой с безграмотностью, с гнетущим наследием прошлого.

Первыми порвав со своей старой письменностью, калмыки стали создавать новую орфографию — на основе кириллицы, затем латиницы, потом опять кириллицы — и при этом издавали невиданное количество политической, учебной и художественной литературы, газет и журналов, тогда как печатные книги их предков, ойратов, весьма немногочисленны. В последней, нынешней орфографии на основе русской графики употребляется седиль у некоторых согласных букв (*ҫ, жҫ, ңҫ*) и добавлено четыре новые буквы (*ө, Ү, ә, һ*). Главная особенность этой орфографии та, что в письме преобладают согласные, так как краткие (редуцированные) гласные непервых слогов не пишутся. Поэтому у калмыков можно встретить такие слова, как *хурдлхд* «на скором ходу» (совр. монг. *хурдлахад,* бур. *хурдалхада);* правда, о непищущихся кратких гласных в Элисте спорят еще до сих пор. Возможно, что в этом отношении калмыки вернутся к орфографии, где твердый знак обозначал неясные гласные[290].

В Бурятии старое, уйгурское письмо и «неоклассический» язык стали орудием культурной революции. Была создана новая, современная литература, которая стала доступна одновременно и монголам МНР в силу общего письменного (но не обязательно единого литературного) языка, возрождающегося в это время в Бурят-Монгольской АССР, в МНР и во Внутренней Монголии; в первых двух действовали Ученые комитеты[291], в третьей — монгольские книжные издательства[292]. В 30-е годы было принято решение о латинизации бурятской и монгольской письменности. В новой латинской орфографии отражалось стремление к созданию единого литературного языка для обоих народов. К началу 40-х годов родились самостоятельные литературные языки в русской графике, отдельно для бурят (на основе

хоринского наречия) и монголов (на основе халхаского диалекта). В современном монгольском алфавите только две новые буквы, чуждые русскому (*ө* и *Ү;* но и значение многих общих неизбежно сильно отличается от русского). В бурятской кириллице существует и третья чужая буква, *һ* (значение которой не совпадает с калмыцким). Кстати говоря, кириллица не первый раз была приспособлена к бурятскому: она, хотя и ограниченно, употреблялась в Прибайкалье[293]. О латинице Б. Барадийна 1910 г. уже упоминалось.

Несколько иначе сложилась судьба письменного языка монголоязычных народов в пределах Китая. Ойраты Восточного Туркестана (как и их соплеменники в западных провинциях МНР до 30-х годов) до последнего времени пользовались буквами «ясного письма», и в 50-е годы у них печатались газеты и брошюры вновь отлитыми ойратскими литерами. Для устранения остатков аллографии были введены новые буквы из алфавита галик.

Почти одновременно с опытами новой орфографии на основе латиницы и кириллицы у калмыков и бурят появилась скромная литографическая книжка на дагурском языке в латинском шрифте[294]. Дагурскую латиницу составил Мэрсэ, известный тогда дагурский деятель Маньчжурии. Для записи своего родного языка, одного из любопытнейших архаичных диалектов, Мэрсэ довольно свободно пользовался буквами латинского алфавита: например, буква *x* обозначает у него заднеязычный носовой.

После освобождения Внутренней Монголии от японской оккупации (1945 г.) возродилась южномонгольская издательская деятельность. Монгольские типографии в Мукдене, Пекине, Калгане, Хухе-Хото и других городах печатали десятки газет и журналов[295], среди них и научные[296]. Вероятно, впервые в истории южномонгольской письменности вышел печатный сборник народных песен[297]. Широко распространилась здесь и новая литература монголов и бурят; были переизданы многие произведения, появившиеся в Улан-Удэ и Улан-Баторе. Впервые вышла целая серия романов Инджаннаши, восточнотумутского писателя XIX в., снова издали «Джангариаду» и «Гесериаду». Произведения традиционной и новой литературы печатались в уйгуро-монгольской графике, на «неоклассическом», т. е. сближенном с живой речью монгольском письменном языке. Одновременно готовились к письменной реформе на основе кириллицы. Существовало два мнения: по одному, должны были принять халха-монгольский литературный язык в том виде как он употреблялся в МНР, по другому — должны были создать самостоятельный внутреннемонгольский литературный язык на основе
 центральных и восточных диалектов. Однако в 1959 г. опыт

введения графики на основе кириллицы во Внутренней Монголии был прекращен, и по новому решению уйгурскому алфавиту и «неоклассическому» языку суждено дожидаться будущей латинизации. В то же время устранили буквы кириллицы и из экспериментального китайского латинского алфавита, перестали издавать дагурские брошюры в русском шрифте[298]. Остальные монгольские языки Китая (монгвор, баоань, дунсян, или санта, шара-ёгур и юньнаньский) так и не получили собственной письменности.

Грамотные афганские моголы пользуются арабским письмом, но записи на их родном языке являются редкими и случайными.

Итак, существует пять новых литературных языков у монголоязычных народов: калмыцкий, бурятский и монгольский в кириллице, внутреннемонгольский в уйгуро-монгольском письме и обновленный ойратский литературный язык в письме Зая-пандиты. Среди них центральное место — лингвистически и географически — занимает (халха-)монгольский. Эти новые, еще не очень отдаленные друг от друга литературные языки связаны общим происхождением, общим устным и письменным литературным наследием. Произведения новых литератур взаимно переводятся, порой, вернее, транскрибируются, например с бурятского на монгольский язык. Под высоким небом Монголии, у берегов глубокого Байкала и в обширных калмыцких степях — везде есть теперь свой литературный язык.

МОНГОЛЬСКАЯ КНИГА

«Книга» — это старинное славянское слово, которое теперь, как его иноязычные братья, горит неоновым светом на вечерних улицах больших городов. Это слово имеет определенное значение, вернее, его имеет — как книга имеет свое название — определенное понятие, без которого нам трудно представить современную жизнь. Это важное по содержанию понятие воплощается прежде всего во внешней форме предмета, который оно отражает. Итак, книга для нас обозначает обычно бумажные листы одинакового размера и прямоугольного формата, сброшюрованные в одном переплете, и с каким-нибудь текстом на них.

Для монголоязычных народов наших дней понятие «книга» ничем не отличается от вышесказанного, однако если говорить об их книгах далекого и близкого прошлого, то нужно более общее, более широкое определение, которое охватывает и рукописные листы подобной судьбы и которое не ограничивает возможности разных форм. По такому понятию книга — это соединенные в одно целое рукописные или печатные листы. Целое здесь значит единую форму и количество, определенные данным содержанием, писанием, которое, кстати, также называется книгой [1].

В большинстве новых и старых монгольских языков слово *ном* употребляется в значении «книга». Это слово стало монгольским после длительных странствий от берегов Средиземного моря до песчаных «океанов» Центральной Азии и восходит оно к тому же самому греческому корню, обозначающему «закон», что и русский *-ном* в словах «астроном» и «гастроном». В калмыцком языке не менее древнее и также общемонгольское слово *дегтр* (совр. монг. *дэвтэр* «тетрадь») [2] стало главным языковым знаком книги. Существует целый ряд других слов в подобном же значении, но их употребление более или менее ограничено той или иной группой книг в зависимости от внешней формы или содержания.

Книга и ее предшественники

Уже в первое столетие существования своей, тогда новой, уйгурской письменности монголы имели дело с книгопечатанием (гораздо раньше, чем европейские народы), но рукописная книга не теряла значения в течение многих веков. Она была вытеснена только в первой четверти нашего столетия подвижным

печатным шрифтом, книгами европейского типа. В монгольскую старину печатным изданиям не только предшествовал, но и более точно, чем на Западе, определял внешнюю форму рукописный подлинник.

Рукописными были, естественно, и все предшествовавшие книге и сосуществовавшие с ней формы письменного слова: надписи, грамоты, письма и одностраничные сочинения. Древнейший известный памятник монгольского письма, лаконичная надпись «Чингизова камня» была написана, вероятно, сразу на камне и высечена по рукописным линиям. Эта надпись дает и первый известный пример выражения почета при помощи разного уровня начала строк: выше всех начинается строка с именем Чингиз-хана, ниже начинается строка с именем его племянника, о подвиге которого говорится в надписи, и еще ниже — все остальные «заурядные» строки. Этот способ повторяется во многих памятниках монгольской письменности. Большинство сохранившихся каменописных памятников является увековечиванием слов, написанных на менее прочном материале; лишь небольшие, случайные надписи нашли письменную форму сразу на камне. Большие надписи (и, конечно, не только те, которые являются копиями грамот) имели свой рукописный подлинник; их монгольский текст является обычно переводом с китайского или тибетского (с китайского точно по смыслу, но вольно по форме и вовсе не дословно). Здесь надо было найти соразмерность текста и данной поверхности, нарисовать заголовок («лобовую грамоту»), узорную рамку (бордюр), отметить начало строк и т. д.; возможно, что рукописный подлинник некоторых надписей готовился в размере камня. Каменописные слова упоминают порой о составителе, переводчике текста надписи, о каллиграфе и — реже — о резчике. Так, в надписи 1362 г. (памяти сининского князя Хинду) указаны автор и каллиграфы китайского текста, а также монгольский переводчик Эсенбука, который «переводил по-монгольски и написал по-уйгурски» (т. е. уйгурскими буквами) [3]; на стеле 1601 г. у Цаган-байшин читаем: «начал Мерген-убаши, написали и изваяли Алдаршигсан-чиндамани-убаши из рода Горлос и камнерез Мерген из рода Китад» [4], а в малой надписи Цокту-тайджи говорится, что ее «написали на скале, подобной нефриту-драгоценности, паж Дайчинг и богатырь Гуйенг» [5].

Большие надписи обычно точно датированы. В юаньских надписях время сооружения дается в двух системах: год определен по восточноазиатскому зодиаку и девизом эры правления, как в надписи 1362 г.: «21-й год Чжичжэн, год тигра, 12-й день 10-й луны» [6]. Нет даты на средневековых «удостоверениях»-пайцзах, но датой может служить имя правителя, упомянутое на некоторых из них. Монголоязычная круглая деревянная пайцза

маньчжурского императора Тайцзуна служила и футляром маленькой бумажной грамоты с точной датой и печатью[7].

По содержанию надписи бывают официальные и частные, светские и буддийские. Среди официальных памятников встречаются надмогильные надписи — такой является китайско-монгольская эпитафия 1335 г., памяти верного слуги и чиновника Чжан Ин-жуя; копии жалованных грамот, как, например, многие надписи квадратным письмом юаньского периода; исторические надписи, например надпись 1640 г. о подчинении Кореи маньчжурами[8], надпись 1755 г. (Жэхэ, Пунинсы) о победе маньчжур над илийскими ойратами[9] или надпись 1771 г. о возвращении ойратов из России[10]; надписи об основании монастырей, храмов или об их восстановлении, например каракорумская надпись 1346 г., ныне потерянная[11], или тырская надпись 1413 г.[12], а также многие надписи маньчжурского периода, буддийские например; от среднемонгольского периода сохранилась известная надпись квадратным письмом, сооруженная по случаю построения субургана у ворот Цзюйюнгуань китайской Великой стены, но своими религиозными стихами она отличается от обычных документов об основании мест культа[13]. Не только религиозной, но и исторической может быть названа надпись 1626 г. у Белого субургана[14]. Исторические сведения содержатся и в буддийской надписи 1601 г., рассказывающей об основании монастыря красношапочников у Белого дворца халхаского князя Цокту-тайджи; ряд четверостиший этой надписи религиозного содержания[15]:

«Как осветитель страданий кромешной тьмы,
сияющее повсюду божественное солнце,
беспрерывно ходящее вокруг четырех суш,
так и я, на благо бесчисленных живых, да буду полезным!»

К светским официальным надписям принадлежат и надписи-«удостоверения» на металлических дощечках (пайцзах), письмена на печатях и надписи знамен. К частным надписям относится, например, монгольский текст стелы Арука, юньнаньского князя (1340 г.), в котором упоминается о страданиях населения во время мятежей монгольских князей и об отдаче личных денег Арука на хранение и прирост в буддийский монастырь с назначением процентов на чтение китайского канона[16]. Здесь должны быть упомянуты и записка трех паломников из города Сучжоу, сделанная на стене одного из дуньхуанских гротов (1323 г.), и ойратская надпись на скале Тамгалы-тас у реки Или[17], и особенно самая большая из наскальных надписей халхаского Цокту-тайджи, хозяина Белого дворца, в которой читаются такие стихи:

«Хотя далеки друг от друга Халха и земля Онгнигутов,
земля моей горячо любимой тетки на Ононе-реке и
моя, пребывающего больным, на Орхоне и Толе,
но един круг нашей взаимной тоски и любви»[18].

Здесь ясное указание о генезисе надписи: «Так сказанное со слезами (князем) запомнил находившийся вместе с ним паж Эрхе и записал в книгу; а впоследствии, через четыре года... паж Дайчинг и богатырь Гуйенг написали это на скале».

Об орнаментальных надписях в связи с «письменными узорами» уже упоминалось: они украшают деревянные карнизы и столбы зданий тибетского и китайского стиля, висят над входом, появляются порой и на предметах повседневного пользования, как, например, выполненные серебром благопожелания на «ящике» висячего железного замка. Встречаются иногда и тканые письмена — узоры на шелковых платках хадак — почетных дарах.

Из Тибета пришел обычай украшать гальки магическими формулами и «писать» такие же формулы или благопожелания белыми гальками на голых, летом зеленых, весной и осенью желтых склонах высот[19].

Надписи эти чаще всего высечены (редко их знаки рельефные), а мелкие, случайные надписи сделаны обычно краской или тушью, порой процарапаны.

Грамоты и письма (иначе говоря, официальные бумаги, ведь частные письма сохранились только из поздних веков, не раньше конца XVIII в.)[20] были дипломатического, административного, юридического или экономического содержания. Самое раннее из известных дипломатических писем-монологов — послание Гуюк-хана римскому папе (1246 г.) — сохранилось лишь в переводе на «сарачинский», т. е. персидский, язык. Два письма — о совместном походе на Ближний Восток и об обновлении дружбы — французскому королю Филиппу Красивому (1289 и 1305 гг.) и два — о покоренных «киристанах», их вере и (второе) о совместном походе — римским папам (1290 и 1302 гг.)[21] — свидетельствуют об интенсивных и дальних внешних связях монгольских правителей Ирана. Вероятно, в первом столетии китайской минской династии монгольский язык служил для дипломатических сношений Китая и некоторых западных стран, что можно предположить на основе китайско-монгольского письма минского двора правителю иранской провинции Луристан (о посланных «верноподданному вассалу» подарках, 1453 г.)[22].

В конце XVI в. уже китайцы составили письмо от имени тумутского Алтан-хана минскому двору,— видимо, потому, что монгольский слог привезенного послами письма не соответство-

вал придворному вкусу. Итак, мнимый знаток монгольского языка китаец сочинил, вероятно уже в Пекине, письмо на китайском языке, потом «перевел» дословно так, что без знания китайского языка для монгола там мало что понятно, зато письмо написано каллиграфически и украшено изящными рисунками, в которых бойкая китайская кисть изобразила путь посольства «владыки северных невольников» (1580 г.). Однако надлежит сказать, что это псевдомонгольское письмо благодаря китайскому вкусу относится, скорее, к числу челобитных. Из XVII в. сохранились монголоязычные памятники русско-монгольских и русско-ойратских дипломатических сношений, в частности письмо Очирой Тушету-хана русскому царю (1674 г.), письмо Дайчин-тайши к нему же (1661 г.), письма Галдана к «великому Белому хану» (т. е. к царю, 1691 г.) и др.[23]. С начала XVIII в. появился новый жанр дипломатических писем: послания по пограничным делам, и, как уже упоминалось выше, в русско-маньчжурских дипломатических делах, в том числе и пограничных, монгольский язык не утратил своего значения и в XIX в.[24].

Среди ранних административных документов придется снова упомянуть о заключительной формуле эдикта 1241 г. вдовы-императрицы Торегене. Эта монгольская формула была высечена вместе с китайским текстом на камне. Она является «окаменелой» грамотой, как и многие другие надписи, особенно те, которые написаны в квадратном письме. В 1267 г. выдана подорожная охранная грамота Абага-хана послам римского папы; сохранились еще четыре подорожные грамоты чагатаидской канцелярии XIV в. В Восточном Туркестане найдены грамоты того же времени: о назначении чиновника по водному делу (управлению оросительными каналами), о репатриации населения трех острогов и о льготах (освобождении монастыря от налогов и т. д.)[25]. В Иране и Турции хранятся такие документы, как дарственная грамота Нур ад-Дина на монгольском и арабском языках (1272—1273) или грамота ильхана Абу Саида (1320 г.)[26] о крепостных. В сухом, песчаном Синьцзяне было обнаружено два юридических памятника. Один из них (написан у оз. Иссык-Куль) хранится в Берлинской турфанской коллекции; он содержит судебное определение о краже[27]. Другой (из коллекции Кроткова в Ленинграде, ИВАН) — решение о спорной земельной собственности одного монастыря[28]. Мало что сохранилось из средневековых монголоязычных хозяйственных документов: пока известны лишь два — расписка о займе (из Хара-Хото)[29] и записка о распределении овец (из Восточного Туркестана)[30]. Но и административные грамоты нередко касаются экономических дел. От минского периода сохранился ряд монгольских грамот в китайской транскрипции. Эти копии не дошедших до нас монгольских подлинников (и точных переводов

с китайского) употреблялись в качестве учебных материалов и образцов в Палате устного перевода в Пекине [31]. Существует и сборник монгольских челобитных, переведенных с китайского чиновниками Палаты письменного перевода, но этими памятниками, сочиненными на жалком псевдомонгольском языке, приходится заниматься только потому, что подлинных текстов, которым они старались подражать и из которых черпали слова и выражения, не сохранилось [32]. Начиная с XVIII в. в результате введения в Монголии маньчжуро-китайского уголовного, гражданского и военного делопроизводства размножилось число самых разных официальных бумаг (указы, решения, объявления, предписания, запреты, перечни, налоговые ведомости, реестры, судебные протоколы, челобитные и т. д.) [33]. Вероятно, без оговорки можно сказать, что эти документы, изучение и издание которых только начато, представляют собой равноценные летописям памятники монгольской истории двух прошлых веков и могут дать важные сведения о повседневной жизни монголов и, естественно, о развитии их языка.

Среди «одностраничных сочинений», какими являются в большинстве случаев письма и грамоты, известны генеалогические, астрономические и космогонистические таблицы, географические карты и «листовки». Родословное дерево состоит обычно из овальных лепестков, связанных более или менее прямыми штрихами между собой и расположенных вокруг центрального овала или круга, обозначающего предка. В каждом овале — имя, порой вместе с каким-то кратким сведением о данном члене рода. В более абстрактной форме «дерево» образует концентрические круги поколений [34]. Астрономические, или астрологические, таблицы указывают последовательность годов двенадцатичленного цикла, их признаки, род и цвет, соотношения созвездий и т. д., но обычно они содержат мало текста и чаще всего представляют собой не самостоятельное «сочинение», а приложение к астрономическому, или, скорее, гадательному, справочнику [35]. Хранящаяся в Ленинграде одностраничная южномонгольская космогония [36] изображает мир по ламаистским традициям, но в китайском стиле. Вместе с рисунками там имеется большой разъяснительный текст. Географические карты монголов нередко бывают очень живописными, рисующими своеобразный пейзаж, но известны и весьма упрощенные, состоящие из одной сети линий, символизирующих дороги, на которой нанесены точки или квадратики — знаки городов. Кроме названий мест, рек и гор, храмов и обо и т. п. эти карты содержат порой и другие сведения (например, о правителях волостей — хошунов) [37]. О бурятских одностраничных «газетах», рукописных листовках последней четверти прошлого века, писал в свое время А. М. Позднеев [38]. Готовились и религиозные «листовки»; из-

вестно, например, ксилографическое изображение знаменитого непальского субургана, листовка — работа бурятских печатников Кижинги[39].

По внешней форме эти письма, грамоты, листовки и т. д. довольно разнообразны: среди них встречаются свитки (например, письмо 1305 г., свиток размером 3 × 0,5 *м*, склеен из листов корейской бумаги, строки на нем идут перпендикулярно длинной стороне параллелограмма; на длинном свитке из китайской бумаги и шелка написана и китайско-псевдомонгольская грамота от имени Алтан-хана, 1580 г.)[40]; встречается лист, сложенный вчетверо или еще сложнее, и лист «гармоникой». Если бумага была не слишком длинная, то строки иногда писались по длине. Монгольские пограничные письма в русские ведомства посылались в сложенном виде, в конверте, на котором стоят дата, имена адресата и отправителя и оттиски печати[41]. Найденная недавно в Северо-Западной Монголии тибето-ойратская грамота далай-ламы написана на желтом шелке; ойратские слова помещаются между горизонтальными тибетскими строками, идущими по ширине шелкового «листа». В этих «архитектурных» решениях еще немало общего с внешним обликом рукописных и печатных книг, но, прежде чем перейти к рассмотрению разнообразных форм книг, познакомимся с техникой рукописи и книгопечатания.

Рукопись

Монгольские писцы и литераторы пользовались пером и кистью, и эти орудия письма были в употреблении почти до наших дней. Перо, вернее калям, делалось из тростника, бамбука, дерева или кости[42] в форме палочки, конец которой походил на долото. Длина лезвия определяла максимальную толщину вертикальных штрихов, его ширина — возможную тонкость. Главным признаком почерка калямом являются острые контуры и известная угловатость окончаний. Именно калям определил и каллиграфический почерк XVII в. с контрастом тонких и жирных штрихов. Кисть была китайская[43], с бамбуковым стержнем и таким же колпачком, пищущая часть ее — из шерсти различных животных. По всей вероятности, монголы сами не делали кистей и пользовались товарами китайских кистевязов. «Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово»,— читаем у Вильгельма де Рубрука[44]. Для почерка кистью характерны гибкие линии, менее острые контуры и местами «волосистые» окончания (там, где кисть уже немного высохла или шерсть под давлением растрепалась). С конца XVIII в. у ойратов-калмыков и бурят появилось европейское перо[45]. Его
 следы обычно легко отличить от штрихов каляма или кисти:

контуры здесь четкие, но линии могут постепенно расширяться и местами, где два острия пера слишком расходились, середина линии оставалась без чернил. Европейское перо держали, вероятно, так, как теперь авторучку или карандаш — большим и указательным пальцами, а средний палец служил опорой. Не исключено, что таким пером пользовались и раньше на территории Золотой Орды, где обнаружено и бронзовое перо с разрезом [46]. Калям можно держать по-разному. Например, на одной тибетской гравюре, о которой я еще упомяну, литератор держит палочку-калям, легко захватив сверху (верхний конец стержня выходит из-под кисти руки). Китайская кисть употребляется в перпендикулярном положении и держится тремя пальцами: большим, указательным и средним, без опоры [47].

В старину писали обычно тушью, но так как китайская тушь была нередко предметом роскоши [48], степные писцы сами готовили черную тушь из сажи или, как Паллас сообщает о калмыках, из коричневого вещества, добытого между мускулами лошади [49]. Красная краска, тушь или киноварь, также была в употреблении, но иногда целые книги, главным образом религиозные, писались «драгоценными чернилами» — золотом, серебром, мукой коралла, бирюзы и т. д.[50]. В одном ксилографе читается следующее напоминание: «Если пишешь эту книгу золотом, твоя (добродетель) умножится в сто тысяч раз» [51]. Сохранившиеся старейшие монгольские образцы употребления золотых и серебряных чернил восходят к XVII в.[52]. С конца XVIII в. калмыки и буряты пользовались и русскими ореховыми чернилами коричневого цвета.

Так как бумага являлась довольно редким и дорогим товаром в степи, небольшие молитвенные формулы писали и на деревянных табличках, а маленькие книги — на бересте. Например, известны написанные на бересте золотоордынские светские стихи XIV в., хранящиеся в Эрмитаже, или буддийские фрагменты XVII в. — в ЛОИВАН [53], о «старых писаниях на бересте» упоминает и Паллас [54]; недавно обнаружены ойратские тексты на бересте в Узбекистане, они относятся, вероятно, к XVIII в. (В 1970 г. отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, руководимый известным монгольским археологом Х. Перле, обнаружил в развалинах субургана архив, насчитывающий приблизительно 200 берестяных грамот XVII в.— *Ред.)*

Для временных записей, по словам Палласа [55], в школах употребляли деревянную доску. Ее изготовление Паллас описывает следующим образом: две отшлифованные тонкие доски пихты скрепляли одна с другой кожаным ремнем в форме книги (видимо, Паллас имел в виду европейскую форму); внутреннюю поверхность намазывали салом и сажей, наконец, этот

черный слой засыпали мелкой золой аргала, и на бело-сером фоне верхнего слоя следы пишущей палочки оказывались черными, как будто на бумаге. Таким же — по происхождению тибетским[56] — орудием пользовались писцы, когда составляли черновик или записывали устный перевод, о чем говорят некоторые послесловия Зая-пандиты, который переводил тибетское сочинение на монгольский язык устно; его слова записывал на доске один из учеников или приближенных, Цулримджамцо или Омбо, и, очевидно, после проверки части перевода, помещающейся на доске, другой писец, каллиграф, переписывал его на бумагу[57]. На упомянутой выше тибетской гравюре изображена и доска, на которой пишет палочкой ученый первосвященник, возле него видны толстые тома книг. У доски здесь закругленные контуры[58].

В погребении золотоордынского писца нашли при раскопках вместе с костяным пером и бронзовую чернильницу. Там же лежали рукописи на бересте, часть которых выставлена в Эрмитаже вместе с вышеупомянутым бронзовым пером и синей фаянсовой круглой чернильницей,— очевидно, произведениями мусульманских ремесленников. Писцы, пишущие кистью, имели китайскую «чернильницу» — каменную дощечку для растирания туши с углублением для воды. Вместо этой «чернильницы» пользовались и большой кистью для сохранения жидкой краски, чернил[59].

Печатных книг всегда не хватало, и они были недешевы, печатные дворы располагались далеко, а переписывание ламаистских священных книг считалось важной добродетелью, поэтому немало работы было у странствующих в степи грамотных монахов и живущих в монастырях или работающих в канцеляриях писцов. Их было сравнительно много в XVII—XVIII вв., в эпоху новых переводов, переделок старых книг и появления самостоятельных сочинений. В житии ойратского просветителя Зая-пандиты читаем о том, как однажды одновременно трудились девять писцов (прозвище одного из них было Хурдун-бичечи, т. е. «Быстрый писарь», и мы, очевидно, не ошибемся, толкуя его вроде «стенографиста»)[60]. Для таких больших предприятий, как переписывание канона или подготовка его текста к печатному изданию, созывали многих умелых писцов разных монастырей и канцелярий. Если при переписывании размеры листов списка и подлинника совпадали, то дело писца было несложное, ему приходилось просто подражать оригиналу; но такие случаи были редкими, а различие формата требовало большего внимания от переписчика. Так как внимание распределяется неодинаково (оно часто ослабевает у перехода от одной строки или страницы к другой), переписчик, подобно наборщику наших дней или ученому, издающему тексты, оши-

бается чаще всего в двух направлениях: опуская слова или, наоборот, добавляя. Первое встречается обычно там, где повторяется часть подлинника, и усталый переписчик опускает один из повторов, но и вторая ошибка нередко связана с повторами подлинника, например, когда две соседние или недалекие одна от другой строки начинаются тем же словом, и переписчик повторяет первую строку вместо второй. Опущение, добавление и повтор встречаются и внутри одного слова (например, *dulduďču* вместо *dulduyidču* «опираясь»; опущение «косы» букв *M* и *L* или лишний «зубец» в слове, скажем, *anaγan* «излечивая», которое содержит подряд семь «зубцов»).

Наблюдается и смешение сходных начертаний (например, *R* вместо *Y* в конце слова, длинный «зубец» вместо обыкновенного; эта ошибка имеет место и в случае похожих по начертанию слов, например, *jokiyaǰu* «составляя» вместо *ugiyaǰu* «мóя», где разница всего в начальном знаке: *YOKYYAǰO* и *AOKYYAǰO*). Опущение происходит порой под влиянием живого произношения (например, *γar-tan* вместо *γar-taγan* «в своей руке»; см. совр. монг. диалект. *гартаан*). Легко опускаются и безударные частицы. Исследователям письменных памятников хорошо известно и явление «исправления» непонятных, устаревших слов, таким является искаженная форма *Торган-шира* («шелк желтый»; в летописях XVII в.) от имени *Соркан-шира* (в «Сокровенном сказании»). Бывают и описки чисто технические, такие, как заполнение тушью петлеобразных графических элементов, пятна и т. п.

Замеченные описки исправлялись либо в ходе переписывания, либо редактором при сличении и проверке готового текста. В соответствии с двумя главными группами графических описок существовали два способа исправления: вставка и выпуск. И технические описки исправлялись как излишние знаки, т. е. вычеркивались или выскабливались, а если бумага была слишком тонкая, то кусок с неправильным словом вырезали и снизу наклеивали чистый или проще, наклеенным сверху чистым куском закрывали неправильно написанную часть. Однако чаще всего ошибку исправляли графическим путем, т. е. с помощью корректурных знаков. Вставки писались мелким почерком обычно между строк и налево от строки, содержащей опущение, а место опущения было отмечено крестиком (то в форме ×, то в форме +) направо от данного промежутка слова. Опущенные в одном слове знаки, а в некоторых рукописях и более длинные опущения были отмечены рядом точек, ведущих к соответствующей междустрочной вставке. Большие опущения исправлялись на полях листа или на отдельном листе. Знаком вставки служит порой и буддийская свастика или упрощенный рисунок — «идео-

грамма» в форме глаза (в значении «смотри»). Для отметки выпуска служил также крестик, нарисованный налево рядом с неправильным словом, или два крестика по обеим сторонам вычеркиваемого слова. В ойратских рукописях вместо крестика встречается параллельный данному слову ряд точек, иногда с обеих сторон. Лишние слова были очерчены кружком или точками, в рукописях, исполненных кистью, отмечены — по китайскому обычаю — одним или двумя поперечными следами кисти (красной или черной краской) над словом. Искаженную букву повторяли отдельно, на левой стороне; если тушь заполняла «петлю», рисовали там же кружок[61] и т. д. Часть этих знаков встречается и в тибетских рукописях (например, крестообразные и ряд точек), и в древнеуйгурских письменных памятниках (крестик).

В одной ленинградской рукописи[62] «Нового путеводителя» по священной горе Утайшань можно увидеть целый ряд разных исправлений. Эта рукопись XVIII в. служила корректурным экземпляром для нового ксилографического издания. В рукописи заменены устаревшие орфографические формы, вместо *ǰüg-dür* пишется *ǰüg-tür* (буква *D* зачеркнута и над ней написана *T*). В транскрипции китайского слова стоит *hê* вместо *qê* — эта форма очерчена кружком и отмечена крестиком, таким же образом заменено слово *aq-a* «старший брат» словом *nökör* «товарищ, приятель». Слово *γaǰar* «земля, место» заклеено полосой бумаги оранжевого цвета, на которой написано *oron* «страна, место». Очерчено слово *uqaγaγsan,* где три «зубца» *γa* оказались лишними, как это видно из курсивом написанного исправления *uqaγsan* «узнавший»; место опущенного слова *nigen* отмечено крестиком (см. табл. 11—12).

Печатание

Печатание у монголов — китайского происхождения, однако, по всей вероятности, у истоков монгольского книгопечатания стояли уйгурские, а возможно, и тибетские литераторы, сочинения которых раньше начали размножаться печатными досками. Способ печатания, в сущности, был тот же самый, которым пользовались в первой половине XV в. в Европе — ксилография. Монголы познакомились с китайской ксилографией[63] во второй половине XIII в., на пятом столетии существования этого изобретения, и пользовались им без существенных изменений до начала настоящего века. Много раз подробно, но в отношении Монголии до сих пор недостаточно описанная ксилографическая техника вкратце состоит в следующем[64]: каллиграф переписывает печатаемый текст на тонкой прозрачной бумаге, кото-

рую наклеивает на отшлифованную доску из древесины твердой породы лицевой стороной так, что на поверхности знаки видны с обратной стороны; потом резчик по контурам выдалбливает, углубляет промежутки знаков. Рельефную поверхность изготовленной таким образом ксилографической доски печатник промазывает краской (для этой работы он употребляет грубый помазок или щетку, шерсть которых остается порой на доске и приклеивается к бумаге), накладывает мягкую бумагу на промазанную поверхность доски и другой, мягкой щеткой оттискивает бумагу, на которой остается позитивный отпечаток рельефа доски.

Рукописный подлинник на прозрачной бумаге определял размер доски, исключал случаи опущения или излишнего добавления в тексте, т. е. если сама рукопись была безупречна, то возможные опечатки были исключительно технические, как результат неточности работы резчика. Бóльшие возможности отклонения в том случае, когда резчик работает свободно по рукописному образцу[65]. Профессиональные резчики пользовались различными долотами для гравирования разных знаков — «зубцов», «петель» и т. д.[66]. Были и случайные резчики, скотоводы, которые в свой досуг гравировали доски праведных текстов, полученных из монастырей: таким образом они «приобретали добродетель» по ламаистскому учению. Для досок использовалось грушевое, яблоневое или другое дерево твердой породы[67], а в северных степных «печатных дворах», видимо, и береза. В Китае доска «смазывалась особым составом вроде клейстера, приготовляемым обычно из вареного риса»; этот состав размягчал доску, а кроме того, способствовал отпечатыванию знаков рукописного бумажного подлинника на ее поверхности[68]. Есть сведения и о том, что доску вываривали в масле[69].

В Монгольском фонде ЛОИВАН (под шифром Q89) хранится недавно обнаруженная небольшая ойратская ксилографическая доска (26,5 × 5,3 *см*) с рельефным текстом на обеих сторонах (рамка текста 21 × 5 *см*); доска, вероятно, из березы, тонкой работы, видимо XIX в. Стороны промежутков строк неровные, глубина вырезанного промежутка около 3 *мм*, в середине промежутка остался низкий хребет. Строки идут поперек волокон древесины. На двух сторонах доски находится текст двух страниц второго листа ламаистского литургического текста. Печатное издание этого текста пока не обнаружено, воспроизведенные здесь (см. табл. 10) оттиски сделаны мною в ЛОИВАН[70]. Число ныне известных ойратских (калмыцких) ксилографов не превышает десяти, а настоящая доска является пока единственным в своем роде регистрированным образцом.

«Если доски уже награвированы, бумага нарезана и краска готова, то один человек со своей щеткой без устали может от-

тискивать почти десять тысяч листов в один день»,— пишет Дю Альд о китайском печатнике[71]. В описании своего путешествия в Тибет бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков упоминает о тибетском книгопечатании и дает снимок двух лам-печатников за работой. Их «цех» помещается под открытым небом, возле войлочной юрты. Печатники работают на сундуке, у ног их — кадка для краски, в которой видна рукоятка щетки или кисти (три-четыре листа можно напечатать без новой порции краски — извещает нас вышеупомянутый ученый-иезуит Дю Альд). Насколько можно судить по фотографии, печатники оттискивают тибетский текст, но, по всей вероятности, в Бурятии, так как на фото хорошо виден бревенчатый дом с наличниками[72].

Черную краску готовили из сажи, которую процеживали и варили в алкоголе до тех пор, пока она не достигала густоты клейстера. Кроме черной краски употребляли красную, синюю и оранжевую.

В ксилографах второй половины XVII — начала XVIII в. встречается многокрасочная печать, из чего явствует, что такие листы печатались с трех разных досок. Но обычно каждый лист имел одну доску. Стертые доски снова отшлифовывали и награвировывали на них новый текст, иногда реставрировали стертый рельеф углублением вырезанных мест и исправлением контуров.

Несмотря на все корректуры, ксилографы содержат немало ошибок. Часть опечаток восходит к рукописному образцу, но есть ошибки, которые возникли в результате невнимательной работы самого резчика. Если резчиком был китаец, незнакомый с монгольской графикой, он легко ошибался и путал часто повторяющиеся и слишком простые, однообразные для него знаки, опускал один из многих «зубцов» или добавлял лишний. Опечатки не отличаются существенно от описок рукописей. Неправильно награвированные слова резчик вырезал и вместо них вставлял такой же кусок древесины с правильным начертанием. Если опечатка была замечена уже после того, как книга была напечатана, ее владельцы сами исправляли опечатку от руки, но иногда еще в печатном дворе печатали правильные формы на полосах бумаги, которые потом наклеивались на неверные места. Если опечаток было слишком много, то текст заново гравировали на новой доске. Нередко встречаются опечатки в заголовках[73]. Известны ксилографы, в которых междустрочные вставки-исправления были награвированы в такой же форме, как они были сделаны в рукописях[74].

Вместо деревянных досок изредка пользовались и медными плитами, такими, которые хранятся теперь в Уланбаторской государственной публичной библиотеке и являются прекрасными образцами монгольской чеканки начала XX в.

Рисунки, магические формулы, небольшие тексты печатались и на материи.

Литография и другие полиграфические способы появились у монголов лишь в конце прошлого века.

Хотя в монгольской культуре печать и книгопечатание не связаны между собой генетически, как они связаны в Китае,— ведь предки современных монгольских народов заимствовали готовыми оба технических достижения,— однако нет более естественного места для ознакомления с печатями монголов, чем здесь, в связи с печатанием. Скотоводы-кочевники дописьменного периода употребляли знаки собственности, похожие на печати, но, естественно, эти знаки — тамги или тавра — относятся к печатям письменных веков примерно в такой же степени, как и наскальные рисунки к гораздо более поздним каменописным памятникам. И все же в первых веках монгольского книгопечатания тамги, печати и печатные доски обозначались одним и тем же тюркским словом (tamaγa, tamγa)[75].

На предыдущих страницах мы уже не раз говорили о печатях монголов. Вспомним историческое предание о найманской княжеской печати за пазухой у бежавшего уйгурского писца, золотую печать Гуюк-хана работы русского мастера Кузьмы, тюркоязычную легенду на печати Чагатаидов, написанную квадратным письмом по обеим сторонам чагатаидской тамги, и т. д. Юаньские монголы употребляли часто печати с китайской легендой; такие печати, вернее, их оттиски были награвированы на каменных плитах — копиях официальных бумаг. В поздние времена, начиная с периода возрождения, были модны монгольские печати с тибетской надписью квадратным письмом. Такой печатью владел и ойратский князь Галдан-Бошокту[76]. Употребляли также знаки алфавитов ланча, соёмбо[77] и тибетского. Для владельца печати имел большое значение и материал (золото, серебро, яшма, бронза и т. д.), и форма (квадратная, круглая, с рукояткой в форме льва или тигра и т. д.) этого орудия, ибо в иерархии материалов и форм находила свое отражение общественная иерархия. Цвет оттиска (красный, черный, синий и т. д.) мог иметь значение для получателя документа[78]. Сургучом монголы не пользовались, оттиски печатались жирной краской, которую, по крайней мере в последние столетия, хранили в пропитанной ею вате, в коробочке.

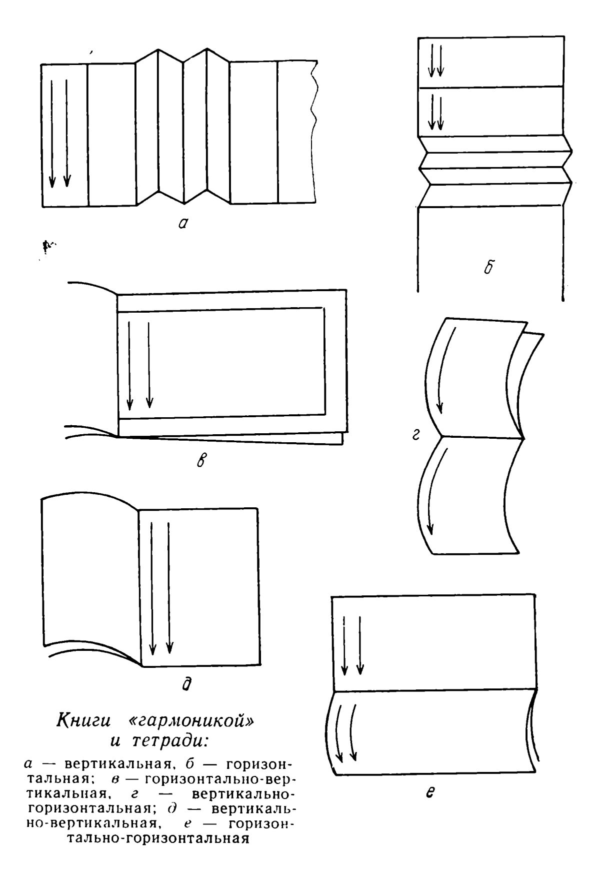
На верхней стороне официальных печатей маньчжурского периода были выгравированы чин владельца и дата изготовления (или дарования) знака власти[79]. По назначению печати были официальные (печать самодержца, печати, дарованные князьям, сановникам и чиновникам, монастырям и первосвященникам в знак власти), удостоверения и частные (знаки собственности); употреблялись они на документах и письмах

точно так, как штемпели в наши дни. Кроме печатей с надписью были и печати — «тамги», на которых место легенды занято каким-то орнаментом. Такие печати, знаки собственности, часто встречаются на листах поздних рукописей, которые я видел, особенно на бурятских (XIX в.). По форме различаются печати в виде параллелограммов (чаще всего квадратных, иногда удлиненных [80], встречается и ромб) [81], круглые (кроме полудюжины квадратных печатей турфанские грамоты XIV в. дают оттиски восьми разных круглых печатей Чагатаидов, одна из них в форме восьмилепесткового цветка; особенно большой выбор оттисков на грамоте ТМ 93 берлинского собрания), овальные и имеющие более сложные контуры (листок, крестообразная ваджра, решетка, узел и т. д.).

В маньчжурский период в тетрадях, содержащих официальные документы, оттиск (обычно красного цвета) печати служил и знаком достоверности текста; он проходил по границе двух соседних листов, и таким образом на каждом листе находилась половина оттиска и добавить, заменить или вырвать лист из тетради было невозможно [82]. В поздние времена в официальных списках появились и штампы, заменившие часто повторяющиеся рукописные заметки вроде «проверено» [83]. У бурят прошлого века были в употреблении печати (перстни с печаткой) европейского типа [84], часто с русской легендой [85].

Формы книги

Среди различных форм монгольских книг самой характерной и распространенной является книга «пальмовые листья». Эта форма восходит к далекому и древнему индийскому образцу, который действительно состоит из длинных полос пальмовых листьев, слегка прикрепленных друг к другу лишь нитью, проходящей через дырочку, например, в середине листа. «Пальмовые листья» распространялись с юга на север, дошли до Тибета и других суровых районов Центральной Азии, где пальм уже нет, но основная форма с некоторыми изменениями повторялась на бумажных листах. Перед монголами были тибетские и уйгурские образцы уже бумажных «пальмовых листьев», которые быстро стали носителями монгольских слов, прежде всего буддийских писаний. В монгольском каноне редко встречается старинное название, указывающее на первоначальную форму и материал написанных листов, однако монголы называли их словом *boti*, которое восходит к хиндустанскому *ботхи*, слову, употребляющемуся ныне в качестве научного термина для данной формы [86]. (Надлежит сказать, что монгольское уже слово *boti* впоследствии приобрело новое значение, и, например, в современном монгольском языке, в форме *боть*, оно обозначает пре-

Книги «гармоникой» и тетради:

а — вертикальная, *б* — горизонтальная; *в* — горизонтально-вертикальная, *г* — вертикально-горизонтальная; *д* — вертикально-вертикальная, *е* — горизонтально-горизонтальная

жде всего тома книг европейского оформления.) Книга «ботхи», или «пальмовые листья», у монголов состоит из отдельных бумажных листов с определенной соразмерностью сторон удлиненного параллелограмма, длинная сторона которого в три-пять раз больше, чем короткая [87]. Строки идут параллельно короткой стороне (лист «горизонтальный»), изредка — параллельно длинной (лист «вертикальный») [88].

Другая характерная форма монгольских книг — книга «гармоникой». Эта форма была заимствована у китайцев уйгурами, потом и монголами. Такая книга состоит из одного длинного листа бумаги, сложенного «гармоникой» таким образом, что его поля имеют формат «пальмовых листьев»: ширина бумаги оста-

ется неизменной и совпадает с длиной «пальмового листа», а бывшая длина разделяется на короткие полосы, образуя ширину «пальмового листа». Чтобы прочесть слова, написанные где-то в средней части свитка, надо развернуть его, а если свиток, как бывает нередко, длиннее 3—4 *м*, то это нелегкое дело. Книгу «гармоникой» можно открыть у любой «страницы», т. е. у любого поля длинного листа, как и книгу в форме «ботхи», «пальмовых листьев», но здесь не надо заботиться о порядке отдельных листов, ведь «листы» и «страницы» помещены на одной длинной полосе бумаги, склеенной, если нужно, из многих частей. Длину «гармоники» можно увеличить в принципе бесконечно. В зависимости от направления строк и здесь выделяются два вида книги: вертикальная (в которой строки идут параллельно длине поля, иначе говоря, ширине бумажной полосы, образующей «гармонику») и горизонтальная (в которой строки идут параллельно длине бумажной полосы, но не пересекая пределы поля, соответствующего в этом отношении странице листа ботхи). Соотношение длины и ширины поля разное: в поздних книгах «гармоникой» оно ближе к формату ботхи (3 : 1) [89], в ксилографах средневековья (XIII—XIV вв., когда, судя по имеющимся фрагментам на монгольском и уйгурском языках, книга «гармоникой» была особенно распространена) поля были шире и ближе к формату страниц тетрадей [90].

Третья основная форма книг на монгольском языке — тетрадь, которая состоит из сшитых листов. Здесь мы имеем дело с «вертикальными» тетрадями (их больше) и «горизонтальными», по расположению строк. Тетради бывают самые разные по обрезу, узкие и широкие, нередко квадратные. Листы тетрадей китайского типа — двойные; такая тетрадь похожа как бы на разрезанную вдоль одной длинной стороны, а потом там же сшитую книгу «гармоникой». Листы сшиты текстильной нитью, конскими волосами, нитью или лентой из бумаги. Чаще всего встречаются «вертикальные» тетради, в которых строки идут параллельно шву, но по соразмерности длины и ширины эти книги бывают разными. Например, первая датированная монгольская печатная книга (1312 г.) была напечатана на «горизонтальных» листах, сшитых вдоль короткой стороны, параллельно которой идут строки. Такую тетрадь можно назвать «горизонтально-вертикальной» [91] в отличие от «вертикально-вертикальной», где строки, шов и длинная сторона листа параллельны [92].

Среди ойратских, бурятских и северохалхаских рукописей XVIII—XIX вв. встречаются и тетради европейского типа, т. е. сложенные вместе пополам бумажные листы, сшитые вдоль линии фальцовки, в середине [93].

 Печатные книги различных форматов имели соответственно

разные доски, однако с досок для «пальмовых листьев» печатались нередко и тетради, в которых одному листу первоначального формата ботхи соответствуют два листа. Дело в том, что две стороны ксилографической доски, которые отпечатывались на двух сторонах (страницах) одного и того же листа ботхи, здесь были отпечатаны на отдельных листах (только с одной стороны), потом эти тонкие листы были сложены пополам, сшиты и сброшюрованы. Таким образом книга, состоящая из 100 листов ботхи, занимает 200 листов китайской тетради, если тетрадь была отпечатана с тех же самых досок. Такие тетради, «горизонтально-вертикальные», т. е. строки идут параллельно шву и ширине тетради, размер которой соответствует половине листа ботхи. Печатали и складывали лист так, что фальцовка совпадала с промежутком строк [94].

С исключением поздних, европейских влияний и сброшюрованной формы «пальмовых листьев», все три основные формы — ботхи, книга «гармоникой» и тетрадь — были известны и употреблялись уже в первых столетиях монгольской письменности. И эти формы свидетельствуют о центральноазиатской встрече культур Среднего и Дальнего Востока.

Оформление книги

Книги писались на бересте, возможно, на коже и других материалах, но главным сырьем для монгольской книги с XIII в. является все-таки бумага. Бумага, разная по сорту, цвету, поверхности, толщине и обрезу, но, вероятно, почти исключительно привозная, чужая. В многоязычных словарях маньчжурского периода перечисляется целая армия разных сортов бумаги. Естественно, не все эти сорта употреблялись для книг; некоторые из них предназначались для официальных документов и конвертов, другие — для покрытия стен или решетчатых окон китайских домов оседлых монголов. Притом наши словари (вместе с местными) не исчерпывают всех названий характерных бумажных сортов, встречающихся в книгах [95].

В XIII—XIV вв. в употреблении была мягкая, серо-белая бумага, которая легко впитывала краску и служила отличным материалом для ксилографии. Это была бумага китайского производства [96], однослойная, у разрыва волокнистая; готовилась она из льняного или хлопчатого волокна. Похожая, прочная, но несколько шероховатая бумага изготовлялась также из конопли. Письма монгольских правителей к римским папам были написаны на бумаге из льняного волокна, и не исключено, что «корейская бумага» ильханских писем изготовлена из того же материала [97].

Бумага из волокна прядильных растений готовилась и на

деревянных досках; параллельные полосы волокна древесины оставляли следы на поверхности бумаги, образуя грубое верже, как это видно на этикетке печатной книги XIV в. Параллельные полосы пересекаются редкими поперечными линиями, и на отдельных сортах китайской бумаги верже имеет форму сетки; на более поздней бумаге сетка эта очень тонкая.

Для листов большого формата употребляли плотную, нередко хрупкую бумагу. Она была обычно склеена из трех и более слоев, а затем глянцована, если предназначалась для писания калямом (пером). Лист пекинских ксилографов формата ботхи обычно слоистый и матовый, средний слой более плотный, верхние бывают тонкие, с сеткой. Такая бумага быстро теряла свой белый или серо-белый цвет и эластичность в степных условиях; она желтела, приобретала коричневый цвет, становилась хрупкой или рыхлой, но сохраняла свое качество, если вовремя попадала в библиотеки. Во второй половине XIX в. в Пекине печатались монгольские книги уже и на шероховатой бумаге зеленовато-желтого цвета и низкого качества [98].

Тетради и книги «гармоникой», по крайней мере с конца XVI в., печатались на тонкой, порой почти прозрачной китайской бумаге белого цвета с тонкой сеткой. Такую бумагу предназначали для рукописей, исполненных кистью, но большинство поздних тетрадей (особенно XIX в.) было написано на грубой, шероховатой бумаге серого цвета [99].

Уже в XVII в., а возможно и раньше, монголы готовили и лакированные листы, предназначавшиеся для письма «драгоценными чернилами». Такой лист был пропитан черной или темно-синей краской, потом рамка текста лакировалась. Густыми золотыми или серебряными чернилами писали выпуклые знаки и на матовом синем фоне. В МНР и Внутренней Монголии еще живы старые ламы-художники, у которых можно записать способ и рецепт изготовления лакированной бумаги [100].

Во второй половине XVII в. начинается распространение европейской, прежде всего русской, бумаги среди калмыков, бурят и халха-монголов. Среди подарков русских посланников, посетивших монгольских князей, упоминается и писчая бумага, которой обычно не хватало вопреки тому, что монголы нередко просили и требовали писчую бумагу и прочие канцелярские товары от китайских властей [101]. С конца XVIII в. все приволжские калмыцкие, в большинстве случаев байкальские бурятские, а также многие халхаские рукописи готовились на русской бумаге разных сортов, разных фабрик. В глухой монгольской степи можно встретить рукописные книги с русскими водяными знаками, штампами далеких фабрик. Особенно характерна толстоватая синяя русская бумага с верже и водяным знаком первой половины прошлого века, на которой написаны многие бу-

рятские и отчасти северохалхаские рукописи [102]. Во второй половине XIX в. употребляли главным образом тонкую, мягкую и белую бумагу без верже и водяных знаков, которые заменили рельефные штампы. На такой бумаге печаталось подавляющее большинство бурятских, в том числе и селенгинских, ксилографов [103].

Бумажные листы для своих книг монголы и сами обрезали, красили (например, желтой краской края), склеивали слои, но не исключено и то, что они местами сами готовили бумажную массу из старых листов. Среди западномонгольских (ойратских) рукописей встречаются листы из белой глянцованной, твердой и слоистой бумаги, на поверхности которой вместо сетки верже виден оттиск грубой ткани, на которой сушили бумажную массу [104]. Такой же оттиск ткани наблюдается на листах одного ойратского ксилографа, вероятно XVIII в.; листы здесь, естественно, без глянца, бумага толстая, но хрупкая и рыхлая, цвет от времени коричневый. Возможно, что западные монголы, ойраты имели дело с бумагой и среднеазиатского (кокандского, бухарского и т. п.) и восточнотуркестанского производства, и, может быть [105], как и южные монголы со времен тумутского Алтан-хана, они употребляли и тибетскую бумагу (она обычно серо-белого цвета, шероховатая, неплотная).

Из-за нехватки бумаги листы для рукописей делали также из оберточной бумаги пачек китайского чая, с синим штампом китайской фирмы. В Монгольском фонде ЛОИВАН хранится несколько таких рукописей коллекций разных времен (например, Фролова, начала прошлого века, или Жамцарано, начала XX в.), и именно общий внешний вид бумаги помогает датировать эти рукописи XVIII в. или по крайней мере не позже начала XIX в. Если найдутся подробные сведения о китайской фирме, которой принадлежал синий штамп, возможно, будет более точная датировка [106]. В одной подобной рукописи лист состоит из четырех слоев, оберточная бумага наклеена на двух листах, вырезанных из печатного календаря (по всей вероятности, XVIII в.; доступные для чтения его отрывки не содержат прямых сведений о времени издания); эти тонкие белые листы составляют сердцевину нового листа [107].

Устаревшие или поврежденные листы по возможности реставрировали. Тетради с двойными листами освобождали от шва, потом внутри каждого листа клали новый, тонкий, но прочный двойной лист, длиннее, чем старый; таким образом верхний и нижний края старого листа были защищены. Реставрированные таким способом листы снова сброшюровывали. Оборванные листы склеивали бумажными лентами; если лист ботхи был из плотной, хрупкой бумаги, то трещины края склеивали матерчатыми кусками [108], бумагой или берестой. Стертые,

поврежденные слова писались снова, куски оборванных листов наклеивались на новом листе.

В рукописных книгах изредка, а в письмах XIX в. часто употребляли тонкую китайскую бумагу самых разных цветов: писали на красных, зеленых, голубых и т. п. листах [109].

О размере и пропорциях листов разного формата упоминалось уже выше, в связи с формами книги. Добавлю здесь лишь, что известная мне наименьшая старомонгольская книга, рукописный гадатель, помещается на 4 листах размером 5,6 × 9 *см* [110], а одна из самых больших — на листах размером 27,7 × 71,7 *см*. Она содержит пекинский ксилограф конца XVII или, скорее, начала XVIII в., одно из многочисленных печатных изданий «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика») [111].

Заурядные листы обыкновенного формата ботхи отличаются от других форм прежде всего тем, что строки на верхней странице листа (*recto*) идут напротив строк нижней страницы (*verso*), т. е. читатель, перед которым лежит поперек книга и который переворачивает ее листы к себе («чтобы мудрость и благо книги были направлены к нему»), видит всегда *verso* предыдущего и *recto* следующего листа с идущими к нему строками на обеих страницах. Строки имеют свою определенную рамку, которая в большинстве случаев обрисована [112], или отмечены лишь ее правый и левый края. Рамка текста параллельная, но не соразмерная с контурами листа, так что правое и левое поля более широкие, чем верхнее и нижнее [113]. Рисунком рамки может быть простой параллелограмм из тонкой или жирной линии черного, реже красного цвета, но часто он обрисован двойной линией, в которой внешний и внутренний контуры отличаются один от другого толщиной и (в рукописях) цветом. Внешняя линия жирнее внутренней (в ксилографах обе одинакового цвета; в рукописях чаще всего внешняя линия черная, внутренняя — красная, иногда промежуток двойной черной линии украшен красной или желтой краской; иногда этот промежуток превращается в более заметную полоску). Реже встречается и рамка из трех параллельных линий. Более сложной, но еще заурядной, обыкновенной формой рамки ботхи является параллелограмм из двойной линии, с «палисадником» на левом или на обоих краях внутри рамки. Этот «палисадник» (например, двойная линия) отделяет узкую полосу рамки для разных информаций (нумерация, краткое заглавие и т. д.). Во многих книгах формата ботхи верхняя и нижняя страницы отличаются друг от друга рисунком рамки: верхняя страница (*recto*) с «палисадником» на левой стороне, нижняя (*verso*) — без него.

Страницы таких листов отличаются и количеством строк — оборотная (нижняя) страница содержит на одну строку боль-

ше[114]. Рамка с двумя «палисадниками» обычно повторяется на обеих сторонах листа[115].

Бывают листы также формата ботхи, которые имеют вместо обрисованной рамки лишь два «палисадника» на левом и правом краях. Эта форма рамки встречается прежде всего в ойратских книгах, в рукописях и некоторых ксилографах, но, кажется, она чаще встречается в тибетских книгах, чем в монгольских[116]. Эти «палисадники» являются, по всей вероятности, остатками линий, обозначающих пределы текста на свитках, потом на книгах «гармоникой». В «вертикальном» варианте этого последнего формата верхний и нижний края текста отмечены простыми или двойными линиями, которые проходят вдоль длины полосы, образующей «гармонику». В юаньских экземплярах верхнее поле шире нижнего, в поздних — оба одинаковые, а линии образуют длинный параллелограмм (как и на листах ботхи), короткие стороны которого находятся на первой и последней страницах «гармоники»[117]. В «горизонтальных» книгах «гармоникой» эти линии иногда оборваны у сгибов, а поля двух краев симметричные.

В тетрадях, так же как и в «вертикальных» книгах «гармоникой», верхнее поле бывает шире нижнего. Рамка рукописного текста обычно не обрисована, в отличие от ксилографических изданий, в которых рамка всегда отмечена. (Возможно, что отмеченная краской рамка во всех случаях восходит к ксилографическому образцу.) В турфанской тетради XIV в., содержащей легенду об Александре Македонском и буддийские стихи, рамка не обрисована[118], тогда как в ксилографической версии «Бодхичарьяватары» 1312 г. каждая страница тетради (листы которой напечатаны на плотной бумаге) имеет одинаковую рамку из двойной линии, похожую на половину рамки обычной формы ботхи, но с тонким, однолинейным «палисадником» вблизи шва тетради. Рамки *recto* и *verso* симметричные, поэтому в открытой книге видна как бы одна целая рамка, помещенная на двух соседних страницах с одним «палисадником» по обе стороны шва[119]. Похожая рамка появляется и в поздних тетрадях («горизонтальных» и «вертикальных»), где параллелограмм рамки переходит через линию шва и соединяет текст двух соседних страниц (здесь отсутствуют «палисадники»)[120]. Для печатных тетрадей китайского типа характерна рамка, соединяющая две страницы того же двойного листа (на самом деле речь идет о сложенном листе), с «палисадником» у сгиба (фальцовки). На таких листах были напечатаны «Сокровищница мудрых изречений» в письме Пакба-ламы[121], монгольско-китайское издание конфуцианского сочинения Сяо-цзин[122], а возможно, и календарь, фрагменты которого найдены в Турфане (XIV в.)[123]. Эта форма была в употреблении и в поздние времена. «Пали-

садники» в середине листа бывают разные; полоса «палисадника» украшена черными блоками, между которыми расположена надпись (нумерация, сокращенное заглавие и т. д.).

В календарях[124], где информации даются в двух координатах (слева направо — время, сверху вниз — место), текст расположен в многоклеточной сетке рамки. Похожие рамки, таблицы бывают и в астрономических, гадательных и грамматических книгах[125]. Как в некоторых рукописях, так и в бурятских ксилографах начала XIX в. нижний край рамки местами расширен, образуя квадратный или круглый выступ, чтобы конец строки поместился внутри рамки[126]. В тетрадях китайского типа прямоугольный выступ верхнего края рамки представляет собой почетное место для имени императора, почтенного лица или торжественных слов[127]; эти слова стоят здесь обязательно в начале строки, мало того,— они пишутся выше других строк, подобно тому, что мы видели на средневековых каменописных памятниках. Почтение к отдельным именам выражено порой пропуском перед данным словом или знаком начала там же, внутри строки[128].

Строки на заурядных страницах ксилографов одноцветные (черные, в маньчжурских императорских изданиях — красные, карминные[129], порой оранжевые)[130], тогда как во многих рукописях красные чернила (киноварь) украшают и обыкновенные листы. Красный цвет символизирует подчеркивание или знак почтения в рукописях, где киноварью написаны отдельные слова, имена святых и важных лиц или торжественные слова[131]. В других рукописях целые строки написаны красной краской: они ритмически расчленяют черные строки на группы и, таким образом, облегчают дело читателя[132].

Основной текст и разъяснения различаются в отдельных книгах нередко почерком или шрифтом: комментарий и инструкции (они часто встречаются как в буддийских литургических сочинениях, так и в «шаманских» рукописях), а также послесловия написаны или напечатаны мелкими буквами или другим почерком[133]. В календарях употребляются разные почерки: мелкий — в клетках таблиц, средний — в длинных полосах, крупный — в заголовке таблиц и т. д. В одной любопытной рукописи исторического сочинения «Желтый изборник» (ЛОИВАН, Монг. В175; бывшая «гармоника», листы которой распались и углы стали круглыми) комментарий написан мелким почерком между строчками, но в отличие от случайных междустрочных вставок строки комментария написаны поперек (таким образом, эта рукопись соединяет в себе вертикальную и горизонтальную «гармонику»)[134].

Строки рукописей следуют обычно графлению, орудием которого служили линейка и какой-нибудь остроконечный инстру-

мент (например, свинцовый карандаш)[135], линии для строк иногда чертились и даже с помощью деревянного «клише» печатались[136]. (Кстати, таким «клише» пользовались и для печатания рамки рукописей[137].)

Строки на страницах старинного вида листа ботхи прерываются у круга в центре страницы или у двух симметричных кругов, очерченных тем же цветом, что и рамка. По известным редким примерам, которые восходят к XVII в.[138], круг или пара кругов в середине обеих сторон листа уже не больше чем узор внутри рамки, тогда как в древнеуйгурских и древнетибетских рукописях эти круги ограничивают отверстие для прошнуровывания, как и на первоначальных «пальмовых листах». Монгольские «пальмовые листы» обычно не прошнурованы. Китайские же типографщики оберегали готовые экземпляры, продергивая сквозь каждое из двух проколотых шилом отверстий на верхнем поле листа (*recto*) крученую из тонкой бумаги нить, которую удалял потом читатель.

Кроме самого текста листы (как и страницы наших книг) содержат обычно и другую информацию (хотя встречаются и такие рукописи, которые не дают никаких внешних сведений). Самое главное из этих внешних сведений — нумерация листов. В книгах формата ботхи номер помещается налево от рамки, в одном из левых углов[139], внутри рамки (в левом нижнем углу[140] или в полосе левого «палисадника»)[141]. Число пишется по-монгольски прописью, тибетскими цифрами или обоими способами[142], реже тибетской прописью, а в пекинских ламаистских ксилографах и в маньчжурский период — китайскими знаками («простыми» и «прописными» цифрами)[143]. Если нумерация есть на обеих страницах листа, то обычно указывается и то, что страница *recto* (у монголов «верхняя») или *verso* (обратная, у монголов «нижняя» или «последующая»). Кроме нумерации листа бывают и другие сведения: нумерация томов (по-монгольски прописью или вместо цифр употребляются тибетские буквы, которые, как и знаки семитских, греческого и других алфавитов, обозначают и число по месту в алфавитном порядке, а в монгольских изданиях китайских печатных дворов такую же роль играют иногда китайские знаки, например перечень «пяти стихий», начальные слова из «Тысячесловной книги», знаки десятичленного цикла и т. п.); сокращенное название (как колонтитул в современных изданиях), которое не всегда совпадает с заглавием, данным в тексте (например, «Море притч» на краях листов и «Сказ обладающего правдивым понятием» в начале книги)[144], а в пекинских печатных ботхи — название на китайском языке или в китайской транскрипции, а также — и чаще всего[145] — одно- или двусложное сокращение сокращенного названия или транскрипции. По этим маркировочным

знакам определял доски и листы китайский типографщик, обычно не понимавший монгольских слов; но эти знаки, как и все внешние признаки, от почерка до точных размеров рамки, помогают и нам определить то или другое издание одного и того же сочинения (при этом, разумеется, размер самого листа можно оставить без внимания) [146].

Похожие внешние сведения содержат и «двойные» листы печатных тетрадей, но они помещаются на линии фальцовки, в полосе «палисадника», как обычно в китайских изданиях того же типа. Рукописные тетради бывают обычно без нумерации — текст здесь написан в готовой тетради, порядок листов определяется без внешних указаний. В книгах, сложенных «гармоникой», как правило, также отсутствует нумерация, однако в печатных «гармониках», изданных китайскими печатными дворами, встречаются маркировочные знаки и цифры, показывающие порядок не «листов» книги, а деревянных досок, с которых книга печаталась, т. е. они и в этом случае не касаются читателя [147].

Сложнее бывает оформление начального и — реже — последнего листов, вернее, их соответствующих страниц в книгах формата ботхи. Прямоугольник рамки начальных страниц разделен горизонтальными и вертикальными линиями на многие столбцы и полосы, расположенные симметрично. Линии рамки и разграничивающее ее внутреннее пространство могут быть удвоенные и разные по толщине и цвету, а крайняя полоса (бордюр) и «палисадники» — заполнены орнаментами. Текст — обычно всего нескольких строк, исполненных каллиграфическим почерком,— помещается во внутреннем прямоугольнике сложноразделенной рамки, его цвет отличается от других, черных страниц (например, красный, синий) [148]. Во многих книгах, особенно в пекинских ламаистских ксилографах, внутренняя часть рамки разделена «палисадниками» на три, порой на пять параллельных полей [149], в двух крайних (а из пяти и во внутреннем) помещены рисунки (миниатюры, гравюры и т. д.) [150], в остальных — текст. Место рисунков часто оставлено пустым. В другом, менее сложном оформлении прямоугольник текста обнесен лишь бордюром, а «палисадники» (вертикальные застежки), если они есть, расположены на левом и правом краях текста [151].

В книгах, сложенных «гармоникой», первая, а также последняя «страницы» отличаются от других лишь тем, что на них бывает рисунок [152]. В тетрадях такого различия нет.

Последние листы некоторых рукописей формата «пальмовых листьев» имеют такую же сложную рамку, как начальные [153], но и заурядная последняя страница часто отличается от других тем, что на ней уже не хватает текста на все пространство рамки. В таких случаях, особенно в ксилографах, пустое место либо

разделяли линиями на несколько столбцов, либо писали текст в постепенно сокращающихся строках так, что концы строк образуют восходящую линию [154]. Оставшееся пустое место иногда украшали рисунками [155].

В книгах формата ботхи за последним листом текста следует еще один лист, часто с рисунком (например, в ксилографах обычно изображаются четыре хранителя веры и мира) [156].

Начальный и последний листы некоторых особенно красиво исполненных рукописей (реже ксилографов) обтягивались шелком, над лицевой стороной они имели «занавес», например из тонкой чесучи; он приклеивался к верхнему краю листа [157]. В других рукописях эти листы оформлялись с применением дерева: на тонкую деревянную доску наклеивали уже готовый лист с текстом (буквы иногда были нанесены густой золотой или серебряной краской, иной раз вырезаны из толстого картона или кожи и позолочены,— все это на черном или синем фоне; по бокам листы украшались миниатюрами, на последнем листе миниатюры заполняли все пространство), потом к доске прикрепляли деревянными гвоздями тонкие планки по четырем краям (их стыковали в углах «листа») и обтягивали деревянные части парчой. Вместо дерева употребляли и папки [158].

Особое оформление имеет во многих книгах формата ботхи заглавная, обычно верхняя страница (*recto*) первого листа. В центре страницы — рамка заголовка, которая подражает рамке начальной страницы (*verso* того же первого листа, но она считается часто *recto,* и в этом случае две соседние страницы, 1б и 2а, являются *recto*), но заглавная рамка имеет гораздо больше разновидностей, чем рамка первой страницы текста: она варьируется от простого удлиненного горизонтального прямоугольника [159] до равнобедренной трапеции, которая обнесена волнистой полосой богатых узоров. Внутреннее пространство может быть разделено здесь же «палисадниками» по обе стороны текста заголовка; жирные и тонкие, красные и черные линии могут украшать контуры рамки; промежуток двойных линий, а также свободные полосы могут быть закрашены или заполнены орнаментами [160].

На верхней линии прямоугольной рамки заголовка можно увидеть то полукруглую, то остроконечную фигуру, с цифрой или тибетской буквой внутри, которые обозначают номер данного сочинения, его место в серии или сборнике [161].

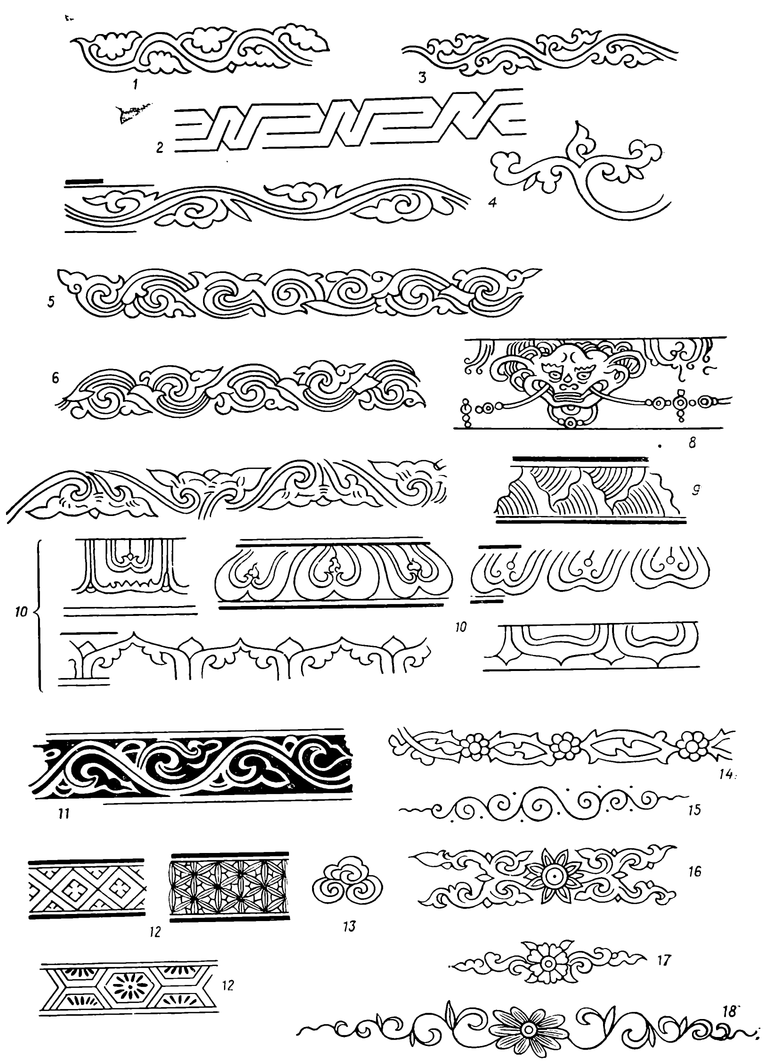
Ойратские заглавные рамки обычно узкие и длинные, слова в них написаны по длине (в отличие от обыкновенных монгольских заглавий, в коротких строках которых слова часто разделены). Таким образом, заглавная страница большинства ойратских рукописей и ксилографов представляет собой «вертикальный пальмовый лист» (с исключением нумерации листа, ко-

торая здесь нередко пишется перед заглавием, но по ширине бумаги)[162], а текст — «горизонтальный». Ойратские заглавные рамки бывают украшены геометрическими орнаментами красного, черного и желтого цветов. Иногда правый бок узкой полосы рамки имеет и внешние узоры (например, стрелка между рогами)[163] или вместо рамки нарисованы два квадратика в начале и конце заглавия, притом оба диагональю разделены на треугольники, которые симметрично покрыты красной и черной красками[164].

На обложке книг, сложенных «гармоникой» или оформленных тетрадью, редко бывает сложная рамка заголовка[165]. В рукописных тетрадях заголовок, если он есть на обложке, пишется обычно без рамки[166]. На печатных тетрадях и «гармониках» заголовок помещается в простой, вертикальной или горизонтальной рамке (прямоугольник из двойной линии), на белой этикетке, наклеенной на обложке[167]. (Это оформление применялось и во многих пекинских ксилографах формата ботхи, рамка заголовка которых, напечатанная на белой или желтой этикетке, наклеивалась на верхней странице первого листа[168].)

Обложки тетради готовились из той же бумаги, что и ее листы, или из цветной (не обязательно более прочной) бумаги[169], или же были матерчатыми (из грубой ткани[170], тонкого шелка[171], красного[172] или желтого[173], но чаще всего темно-синего цвета)[174]. Внутренняя сторона матерчатой обложки обычно заклеивалась бумагой. Обложки книги «гармоникой» состоят из толстой, многослойной бумаги (папки), к которой приклеена «гармоника»; эти обложки бывают обтянуты китайской парчой[175]. Такие «обложки» готовились и для рукописей формата ботхи: например, в рукописи ЛОИВАН, Монг. Q401 обложки склеены из нескольких многослойных листов и обтянуты снаружи темно-желтым брокатом, внутри — светло-голубым шелком. Верхняя обложка, т. е. заглавная страница, некоторых ойратских «пальмовых листьев» имеет бумажную «занавеску» над рамкой заглавия (страница заклеена бумагой, на которой вырезано окошко по размерам рамки)[176]. Верхняя страница начального и нижняя страница последнего листа пекинских ботхи, а также обычно обрез книги покрашены желтой краской (цвет ламаизма), обрез толстых книг большого формата мог быть украшен и росписью (например, растительные орнаменты на темно-красном фоне, среди них буддийские символы, а на коротком левом боку обреза — в лепесткообразном щите название книги)[177].

Украшения внутри книги — бордюры, застежки «палисадников» — бывают геометрические (меандры и другие ломаные прямые линии; противопоставленные, стыкованные ряды треугольников), растительные (стилизованные цветы, видимые сверху

Орнаментальные украшения:

1—3. Бордюры каменописных памятников (1601 г., 1601 г., 1348 г.); *4*. Бордюр и застежка из ксилографа XVIII в. (ЛОИВАН, Монг. Н345); *5—6*. Бордюры из ксилографа 1721 г.; *7*. Из ксилографа 1727 г., «Сундуй». (1—7; меандры); *8*. Верхняя полоса рамки в ксилографе ЛОИВАН, Монг. Н366 (голова дракона); *9*. Бордюр из ксилографа «Сутра золотого блеска», вторая половина XVIII в. («волны); *10*. Нижняя полоса рамки, ряд лотосовых лепестков в разных ксилографах (Н366, К20, 166, Н345, Н345); *11*. «Палисадник» из ксилографа 1650 г. (189); *12*. Три геометрических орнамента, бордюры из ксилографа 1659 г. (К20); *13*. «Облако» из ксилографа 1650 г. (I 89); *14*. Бордюр из ксилографа С351; *15—16*. Орнаменты бордюра ксилографов К4 и Е1; *17*. Орнамент «палисадника» (1659 г., К20); *18*. Орнамент бордюра ксилографа 1851 г. (I 62)

или сбоку на извивающихся ветвях, ряд лотосовых лепестков) или состоят из других фигур (ряд противопоставленных волн, ряд чередующихся звезд и стилизованных облаков, ряд из символов благополучия, в императорских изданиях ряд драконов, «играющих с жемчужиной»); иногда растительный или геометрический орнамент переплетается с фигурным (головы драконов и лепестки лотоса). На последней странице книги или части книги, где остается место без текста, бывают «виньетки»: символы благополучия, стилизованные серьги, символ дуальности (иньян), лотос, растительный лист, колесо (символ буддийского учения), драгоценные камни и т. п. В этих орнаментах, которые появляются чаще всего в пекинских, потом под их влиянием в бурятских ксилографах, много общего с восточноазиатской и тибетской орнаментикой, а некоторые из них употреблены на бордюрах каменописных памятников, а также в светской и буддийской архитектуре Монголии; их нетрудно отличить от орнаментов кочевой культуры, с которыми они часто соседствуют на предметах обыденного пользования (деревянные сосуды, металлические узоры седла, роспись на сундуке и т. д.) [178].

Иллюстрациями монгольских книг служат одноцветные гравюры, рисунки и многоцветные миниатюры (они походят на европейские миниатюры своим назначением и размерами, но не техникой, так как выполнены акварелью) [179]. Гравюры, а нередко и акварельные изображения вклеиваются также на соответствующих местах рукописи. Одноцветные гравюры бывают покрашены [180], как это делалось и в европейских старопечатных книгах. На конечной странице одного ксилографа большого формата сложная гравюра покрашена 15 разными красками [181]. По тематике — соответственно содержанию большинства монгольских памятников — иллюстрации представляют собой преимущественно иконы, нарисованные по строгим правилам портреты божеств, святых мудрецов, а также житийные сцены. Обычно иконные изображения находятся на первых двух страницах книги или ее глав, а также на последней «лицевой» стороне, которая уже не содержит текста. В большинстве пекинских ксилографов эта «лицевая» страница, как уже сказано, заполнена изображением четырех махарадж, хранителей веры и мира. Хотя иконография этих мифических правителей в основном также достаточно точно определена, наблюдается разнообразие форм и даже порядка четырех фигур в зависимости от времени издания и от толкования издателей [182]. Вместо икон бывают и символы или сложные монограммы-узоры (чаще всего в письме ланча) [183].

В ленинградской рукописи (ЛГУ, Монг. Е 13) «Двенадцать

 деяний» (житие Шакьямуни) каждая страница иллюстрирова-

на: верхняя полоса рамки заполнена житийными сценами, которые описываются в тексте нижней полосы. Эти одноцветные штриховые рисунки исполнены кистью и черной тушью, но, видимо, они служили наброском для акварели, о чем можно судить по начатой в незаконченной раскраске нескольких страниц. В иллюстрациях этой рукописи XVII в. господствует близкий к китайскому стиль изображения и индийский мир буддийского спасителя — особенно здания, городские стены — преображен в китайско-монгольский. Стилизованная природа — целый ряд рисунков разных деревьев, горы, волны и облака — также несут следы влияния китайской графики. В отличие от рисунков деревьев изображение человеческих фигур и животного мира менее удачно, а в одном случае художник не отказался даже от неестественного удлинения крупа лошади с целью заполнения пространства (однако лицо всадника там же ему удалось нарисовать очень монгольским и выразительным) [184]. Неправильно нарисованные места исправлены на наклеенном куске бумаги [185].

С большим мастерством написаны акварельные иконы двенадцатитомной книги «Юм» (ЛОИВАН, Монг. Q401, рукопись XVII в.), наклеенные на лицевой первой странице каждого тома. Эти иконы, среди которых есть и портреты исторических личностей, исполнены восемью-десятью разными красками, подобранными — в пределах иконографических предписаний — с тонким вкусом. Рисунки эти (табл. 16—17), как и немного провинциальные, но зато оригинальные портреты на первой странице (лист наклеен на деревянной доске-обложке) рукописи «Восемь тысяч стихов» («Аштасахасрика», ЛОИВАН, Монг. Q223, XVII—XVIII вв.),— ценные памятники монгольской живописи; они представляют важные сведения для исследователя буддийской иконографии и достойный материал для изучения истории монгольского искусства.

И гравюры монгольских ксилографов пекинского издания свидетельствуют о мастерстве не только китайского резчика, но и монгольского художника, рисовавшего картины. В последней четверти XVIII в. вышла в Пекине лицевая книга, сложенная «гармоникой». Она содержит перевод буддийских стихов первосвященника Джанджа-хутухту Ролбайдорджа [186]. На воспроизведенных здесь двух «страницах» (42—43; табл. 15) горизонтальной «гармоники» видны три рисунка-гравюры. На верхней странице изображена бушующая река со страшным водоворотом в кипучем потоке воды. На левой стороне картины — скалистый берег и горы, вершины которых образуют волнистую линию, переходящую на правую сторону страницы, где видны три корабля. Два из них тонут, а на одном, еще качающемся на бешеных волнах, речники молятся богине Зеленой Таре, восседающей в

радужном круге на «лотосовом престоле» под облаками и над водоворотом. Она спасает их, и, как видно на левой стороне рисунка, корабли благополучно достигают противоположного берега. («Корабли и кочевники?» — спросите Вы с удивлением, а может быть, сочтете весь рисунок чисто китайским. Вероятно, эта картина не свободна от влияния китайского мира, и, вероятно, морские походы Хубилай-хана были, скорее, китайскими, чем монгольскими; однако, как ни странно, у кочевых монголов, судя по словарям XVIII в., существовала довольно развитая корабельная терминология, которую нельзя считать целиком искусственно созданной монгольскими новаторами маньчжурского периода.) Иносказательная картина передает мысль четверостишия, помещенного на нижней странице среди двух символов победы (налево — «знамя», направо — «драгоценный витязь», оба на «лотосовом престоле» и под облаками) [187]. Оно гласит:

«(Спаси нас), охваченных потоком круговорота
перевоплощений,
потоком, через который переправиться весьма трудно,
(Спаси нас), идущих навстречу буре беспощадной судьбы,
Благоволи и спаси нас от опасности реки страстей,
Реки, бешено кипящей волнами рождения, страсти,
болезней и смерти».

Кстати, столетий двенадцать тому назад богиня Зеленая Тара была еще «простой» непальской принцессой, которую выдали замуж за тибетского царя [188].

Кроме южных (преимущественно пекинских) лицевых ксилографов известны и северные, напечатанные в Халхе и Бурятии, и есть одна книга с рисунками среди немногочисленных ойратских ксилографов [189]. Реже, чем в книгах буддийского содержания, иллюстрации встречаются и в литературных и научных изданиях старой Монголии. В Улан-Баторе хранятся лицевые рукописи, содержащие красочные переводы китайских романов, в Ленинграде можно пролистать небольшую тетрадь, полную стихов Красноречивого Сандага и украшенную карандашными рисунками животных, «в уста» которых вложил то смешные, то грустные слова народный поэт [190]. Научные иллюстрации можно увидеть на листах упомянутой уже астрономической энциклопедии — изображения созвездий, движения небесных тел [191]. В минувших веках наука и поверья были сильнее переплетены, чем в наши дни (ведь нам, детям XX в., время от времени также приходится освобождаться от своих — хотя бы современных — суеверий), поэтому не удивительно, что среди

иллюстраций монгольского медицинского справочника XVIII—XIX вв. можно увидеть запутанные дебри рисунка, якобы помогающего при трудных родах (табл. 22)[192].

Иногда книга состоит только из рисунков и является графическим изложением какой-то легенды, например индо-тибетского рассказа о монахе, благородном сыне, разыскавшем и вызволившем душу своей грешной матери из самого глубокого и страшнейшего из всех буддийских адов[193]. Рассказ этот был распространен среди монголов в нескольких переводах; самый старинный из них хранится в Ленинграде. Эта версия XVI—XVII вв. представляет собой большую ценность не только для истории монгольского языка и тибето-монгольских литературных связей, но и как памятник художественного перевода[194].

Описание оформления книги завершим характеристикой ее внешней «оболочки». Длинные «кирпичи» книг формата «пальмовых листьев» хранятся в матерчатой обертке. Это квадратный платок из бумажной ткани или шелка, в монастырских библиотеках обычно желтого или оранжевого цвета. К одному углу платка пришивают или привязывают тесемку или ленту. В том же углу бывает и аппликация из другой материи, квадратик с вышитым крестообразным орнаментом[195]. Книгу кладут на платок по диагонали, завертывают с четырех углов платка и обматывают тесемкой «четвертого» угла, в ширину, обычно без узла — конец тесемки (он обшит или к нему пришита старая китайская монета, крупный бисер из коралла, камешек и т. д.) подправляют под обмотку. На левом коротком боку обернутой книги висит обшитый кусок материи или наклеена бумага с названием или шифром (шифр состоит как правило из тибетской буквы и цифр, указывающих порядок томов).

Книги такого же формата, завернутые в платок, хранились и между двумя досками (но, например, ленинградский рукописный Ганджур — только между досками). Доски эти завязываются веревочкой, тесемкой или ремнями (у более широкого конца ремня — разрез вместо пряжки). Доски бывают и лакированные, светло-красные (как красное дерево), их рельефная верхняя сторона подражает рамке заголовка или начальной страницы. На них бывают буквы ланча, порой роспись. Об изготовлении книжных досок А. М. Позднеев приводит любопытный рассказ. Посетив одну монгольскую кумирню, он повстречал там «лишь одного ламу, сторожа кумирни, который занимался в своей юрте столярным мастерством и распевал какую-то молитву на тибетском языке. По расспросам оказалось, что он выделывал доски для Ганджура...»[196].

«Пальмовые листья» держали нередко в деревянных ящиках, особенно у бурят. Эти ящики (из тонких досок) бывают рас-

крашены красной краской, лакированы и расписаны орнаментами.

Как китайские, так и монгольские тетради хранились иногда между дощечками, но тетради, содержащие части одного и того же сочинения или какой-то сборник, чаще помещались в футляр, сделанный из толстой бумаги (картона) и обтянутый обычно темно-синей материей.

В юрте традиционное место книге отводится у северной или северо-западной стены (если дверь юрты выходит на юг), в сундуке или комоде, на котором стоит домашний алтарь (теперь семейные фото, зеркало и т. д.). В монастырях книги хранились в центральной части храма. У А. М. Позднеева читаем: «Такова главная, срединная часть буддийской кумирни; в боковых частях ее уже не находится никаких святынь... и только по стенам располагаются здесь иногда в шкафах, а иногда в особого рода поставцах, имеющих форму наших этажерок, — священные книги» [197]. Книги складывали одну на другую, или клали на полках так, чтобы был виден левый короткий бок с названием или шифром; таким образом можно было сразу определить содержание, о котором речь пойдет на дальнейших страницах.

Книга как сочинение

Название книги

И снова начнем сначала, с названия книги, с ее собственного имени. Перед нами монгольская книга, на этот раз, скажем, небольшой, сложенный «гармоникой» пекинский ламаистский ксилограф конца XVIII в. На этикетке твердой обложки название, которое в русском переводе гласит: «Намтар-солдиб божественного и всезнающего Джанджа-гегена, Дождь, открывающий лотосовый бутон уповающих» [198]. Я оставил без перевода последнее слово, которое встречается в конце многих названий и значит «содержится», дословно: «поместился». По тибето-монгольскому слову *намтар* можно было бы думать, что речь идет о биографии знаменитого первосвященника, но второе, также тибето-монгольское слово *солдиб* обозначает род молитвенного обращения. В действительности книжка содержит ряд небольших икон, изображающих духовных предков Джанджа-гегена (по этой причине стоит в заглавии слово *намтар* — «жизнеописание, биография»), и под каждой иконой краткое обращение. Внутри книги читается и другой, полный вариант названия, содержащий не менее 30 слов, со всеми званиями Джанджа-гегена и монгольскими словами вместо вышеупомя-

нутых тибетских. Полностью совпадает лишь последняя часть: «Дождь, открывающий...» [199].

Вместо длинных, полных названий употребляются обычно сокращенные, состоящие из самых характерных, выразительных слов полного названия. Например, на ярлыках желтых футляров, содержащих целый ряд тетрадей, напечатано заглавие: «Послужной список высочайше утвержденных князей Внешней Монголии и Туркестана», то же самое название написано на фальцовке листов, а сочинение упоминается обычно под кратким заглавием «Послужной список», по-монгольски «Иледкел шастир» [200]; второе слово названия пришло из далекой Индии (шастра) и, как увидим ниже, употребляется обычно не в таком официальном значении. Из многочисленных примеров полных и сокращенных названий приведем еще следующий: летопись «Ясная история принадлежащих к Золотому роду — сочинение в девяти главах под названием Сердечная радость для относящихся к Золотой кости, или Золотое колесо с тысячью спиц», названная среди источников летописи «Хрустальные четки» [201].

Название варьируется в разных списках другой летописи «Хрустальное зерцало» [202]. Имеются такие варианты, как «Книга (шастра) жизнеописаний под названием Хрустальное зерцало», «Сутра жизнеописаний, называющаяся Хрустальным зерцалом» или просто «Книга (шастра), названная Хрустальным зерцалом». Одна ордосская рукопись летописи «Драгоценный свод» — работа Сагана Мудрого — носит название «Желтая история премудрого государя Чингиз-хана» [203]. Древняя индийская книга «Панчаракша», или «Пять покровителей» (часть канона Ганджур), была известна также под несколькими синонимическими названиями, но в этом случае мы имеем дело и с различными монгольскими переводами и одновременно с «позиционными» вариантами названия, например, «Священная сутра Великого колеса, названная Панчаракша и именуемая Пять покровителей» (на обложке пекинского ксилографа), «Священная пятичленная драгоценная книга» или «Сутра заклинаний в пяти частях» (оба варианта в послесловии перевода Аюши-гуши конца XVI в.) [204]. «Позиционные» варианты — это видоизменения названия по месту употребления. Бывает, что книга сама содержит несколько вариантов заглавия (иногда, правда редко, они даже не имеют ничего общего между собой): на обложке, в начале или среди текста, на полях листов (как современный колонтитул), в послесловии (колофоне) или, если таковое есть, в предисловии. На обложке большого ксилографа 1756 г. (красноречивый художественный перевод жизнеописания средневекового тибетского поэта и его собранных стихов, работа Ширегету-гуши Шришиласварабы) читаем полное заглавие: «История искупителя Миларайбы, именуемая Развернуто изъясненные сто

тысяч песен», а колонтитул дает краткое тибетское название «Мгур 'бум»[205]. Такой же короткий колонтитул «Намтар» («биография») встречается на краях листов чахарского ксилографа, полное название которого состоит из 26 слов на монгольском языке (перевод также с тибетского) и звучит по-русски приблизительно так: «Краткое сказание о всеобщих деяниях и жизни искупителя, высшего ламы, благодетельного и премудрого Суматишилашрибхадра-гегена, (книга) под названием Солнечный луч, вызывающий улыбку лотоса веры и освещающий высшую дорогу». Длинное красочное заглавие здесь соразмерно с объемистым переводом описания жизненного пути еще одного искупителя[206]. Каноническое сочинение под кратким тибетским названием «Тарпаченпо» в монгольском языке имеет не меньше четырех вариантов заглавия: кроме употребляемого и монголами тибетского сокращенного названия известны краткое монгольское (*Yekede tonilγaγči* «Великий освободитель») и очень длинное (19 слов) полное название, которое дается в начале текста, наконец, одно среднее название напечатано на этикетке обложки (восемь слов)[207].

Нередко встречаются книги, на обложке которых нет указаний о содержании, и название сочинения можно найти в самом тексте или в послесловии. Из книг теряются обычно первый и последний листы, но известен и такой случай, когда от книги осталась всего лишь этикетка. В небольшой монгольской коллекции С. Е. Малова (ЛОИВАН) хранится кусок серо-белой китайской бумаги с крупным верже. По длине полосы размером 22 × 5 *см,* в рамке из двойной линии, расположен двухстрочный текст, напечатанный жирным шрифтом XIV в., который гласит: *Yeke ǰṳg-ün aγui delger tegüs toγuluγsan uḏq-a-yi medegülküi neretü sudur-un qoyar debter nom qamṯu buyu,* т. е. «Содержится книга, две тетради вместе, сутры под названием Разъясняющая смысл обширного и совершенного просветления»[208]. Ясно, что речь идет о буддийском сочинении, однако пока неизвестны его поздние варианты. Данное название весьма отличается по слогу от поздних буддийских заглавий — верных, даже дословных переводов с тибетского. Менее всего вероятно, что исчезнувшая книга XIV в. представляла собой самостоятельное буддийское сочинение, а если это перевод не с тибетского, то остается всего две возможности: перевод с уйгурского или китайского. И в самом деле, сочинение имеется на обоих этих языках. Оно является частью китайского канона, известно в нескольких версиях под названием «Юаньцзюэцзин», или «Дафангуан юаньцзюэ сюдоло ляои цзин». В Китайском фонде ЛОИВАН есть минское ксилографическое издание этой книги в двух «гармониках»[209], соответствующих двум разделам сочинения и, вероятно, двум тетрадям несохранившейся монголь-

ской версии. Судя по объему китайского ксилографа (151 л.), рассмотренная здесь этикетка — пока единственный свидетель средневекового печатного издания монгольского перевода — была наклеена на футляре двух тетрадей или на обложке двойной тетради среднего формата и сравнительно большого объема. Из уйгурского перевода того же или более раннего времени сохранилось больше: ксилографический лист формата ботхи и два куска других листов того же ксилографа XIV в. Пока еще трудно ответить на важный для истории монгольского языка и литературы вопрос, переводилось ли это сочинение непосредственно с китайского или посредством уйгурского. Уйгурское название *Uluγ buluŋ yïŋaq̄ sayuq̄-ï kiŋ alqïγ Tolu tuyma atlγ sudur* несколько отличается от монгольского, оно соответствует китайскому «Дафангуан юаньцзюэцзин».

Заглавия бывают простые, конкретные. Например, на обложке одной небольшой тетради читаем: «Тетрадь многочисленных песен»[210], на обложке другой: «Вновь сочиненная стихотворная книга»[211]. Оба заглавия точно передают содержание: в первой тетради — действительно сборник (народных) песен, во второй — стихотворения ордосского поэта Кешигбату. Однако часто встречаются символические книжные названия, например, «Ключ разума» (такое название носит широко распространенный сборник изречений)[212] или «Драгоценные четки» (заглавие двух исторических сочинений). Полное название образует обыкновенно предложение, которое кончается (в русском переводе начинается) словами «поместилась (содержится) книга, именуемая...». Сложные заглавия состоят, как правило, из двух частей: из «собственного имени» сочинения и из разъясняющего определения. «Собственное имя» сочинения — это чаще всего символическое название, как, например, вышеупомянутое «Дождь, открывающий...», «Узор для ушей»[213], «Золотое зерцало»[214], «Чудотворные четки»[215] и т. д., или название типа «Книга такого-то цвета», например, «Синяя тетрадь», «Желтый изборник», «Желтая история», «Золотой свод» (хотя в этом случае «свод» обозначается тем же самым словом, что и «пуговица», и поэтому возможно и иносказательное толкование «Золотая пуговица»)[216] и т. д. Как видно, это «собственное имя» может содержать и указание на «жанр» сочинения, хотя надлежит сказать, что такие слова, как «история», «свод», «изборник», обозначают не обязательно историческое сочинение: ведь в старой монгольской литературе нет точной границы между сказанием и хроникой; кроме того, эти слова, как в любой литературе, могут быть употреблены в переносном смысле, обозначая рассказ, повествование, сказки. При рассмотрении фразеологии (во многом общей с тибетской и китайской) «собственного имени» сочинения обращает на себя внимание употребление назва-

ний цветов («Белая история», «Синяя книга», «Красная хроника»)[217] и названий драгоценностей («Жемчужные четки», «Хрустальное зерцало»). Другая, в монгольском языке первая, определяющая часть дает более точные сведения о содержании; иногда здесь определяется и жанр сочинения (например, «История Рабджамбы Зая-пандиты, именуемая Лунный свет», и в этом случае «история» обозначает биографию)[218]. В сочинениях буддийского канона наблюдается обычно обратный порядок. Название книги начинается эпитетом «святая, священная», «высшая», «блестящая», «победоносная», потом следует «ядро» названия (употребляющееся и как краткое, сокращенное заглавие), и в конце полного названия стоят слова «именуемая (...) сутра Великого колеса», «именуемое (...) заклинание» и т. д.[219]. В монгольских переводах китайской литературы конфуцианские каноны (*цзин*) обозначены словом *ном* «книга», «закон», а некоторые официальные истории — словом *судур* «сутра, книга из раздела сутр буддийского канона» (так в названии «Книга юаньской династии», перевод Юаньши)[220]. В буддийских канонических сочинениях первая страница текста начинается обращением к буддийской триаде (будда, его учение и община) на санскрите в уйгуро-монгольской транскрипции, потом следует полное название сочинения на индийском (иногда китайском), тибетском и монгольском языках, все в монгольской транскрипции, в которой иноязычные слова появляются довольно часто в искаженной форме. (Транскрипция тибетского названия отражает порой архаичное, восточнотибетское произношение, и этот внешний признак помогает датировать монгольский перевод временем не позднее XVI—XVII вв.[221].) Началу канонических сочинений подражают и некоторые апокрифы, книги народной религии[222]. В неканонических философских, эпических и т. п. традиционных ламаистских сочинениях название книги не повторяется в начале текста, где имеется лишь обращение, например, к божеству — покровителю знаний Маньджушри, но обращение это бывает и сложное, как у летописца Сагана Мудрого: «Клянусь трем убежищам, высшим и бесподобным трем драгоценностям, победоносным трем высшим особам, трем пространствам, шестому (далай-ламе) Ваджрадхаре, трем совершенным, трем благодетельным ламам», после которого он сообщает о предмете своей книги, коротко перечисляя суть трех ее разделов («ворот»), и сразу начинает свое повествование о возникновении мира, откуда ведет читателя по индийским и тибетским дорогам к монгольской истории, от легендарных, мифических начал до своего беспокойного XVII в.[223]. Стихотворным обращением начинается знаменитая летопись «Золотой свод» неизвестного автора того же века, но это — обращение к читателю, повествующее о содержании сочинения[224].

Внутреннее членение сочинения и внешнее разделение книги часто переплетаются, как в одном южномонгольском списке «Золотого колеса с тысячью спиц», пять тетрадей которого содержат шесть «книг» (девять глав) (ЛОИВАН, Монг, F542, колл. Б. И. Панкратова)[225]. В этом случае «книги» отражают механическое расчленение предыдущего списка. Похожее явление наблюдается, например, и в многочисленных изданиях буддийского канонического сочинения «Сутра золотого блеска», где «книги», разделы и главы идут параллельно, первые две большие единицы являются механическими (одна из них — пережиток старого внешнего расчленения), лишь небольшие единицы, главы, соответствуют внутреннему разделению. Внутренние единицы, главы, могут быть разделены на еще более мелкие, как в некоторых объемистых сочинениях Ганджура. Каждая глава или ее подразделение — единица содержания — имеет свое собственное название, которое в большинстве случаев стоит в конце единицы. Начала единиц по механическому расчленению в основном повторяют форму начала книги (однако верхняя страница первого листа обычно без рамки и заглавия), тогда как переход от одной главы к другой внешне отмечается лишь тем, что после заглавия предыдущей главы в строке оставлено пустое место.

Книжные «жанры»

Книги монгольской старины разнообразны по характеру содержания, которое сочетает такие противоположности, как народная и «книжная» литература, исконная и заимствованная (переводная), светская и религиозная (преимущественно ламаистская), художественная и специальная литература. Разумеется, противопоставленные здесь категории не всегда выделяются в чистом виде, много переходов. Как видно из этого ряда противопоставлений, особенно из последнего, слово «литература» употребляется здесь в самом широком смысле. Народная литература охватывает сборники народных песен, загадок, обрядовую «шаманскую» лирику, записанные степными грамотеями эпопеи, легенды, поверья, обряды и т. д., а «книжная» литература объемлет все сочинения, продукты сознательного творчества, родившиеся первоначально в письме. Исконная и заимствованная литература — относительные понятия, и можно спорить о том, куда помещать, например, переводы тибетских сочинений, написанных монгольскими авторами в Монголии (они и их подлинники принадлежат, скорее, и монгольской и тибетской литературе). Светская и религиозная литература — довольно ясные понятия, и все же пронизанную идеями ламаизма летопись Сагана Мудрого трудно не считать и религиозным

сочинением, и, наоборот, древнеиндийское грамматическое сочинение Панини, монгольский (с тибетского) перевод которого включен во вторую часть буддийского канона (Данджур)[226], вряд ли относится к религиозной литературе (кстати, к ней относятся многие небуддийские, «шаманские» обрядовые стихи, нередко жемчужины народной словесности). Что касается понятий художественной и специальной литератур, то здесь дело обстоит гораздо легче, если противопоставлять такие сочинения-рукописи, как, скажем, «Сказание о двух скакунах»[227] и официальный календарь маньчжурского периода или иконометрический трактат для ламских иконописцев[228].

Вместо чисто жанрового разделения, которое осуществимо лишь в пределах литературы более узкого понятия, для практических целей более подходит такая смешанная классификация монгольских книг, которая не разъединяет исторически сложившиеся, традиционные единицы неоднородного содержания, как, например, два раздела буддийского (ламаистского) канона, Ганджур и Данджур, в которых помещаются самые разные «жанры» — от житийной легенды до словаря, от философского или нравоучительного трактата до мрачных магических практик. Вот одна из возможных практических классификаций старых монгольских сочинений:

народная словесность —
- былины, сказки, басни;
- песенники;
- загадки, изречения;
- обрядовые стихи (в том числе и «шаманские») и т. п.;

художественная литература —
- стихи (дидактические стихотворения, «учения», символические стихотворные монологи, любовная, религиозная и гражданская лирика);
- проза (притчи, новеллы, романы и т. д.);

исторические сочинения —
- летописи, сказания, родословные;
- истории распространения ламаизма;
- буддийская хронология;

биографические сочинения —
- жизнеописания;
- житийные легенды;

географические сочинения —
- книги о вселенной, космографии;
- хождения;
- описания святынь;
- землеведческие трактаты;

административная и юридическая литература —
свод законов, судебники;
сборники судебных дел;
монастырские законы;
списки, реестры и т. д.;
буддийская каноническая литература —
сочинения в Ганджуре и Данджуре;
буддийская неканоническая литература —
философические, логические и т. п. трактаты;
молитвенники, литургические сочинения;
иконография и иконометрия;
прочая индо-тибетская литература —
переводы художественных сочинений
(сюда можно включить и известный перевод
священной книги тибетской религии бон);
китайская литература в монгольском переводе —
конфуцианские каноны;
«учения» маньчжурских императоров;
романы и новеллы;
переводы христианского содержания XVII—XIX вв.
астрономическая литература —
календари;
астрономические трактаты;
гадательные книги и сочинения по магии —
астрологические справочники;
сонники и прочие оракулы (по ладони, монетам,
лопатке, по дерганью частей тела, по
птичьим приметам, по жребию и т. п.);
сборники магических знаков;
медицинские сочинения —
терапевтические;
фармакопеи;
техническая литература —
указания ремесленникам;
гиппология и т. п.;
филология —
словари;
грамматики;
учебники:
буквари и силлабарии;
каталоги;
сборники разнообразного содержания.

Предложенная внутренняя градация этих жанровых категорий далеко не исчерпывает всех образцов. Точное подразделение

буддийских канонических сочинений потребует не меньше объема, чем весь список перечисленных выше «жанров», а объем буддийских сочинений в старой монгольской литературе весьма велик, вероятно, две трети или больше сочинений и еще больше книг принадлежит к кругу ламаистского глагола. Однако нельзя забывать о том, что этот океан ламаистской литературы являлся и путем к индийской культуре, ее бесспорным ценностям, и о том, что роль буддийских писаний и традиций сходна с той, которая была уготована христианству, иудаизму и исламу в средневековье,— хотя и отрицая, сохранить и передать ценности античной культуры.

Иногда сочинения самой различной тематики волею случая соединяются в одном сборнике. Нередко в одной тетради пишут подряд неоднородные сочинения, иной раз сочинения, также неоднородные, объединяются по принципу общей принадлежности: например, в собрании сочинений одного автора или нескольких авторов одной группы. Огромными тематическими сборниками являются две части ламаистского канона, Ганджур и Данджур, буддийский глагол и его толкование [229], но их тематический порядок, складывавшийся еще до появления монгольских переводов и после того не раз менявшийся в течение многих веков, не очень строг и не свободен от случайностей, непоследовательностей. В них содержатся и такие сборники, как «Книга (сутра) пяти покровителей» («Панчаракша»), которая состоит из пяти разных сочинений, сходных по теме, или «Море притч» — сборник полусотни довольно однообразных легенд о прежних перевоплощениях Будды (но среди них читается и рассказ, вернее, сказка о приключениях убогого ткача, ставшего героем поневоле) [230].

Монастырские книжники составляли и сборники мелких ламаистских текстов (обрядовых, литургических, магических и т. п.), которые интересны не только для истории религии, но и как памятники монгольского литературного языка XVIII в. и свидетельства борьбы за монгольскую речь в церкви [231]. Эти сборники (обычно в конце) снабжены каталогами, где названия перечисляются в том порядке, в каком сами сочинения помещены в сборнике; названия сопровождаются указанием на номер тома. Бывают и каталоги другого рода. В конце прошлого века в Бурятии в отдельных мелких ксилографах были напечатаны списки изданий того или иного дацанского печатного двора [232].

Колофоны

О рождении и перерождениях книг говорится в колофонах. Это чаще всего послесловие, реже предисловие. В самом раннем из известных монгольском колофоне — заключительном

предложении «Сокровенного сказания» — дается лишь время, место и повод завершения труда: «год мыши» (который повторяется каждый 12-й год как один из двенадцатилетнего цикла; здесь первая возможная дата — 1228 г.), «остров Кодеэ реки Керулен» и съезд монгольских князей. Все три координаты относительны, для их уточнения нужны дополнительные сведения. Лицо автора остается скрытым [233].

В средневековом монгольском переводе (вероятно, второй половины XIII в.) индо-тибетской «Сокровищницы мудрых изречений» («Субхашитаратнанидхи») короткий монгольский колофон идет сразу после названия и извещает нас о том, что книга содержит сочинение Сакья-пандиты, которое перевел с тибетского на монгольский Сonoм-гара, «монах-заклинатель», может быть, ученик автора: ведь он называет его наставником. Монгольская версия дает и перевод послесловия тибетского подлинника, в котором сам автор Сакья-пандита объясняет цель своего сборника мудростей: «Озарять мрак на душе людей сиянием беспорочно чистой добродетели, сиянием, похожим на луч прохладно светящей луны». Вот один из его «сияющих лучей»:

«Не насытиться океану водою,
Не насытиться благами и царской казне,
Нет насыщения наслаждением для страсти,
Изречениями нет насыщения для мудрых» [234].

В семи изящных четверостишиях благословляет своих монгольских покровителей Чойджи-одсер в послесловии к переводу и комментарию «Бодхичарьяватары» и за свой труд просит от судьбы благополучия царствующему роду и своему народу и вечного монашества во всех перевоплощениях себе. В конце стихов следует важнейшее для истории монгольской культуры сообщение, уже в прозе: «По императорскому указу, начиная с первого дня первого летнего лунного месяца года мыши Комментарий „Бодхичарьяватары“ был вырезан на печатных досках в столичном (Дайду — Пекин) монастыре Белой башни-реликвария и была напечатана с них целая тысяча экземпляров, распределенных среди многих. В первом году (периода) Хуанцин» (1312 г.) [235].

Из послесловия более раннего издания (еще без комментария) явствует, что перевод стихов был закончен в году змеи, по всей вероятности в 1305 г. Это послесловие, которое дошло до нас в очень позднем и в языковом отношении обработанном варианте в Данджуре также дает перевод колофона тибетского подлинника, который в свою очередь является переводом с санскритского [236].

В конце небольшого пекинского ксилографа, содержащего

гимны в честь Маньджушри, читается монгольский перевод тибетского колофона, монгольский же колофон состоит всего из двух предложений: второе предложение — благопожелание без информации; первое же гласит: «После того как [индийское сочинение] было переведено на тибетский перевел (дословно „поместил“) на язык монголов Аюши-гуши» [237] — вероятно, тот же, кто, по словам другого колофона, создал транскрипционный алфавит в последней четверти XVI в.[238]. Первый лист заполнен текстом на обеих сторонах, т. е. обложка отсутствует. Тибетская буква *ка* над пагинацией указывает на то, что книга является первой частью, по-видимому, сборника тантрических сочинений, известного под названием «Сундуй». Судя по почерку, настоящее издание, о котором кратко упоминал уже Б. Я. Владимирцов [239], но которое не вошло в описание пекинских ксилографов, относится к концу XVII или началу XVIII в. Как и ксилограф «Сутра золотого блеска» 1721 г., этот текст носит некоторые следы доклассической орфографии [240].

Только о дате переписки (для деревянных досок?) извещает краткий колофон «Сутры, именуемой Три громады» в пекинском ксилографе: «Написано 29-го третьей луны года лошади и огня». И хотя здесь год двенадцатилетнего цикла сопровождается одним из пяти элементов, точная дата переписки, а возможно, ксилографического издания остается сомнительной, так как вышеупомянутое сочетание повторяется через 60 лет; таким образом, учитывая почерк и прочие внешние признаки, мы можем говорить о двух датах: 1666 или 1726 г. Ленинградский экземпляр отличается от копии В. Хейсига, по крайней мере техническими данными [241].

В послесловии нового «Золотого свода», которое следует за заключительным предложением (оно повторяет заглавие со словом «завершено»), сообщается лишь имя и звание автора — монах Шасанадхара Лубсандандзин-гуши — и указывается на то немаловажное обстоятельство, что ученый автор, государственный наставник, черпал свои сведения из многих сочинений для того, «чтобы великий народ смотрел (= читал) вместе (= соединяя разные сведения)». Дата написания этой важной летописи (автор которой, к счастью, черпал большие части также из потерянного потом монгольского списка «Сокровенного сказания») выясняется на основании косвенных данных и соответствует середине XVII в. (по В. Хейсигу — 1655 г.) [242].

Пекинский ксилограф 1659 г. «Сутра золотого блеска» упоминает об издателе, вернее, заказчике ксилографического издания — о монахе-канонархе Лубсанджимбе: «Начато в 16-м году правления Шуньчжи в счастливый 6-й день среднего весеннего лунного месяца женского желтого года свиньи и закончено в

4-й день среднего летнего лунного месяца», из чего можно установить и то, что изготовление печатных досок потребовало трех лунных месяцев[243].

Из послесловия другого ксилографа узнаем, что содержащееся в нем сочинение «Сутра восьми тысяч стихов» было переведено на этот раз по заказу нескольких княжеских особ известным литератором XVI—XVII вв. Самдан-сенге, а заключительная часть (после заклинания) определяет дату ксилографа: «XLVI год Канси, счастливый день среднего осеннего лунного месяца женского красного года свиньи», т. е. осень 1707 г., и указывает место печатного двора, имя владельца; это был Фу Далай, видимо, китаец, который «велел выгравировать и издал» книгу у внешней стороны ворот Андинмэнь («Ворота прочного мира», по переводу Тимковского, 1823 г.) пекинской городской стены. Сам перевод датируется началом XVII в. на основе других колофонов и косвенных данных[244].

В коллекции П. Фролова (начало XIX в.) хранится объемистая рукопись на ломкой от времени коричневой бумаге (со штампом китайской чайной фирмы); текст каллиграфический, написан калямом и «западным», подобным туркестанскому, почерком XVII—XVIII вв. На обложке название, написанное малограмотным, более поздним почерком,— «Сутра, именуемая Руководство к ступеням пути просветления», т. е. эта книга из широких листов ботхи содержит философический трактат. Из стихотворного колофона-послесловия явствует, что сочинение — работа реформатора тибетской церкви Цонкпапы; по просьбе Ачиту-цорджи перевел ее на монгольский язык ученик панчен- и далай-ламы Огтаргуйн-далай (по-ойратски Окторгуйн-далай, по другому названию Пандита Сечен-рабджамба), а записали двое, лама Огтаргуйн-герел из рода Олгонууд и ойратский Сечен Хонджин. Это значит, что в данной рукописи найден еще один образец переводов ойратского Зая-пандиты, либо сделанных им еще в уйгуро-монгольском письме, либо транскрибированных позже с ойратского[245].

В фрагментарном послесловии большой ойратской рукописи под названием «Десять деяний и еще два дня трудов могучего Шакьямуни», т. е. содержащей житийные легенды Будды, не сохранилось имен переводчика и заказчика, но фразеология перевода — заяпандитская и название подобного сочинения встречается в перечне переводов ойратского просветителя; кроме того, во фрагменте колофона упоминается как корректор его ученик Ратнабхадра, несомненно тот же самый, кому мы обязаны биографией Зая-пандиты. В начале фрагмента стоит имя Дайчин-Нансо, роль которого здесь неясна. После Ратнабхадры представлен писец Джамцобал, который записал слова на писчей доске, потом каллиграф Суту Ка-бакши, который зафиксировал

текст на бумаге. Вероятно, весь колофон был написан в аллитеративных четверостишиях[246].

Кроме таких основных сведений, как место, дата, автор, переводчик, меценат, писец, а реже и резчик или печатник, и кроме штампов (благословения, скромности, жалобы на порочность копии подлинника, просьбы снисходительности к ошибкам переводчика и т. д.) встречаются в колофонах буддийских сочинений и данные о расходах мецената, издателя, из которых видно большое колебание цен[247].

Одним из самых обычных типов рукописей является копия ксилографа. Такой список имеет ценность для исследователя лишь в том случае, если сам ксилографический подлинник недоступен и представлен только в рукописном виде, как, например, упомянутые выше печатные издания «Сутра золотого блеска» конца XVI в. и ойратский ксилограф «Алмазная сутра» первой половины XVIII в. Ксилографы бывают также — и нередко — вторичными изданиями (с вновь награвированных печатных досок) и повторяют колофоны предыдущих изданий порой без изменений. Это явление встречается и во многих бурятских ксилографах, переизданных с пекинских книг[248]. К новому изданию готовили иногда «печатную заметку», по сути второй колофон, обычно стихотворный. В пекинских монгольских книгах параллельно с монгольским послесловием или без него бывает и китайский колофон, который почти всегда повторяет дату издания, точно определенную по году периода правления[249].

Монголоязычные издания, оформленные на китайско-маньчжурский лад, особенно императорские, «высочайше утвержденные» книги, снабжены колофоном-предисловием, а не послесловием. Например, в первом томе указателя печатного Данджура[250], в начале книги, помещено «Монголоязычное предисловие книги Данджур, написанное от высочайшей руки императора». За ним следует обращение к императору с просьбой о предисловии, и только после этого начинается сам указатель. Во втором предисловии — обращении — дается и перечень составителей указателя (подписавших просьбу). В предисловии астрологической энциклопедии 1711 г.[251] объясняется цель сочинения и его монгольского перевода: дать возможность точнее определить единицы времени и разобраться в движении небесных тел при помощи новых тогда методов, более совершенных, чем индийские или тибетские. Перевод был сделан с китайского, и по приказу маньчжурского императора в работе приняли участие 36 человек — преподаватели пекинской тибето-монгольской школы и монгольские служащие разных учреждений, в том числе и чиновники министерства внутренних дел. «Высочайшее предисловие» предшествует и четырехъязычному изданию буддийской сутры «Сердцевина совершенного разума» («Праджня-

парамитахрдая»)[252]. Тибето-маньчжуро-монголо-китайское предисловие повествует об истории китайской версии; оно датируется первым годом периода правления Юнчжэн, в данном случае началом 1724 г.; таким образом, эта красиво напечатанная книга, сложенная «гармоникой», обогащает пекинских монголоязычных ксилографов.

Многоязычные книги

Двуязычные и многоязычные печатные книги были характерны для монгольской книжной культуры маньчжурского периода, особенно для XVIII в. В многоязычных императорских изданиях буддийских книг выражалось в некоторой мере и желанное единство маньчжурской империи, но отражался и живой интерес к филологии, словарям и переводам, свойственный данному периоду. Известно большое пятиязычное издание сборника магических формул из Ганджура[253]. Эта изящно оформленная, но по содержанию отнюдь не увлекательная книга может служить справочником для отождествления канонических сочинений или их фрагментов на основе содержащихся в них формул. Издавались многоязычные и двуязычные словари и грамматики. Соразмерное размещение на листе разных письменностей требовало большого опыта не только от резчика, хотя и его задача была нелегкой, но прежде всего от каллиграфов, готовивших рукопись для печатных досок.

Большинство этих книг было двуязычными и, за немногими исключениями, написанными на тибетском и монгольском языках. Главным языком чаще всего считался тибетский, между горизонтальными строками которого вставлялись короткие куски ожерелий монгольских слов и полуслов. Книги на двух или нескольких языках известны также из более ранних времен. Они, подобно параллельным текстам китайско-монгольских, тибето-монгольских и прочих каменописных памятников, состоят из подлинника и перевода (переводов), где монгольский текст всегда является переводом (с тибетского, китайского или маньчжурского). Самый ранний из известных образцов таких книг — печатное издание XIV в. конфуцианского канона о почтении к старшим («Сяоцзин»)[254]. В этой книге параллельные тексты, монгольский перевод и китайский подлинник, идут подряд, чередуясь в одной и той же строке: кусок перевода сопровождается соответствующей частью подлинника. Также печатное, четырехъязычное издание (на санскрите, тибетском, монгольском и китайском языках; языки чередуются построчно) датируется 1592 г.; оно содержит гимны в честь Маньджушри[255]. Из XVII в. до нас дошло несколько тибето-монгольских книг, среди них будапештская рукопись сборника этических советов «Сокровищ-

ница мудрых изречений»[256]. Похожие, двуязычные рукописи встречаются и среди ойратских книг XVIII—XIX вв. Словари двух языков (тибето-монгольские, маньчжуро-монгольские) — либо тематические, в которых слова расположены в таких группах, как «небо», «человек», «растения», «действия» и т. д., либо алфавитные. Многоязычные словари, как и пятиязычный (санскрито-тибето-монголо-маньчжуро-китайский) словарь буддийских терминов или «Пятиязычное зерцало маньчжурского языка» (маньчжуро-тибето-монголо-туркестано-китайский словарь) [257], построены по тематическому принципу.

Книголюбы, библиотеки, печатные дворы

О них мы знаем сравнительно мало. О высокопоставленных книголюбах-меценатах сообщают послесловия и предисловия ксилографов и — реже — рукописей; они рассказывают порой о том, сколько серебра тратили эти лица на изготовление печатных досок, на переписку рукописи, как они искали умелого резчика, писца-каллиграфа[258]. Жизнеописания известных перерожденцев извещают иногда о каком-то большом книжном мероприятии, например о приобретении или переписке канона[259], но о многом можно узнать лишь из уст стариков, живых хранителей преданий. Такие предания говорят о книголюбии халхаского Зая-пандиты Лубсан-принлая, которое не ограничивалось ламскими рукописями и ксилографами; это подтверждается теми книгами, которые попали в уланбаторскую Государственную библиотеку, среди них и интереснейшие списки эпопеи «Гесериады»[260]. В той же библиотеке нашла достойное место часть личной библиотеки последнего ургинского хутухту; в ее описании мы читаем о том, как умелого писца послали в провинции разыскать и копировать любопытные, редкие рукописи для библиотеки первосвященника, любителя светской литературы и веселой жизни[261]. Мало написано о степных библиофилах, простых людях, нередко даже малограмотных. Они бережно хранили, собирали и переписывали книги, которых все-таки было мало и всегда не хватало в степи. В сундуках или в шкафчике в «красном углу» юрты хранили не только священные писания желтой религии, но и сборники волшебных сказок, тетради, заполненные мудрыми словами, хитрыми загадками, песнями и былинами.

Богатые книгами монастыри имели отдельные здания для библиотеки; и теперь порой частная библиотека богатого степного книголюба хранится в отдельной юрте (или в деревянном домике китайского типа во дворе юрты у полуоседлых). В зау-

рядных монастырских библиотеках хранилось обычно от пятидесяти до сотни книг[262], более или менее объемистых томов, а «справочная библиотека» странствующего монаха помещалась в одном ящике или свертке.

Печатные дворы были одновременно и «издательствами». После падения юаньской династии светские монголоязычные типографии действовали, кажется, только в Пекине; фактически они являлись китайскими фирмами, которые снабжали книгами «варварских» заказчиков или жителей Северной столицы. В Монголии и Бурятии книгопечатание было в руках лам до начала нашего, XX в., с двадцатых годов которого начинается не менее сложный, но победоносный путь новой монгольской книги. В ней суждено воплотиться и всем добрым книжным традициям семи веков монгольской письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из истории монгольской письменности

[1] Из важнейших книг по монгольской письменности упоминаю здесь следующие: А. М. Позднеев, Лекции по истории монгольской литературы, т. I—III, СПб., 1896, 1897, Владивосток, 1908; Б. Лауфер, Очерк монгольской литературы, Л., 1927; Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929; W. Heissig, Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischen Sprache, Wiesbaden, 1954; W. Heissig, Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen, Bd I—II, Wiesbaden, 1959, 1965; W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, Wiesbaden, 1961; Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения, т. I, М., 1957; «Mongol Nyelvemléktàr» [под ред.] L. Ligeti, т. I, Budapest, 1963 (далее: Лигети, Сборник; С. Damdinsürüng, Mongγo uran ǰokiyal-un degeǰi ǰaγun bilig orosibai, Улаанбаатар, 1959 (далее: Дамдинсурэн, Сто образцов; Б. Ринчен, Монгол бичгийн хэлний зүй, т. I—II, Улаан-Баатар, 1964, 1966. Полезные библиографические сведения собраны в кн. «Mongolistik» (в справочнике «Handbuch der Orientalistik» [под ред] O. Spuler, Bd V, 2, Leiden — Köln, 1964); см. также: D. Sinor, L'introduction à l'étude de l'Eurasie centrale, Wiesbaden, 1963. Библиографию работ акад. Б. Я. Владимирцова см. в кн. «Филология и история монгольских народов», М., 1958; статьи П. Пельо (Paul Pelliot) см. главным образом в «T'oung Pao» и «Journal Asiatique»; библиографию работ акад. Л. Лигети до 1961 г. см.: «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», т. XV, 1962. О работах А. Мостарта (A. Mostaert) см.: «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 19, 1956, стр. XI—XIV; в томах того же журнала публиковался ряд важных статей Ф. В. Кливза (F. W. Cleaves). См. еще: «Studia Altaica», Wiesbaden, 1957; «Studia Sino-Altaica», Wiesbaden, 1961. Относительно к монгольской терминологии письменности см.: A Róna-Tas, Some notes on the terminology of Mongolian writing,— AOH, XVIII, 1965, стр. 119—147.

[2] Ed. Chavannes, Les monuments de l'ancien royaume coréen de Kao-keou-li,— T'P, IX, 1908, стр. 263—265; Feng Chia-sheng — K. Wittfogel, History of Chinese Society. Liao, Philadelphia, 1949, стр. 252.

[3] W. Eberhard, Das Toba-Reich Nordchinas, Leiden, 1949, стр. 296.

[4] J. Bazin, Recherches sur las parlers T'o-pa, (5e siècle après J. C.),— T'P, XXXIX, 1950, стр. 228—329. Тоба были «тюрки или монголы», по Пельо (T'P, XXVII, 1930, стр. 195).

[5] P. A. Boodberg, The language of the T'o-pa Wei,— HJAS, I, 1936, стр. 167—189.

[6] Доклад на заседании тюрко-монгольского кабинета ЛОИНА, 30.IV.1968; текст опубликован: НАА, № 1, 1969, стр. 107—117 («Табгачский язык — диалект сяньбийского»).

[7] Th. D. Carrol, Account of the T'u-yü-hun in the history of the Chin dynasty, Berkeley — Los Angeles, 1953.

[8] Feng Chia-sheng, The Ch'i-tan Script,— JAOS, LXVIII, 1948, стр. 14—18.

[9] L. Ligeti, A kitaj nép és nyelv,— «Magyar Nyelv», XXIII, Budapest, 1927, стр. 301—310; L. Ligeti, Mots de civilisation de la Hante Asie en transcription chinoise,— AOH, I, 1950, стр. 141—185; Л. Лигети, [рец. на кн.:]

Г. Д. Санжеев, «Сравнительная грамматика...»,— ВЯ, № 5, 1955; L. Ligeti, Les anciens éléments mongols dans le mandchou,— AOH, X, 1960, стр. 231—248; L. Ligeti, Les inscriptions djurtchen de Tyr,— AOH, XII, 1960, стр. 5—26; L. Ligeti, Les fragments du Subhāṣitaratnanidhi mongol en écriture 'phags-pa. Mongol préclassique et moyen mongol,— AOH, XVII, 1964, стр. 239—292.

[10] Янь Вань-чжан, Цзиньси Сихушань чуту циданьвэнь мочжи яньцзю,— «Каогу сюебао», Пекин, 1957, № 2, стр. 69—84, рис. 1—2.

[11] В. С. Стариков и М. В. Наделяев, Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма, М., 1964; В. С. Стариков, Из истории изучения киданьской художественной литературы, М., 1968, стр. 148—151 (Страны и народы Востока, вып. VI, Страны и народы Тихого океана).

[12] V. S. Starikov, Catalogue of graphems of the Kitan script, Moscow, 1966.

[13] См.: Г. Д. Санжеев, введение к кн. «Аламжи мерген», М.— Л., 1936.

[14] См., например, устные послания в гл. III «Сокровенного сказания».

[15] См.: Ц. Жамцарано, Произведения народной словесности бурят, т. II, вып. 1, Л., 1930; М. П. Хомонов, Абай Гэсэр-хүбүн, ч. I, Улан-Удэ, 1961.

[16] См., например, в эдикте вдовы императора Дармабала 1321 г. (Н. Поппе, Поправки к чтению одного места эдикта вдовы Дармабала,— «Сборник памяти академика Н. Я. Марра», М.— Л., 1939, стр. 242—243; N. Poppe, The Mongolian Monuments in 'Phags-pa script, Wiesbaden, 1957; L. Ligeti, 'Prags-pa frásos emlékek.— Kancelláriai iratok kínai átírásban (Лигети, Сборник, II, 1964).

[17] A. Mostaert — F. W. Cleaves, Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes,— HJAS, XV, 1952, стр. 419—506.

[18] A. Waley, The travels of an alchimist, London, 1931.

[19] См., например, легенду обратной стороны серебряной дощечки с указом Абдуллы (Золотая Орда, 1362—1369): «*...ken ülü büsirekü kümün aldaqu ükükü*» (Позднеев, Лекции, I, стр. 124—125).

[20] Или: «Разве люди, которые будут в отношении таким образом сказанного поступать иначе, не боятся?» (Поппе, Поправки, стр. 243).

[21] Пятиязычный буддийский терминологический словарь Цзияо, I, 57a: *arban nom-un yabudal, bičig bičiküi.*

[22] Монг. *uyiγurčin mongγol üsüg.*

[23] П. Б. Балданжапов, *Jirüken-ü tolta-yin tayilburi.* Монгольское грамматическое сочинение XVIII века, Улан-Удэ, 1962.

[24] Ю. Н. Рерих, Монголо-тибетские отношения XIII—XIV вв.,— «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 333—346.

[25] К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики,— «Восточно-азиатский этнографический сборник», М.— Л., 1960, стр. 194.

[26] Там же, стр. 179—182. По Позднееву (Лекции, I, стр. 155), речь идет о зубчатой кирке. См. также легенду об изобретении письма (Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883, стр. 328—329), где говорится о «палке с зарубками».

[27] «Сокровенное сказание», § 203; см. также у Пельо (T'P, XXVII, 1930, стр. 195—198).

[28] P. Pelliot,— T'P, XXVIII, 1932, стр. 417—418; F. W. Cleaves,— HJAS, XIV, 1951, стр. 496—497.

[29] А. М. Позднеев, Лекции, I, стр. 16—17; P. Pelliot, Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols,— AM, II, 1925, стр. 284—289; Б. Я. Владимирцов, Монгольские литературные языки,— ЗИВАН, I, 1932, стр. 1—17, особенно 5—7 (о керентском происхождении монгольского литературного языка и письменности); Л. Л. Викторова, К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII—XIII вв.),— УЗЛГУ, Вост. фак., вып. 12, 1961, стр. 137—155;

L. Ligeti, A mongolok titkos története, Budapest, 1962 (вводная часть, библиография и особенно стр. 207—208); L. Ligeti, Les fragments; A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 119—121.

[30] Некоторые монгольские буквы сохранили и внешнее сходство с буквами современных, порой отдаленных друг от друга семитских алфавитов, например, финальный *М* (особенно средневековая форма) — с еврейским и арабским *мим,* монгольский *Т* с еврейским знаком *тет,* финальная буква *О* с арабским *вав* и т. п.

[31] О перпендикулярном направлении письма см.: А. М. Позднеев, Лекции, I, стр. 22—23.

[32] Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.— Л., 1960, стр. 101.

[33] Иоанн де Плано Карпини, История монгалов... Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 58.

[34] Юань ши, гл. 120.

[35] Н. Ц. Мункуев, Китайский источник о первых монгольских ханах, М., 1965.

[36] Линь Цзюнь-и и Н. Ц. Мункуев, «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина,— ПВ, № 5, 1960, стр. 137.

[37] Там же.

[38] Там же, стр. 142.

[39] P. Pelliot — L. Hambis, Histoire des campagnes de Gengis khan, I, Leiden, 1951, стр. 281.

[40] Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.— Л., 1952, стр. 142—143.

[41] Рашид-ад-дин, т. II, стр. 131, 136.

[42] Рашид-ад-дин, т. II, стр. 166.

[43] Рашид-ад-дин, т. II, стр. 12.

[44] Или Пулад-ака, министр и стольник Хубилая, см.: Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, стр. 67, 187; т. II, стр. 173; т. III, М.—Л., 1946, стр. 116, 192, 208 и т. д.

[45] Рашид-ад-дин, т. II, стр. 180.

[46] F. W. Cleaves, A chancellery practice of the Mongols in the 13th and 14th centuries,— HJAS, XIV, 1951, стр. 493—526, pl. I—II; A. Mostaert — F. W. Cleaves, Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes,— HJAS, XV, 1952, стр. 419—506.

[47] Л. Лигети, Сборник I, 96—97.

[48] Н. Н. Поппе, Золотоордынская рукопись на бересте,— «Советское востоковедение», II, 1941, стр. 81—134 и факсимиле XIX—XXIV.

[49] F. W. Cleaves, The Sino-Mongolian inscription of 1335 in memory of Chang Ying-jui,— HJAS, XIII, 1950, стр. 1—131, pl. I—XXXV.

[50] F. W. Cleaves, The Sino-Mongolian inscription of 1338 in memory of Jigüntei,— HJAS, XIV, 1951, стр. 1—104, pl. I—XXXII.

[51] Рашид-ад-дин, т. III, стр. 217.

[52] A. v. Gabain, Alttürkische Grammatik (Leipzig, 1950), стр. 259.

[53] Например, *madar* (монг. *matar*) <тохар.-куч. *mātär*<сака<скр. *makara* «водяное чудовище», см. A. v. Gabain, Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie, Berlin, 1938, стр. 44.

[54] Б. Я. Владимирцов, Mongolica I. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии,— ЗКВ, т. I, 1925, стр. 305—341.

[55] «Сравнительная грамматика», стр. 138—139; P. Aalto, Ayaγ-qa tegimlig,— «Studia Altaica», Wiesbaden, 1957, стр. 17—22.

[56] F. W. Cleaves, Ea early Mongolian version of the Alexander Romance,— HJAS, XXII, 1959, стр. 1—99, pl. I—VIII; N. Poppe, Ein mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden,— CAJ, V, 1959, стр. 257—294.

[57] L. Ligeti, Le Subhāṣitaratnanidhi mongol, un document du moyen mongol, I, Budapest, 1948; L. Ligeti, Sa-skya paṇḍita. Bölcs mondások kincsestára. Subhāṣitaratnanidhi, Sonom Gara fordítása, Budapest, 1965.

[58] G. de Roerich, Kun-mkhyen Chos-kyi hod-zer and the origin of the Mongol alphabet,— Ю. Н. Рерих, Избранные труды, М., 1967, стр. 216—221; F. W. Cleaves, The Bodistw-a čari-a awatar-un tayilbur of 1312 by Čosgi od-ser,— HJAS, XVII, 1954, стр. 1—129.

[59] Roerich, стр. 220.

[60] L. Ligeti, A propos de la version mongole des «Douze Actes du Bouddha»,— AOH, XX, 1967, стр. 59—73; N. Poppe, The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian version of Lalitavistara,— «Asiatische Forschungen», 23, Wiesbaden, 1967.

[61] E. Haenisch, Mongolica der Berliner Turfan-Sammlung, II, Berlin, 1959, TM 2 D130 (факсимиле отрывка колофона), TM 3 D130 (факсимиле фрагмента гимнов), размеры близки («рамка» 16,7 и 16,9 *см*, расстояние между вязями строк — 1,6), почерки также (хотя финальные *M* легко отличаются, и почерк TM 2 немного угловатый).

[62] L. Ligeti, A propos de la version mongole des «Douze Actes», стр. 59; N. Poppe, The Twelve Deeds, стр. 17.

[63] L. Ligeti, Sur quelques transcriptions sino-ouigoures des Yuan,— UAJ, XXXIII, 1961, стр. 343—344; L. Ligeti, Jüan- és Ming-kori szövegek klasszikus átírásban (Лигети, Сборник, V, 1967, стр. 103); W. Heissig, Familien- und Kirchengeschichtsschreibung, I, Wiesbaden, 1959, стр. 17.

[64] B. Laufer, Zur buddhistischen Literatur der Uiguren,— T'P, VII, 1907, стр. 392; Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов, стр. 46, прим. 1; L. Ligeti,— AOH, XX, 1967, стр. 60.

[65] Лигети, Сборник, V, стр. 113—114.

[66] L. Ligeti, La collection mongole Schilling von Canstadt à la Bibliothèque de l'Institut,— T'P, XXVII, 1930, стр. 128—132; P. Aalto, Prolegomena to an edition of the Pañcarakṣā,— Studia Orientalia Fennica, Helsinki, 1954, № 12; P. Aalto, Qutuɣ-tu Pañcarakṣā kemekü tabun sakiyan neretü yeke kölgen sudur, Wiesbaden, 1961; L. Ligeti,— AOH, XIV, 1962, стр. 314—328; G. Kara, Az öt oltalom könyve,— Лигети, Сборник, VIII, 1965 (транскрипция текста «Панчаракши» по рукописи Монг. 78 Венгерской Академии наук).

[67] N. Poppe,— AM, X, 1934, стр. 142—144; P. Aalto, Notes on the Altan Gerel,— «Studia Orientalia Fennica», XIV, № 6; W. Heissig, Blockdrucke, № 2, 57.

[68] См. прим. 62.

[69] О возможных вариантах чтения этого имени Deva, Dayu см.: N. Poppe, The Twelve Deeds, стр. 16.

[70] Дамдинсурэн, Сто образцов, стр. 164—165.

[71] Там же.

[72] L. Ligeti,— AOH, XIV, 1962, стр. 314—328.

[73] См. AM, X, стр. 142—144; хори-бурятская рукопись ЛОИВАН, I, 61 (переписана в Санкт-Петербурге в 1819 г.). Пекинские ксилографы и алтанханская версия (рукописи в Копенгагене и Будапеште см.: W. Heissig, Zur geistigen Leistung der neubekehrten Mongolen,— UAJ, XXVI, 1954, стр. 102—106 и G. Kara,— AOH, X, 1960, стр. 255, прим. 2) упоминают только о тибетском подлиннике.

[74] L. Ligeti,— AOH, XX, 1967, стр. 60.

[75] См. также T'P, XXVII, 1930, стр. 130—132 и W. Heissig, Blockdrucke, стр. 16—17.

[76] Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, стр. 25, 27, 30, 67; P. Pelliot — L. Hambis, Histoire des campagnes, стр. XV.

[77] Рашид-ад-дин, т. III, стр. 207.

[78] Юань ши, гл. 143. Из племени баяут, сын Табутая, из бедной семьи, времени Тоб-Темура (Вэньцзун).

[79] Юань ши, гл. 139. При императорах Вэньцзун и Шуньди.

[80] Юань ши, гл. 202.

[81] P. Pelliot, Les kouo-che,— T'P, XII, 1911; L. Ligeti,— UAJ, XXXIII, 1961, стр. 241—242.

[82] У Рашид ад-дина بخشی *baχši* «наставник» (II, 196).

[83] P. Pelliot, Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols,— AM, II, 1927, стр. 284—289.

[84] L. Ligeti, Trois notes sur l'écriture 'phags-pa,— AOH, XIII, 1961, стр. 235—237; А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 17—18.

[85] Б. Лауфер, Очерк монгольской литературы, Л., 1927, стр. 21.

[86] Ed. Chavannes,— T'P, IX, 1908, стр. 413—416; № LVII, pl. 27.

[87] P. Pelliot, Un rescrit mongol en écriture 'phags-pa,— G. Tucci, Tibetan painted scrolls, II, Roma, 1949, стр. 621—624.

[88] Н. П. Минаев, Путешествие Марко Поло, СПб., [б. г.], стр. 9.

[89] ТМ 38, см.: Т. Haenisch, Mongolica, II, факсимиле А 10; текст см.: Лигети, Сборник, I, стр. 142—143. В современных древнеуйгурских текстах иноязычные слова пишутся нередко и в письме брахми. В более поздних монгольских книгах такую же роль играет тибетское письмо.

[90] Т 191, см.: E. Haenisch, Mongolica, II.

[91] Т II D 224, там же; Лигети, Сборник, I, стр. 130—132.

[92] «Советское востоковедение», т. II, 1941, табл. XIб.

[93] E. Haenisch, Mongolica, II, стр. 58, факсимиле D 5.

[94] Ed. Chavannes,—T'P, IX, 1908, стр. 407—408, № LIV, pl. 24.

[95] E. Haenisch, Mongolica der Berliner Turfan-Sammlung I. Ein buddhistisches Druckfragment vom Jahre 1312, Berlin, 1954; F. W. Cleaves,— HJAS, XVII, 1954, стр. 1—129; Лигети, Сборник, I, стр. 25—43.

[96] См.: А. Позднеев, Лекции, II, 43—64: Е. И. Лубо-Лесниченко, Ассигнации монгольского времени (по материалам Хара-Хото),— НАА, № 3, 1968, стр. 140.

[97] См. там же, стр. 30—43; L. Ligeti, Le «Po-kia-sing» en écriture 'phags-pa,— AOH, VI, 1956, стр. 1—52; словарь Мэнгу цзы юнь.

[98] Ю. Н. Рерих, Избранные труды, стр. 219; ЛОИВАН Монг. Е85 (Mongolica Nova 10); Ц. Г. Бадмажапова, Буквы «Хор иг», переведенные на санскритские, тибетские, монгольские, китайские и русские (рукопись; частично воспроизведена в кн. «Квадратная письменность», Л., 1940).

[99] Например, «Сокровенное сказание» — *qahan*, квадр. письм. *'ihe'en*, монг. арабск. письм. *behelei* вм. письм. монг. *qaγan, ibegen, begelei*.

[100] Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 235; L. Ligeti, Les anciens éléments mongols; G. Kara, Le dictionnaire étymologique et la langue mongole,— AOH, XVIII, 1965, стр. 9, прим. 28.

[101] L. Ligeti, Les fragments du Subhāṣitaratnanidhi mongol...

[102] P. Pelliot, Les mots mongols à l'h initial,— JA, juin 1925.

[103] В памятниках Золотой Орды, Чагатаидов, в уйгурской и арабской письменности.

[104] В надписи 1362 г., стк. 14, см.: F. W. Cleaves,— HJAS, XII, 1949, стр. 1—133; Лигети, Сборник, I, 70—82.

[105] В указе чагатаида Туглук-Темура, 1352 г. (ТМ 93), см.: Лигети, Сборник, I, 158—160.

[106] В надписи 1338 г., стк. 21, см.: F. W. Cleaves,— HJAS, XIV, 1951, стр. 1—104; Лигети, Сборник, I, стр. 59—66.

[107] См.: G. Kara, Sur le dialecte üjümüčin,— AOH, XIV, 1962, стр. 168—169. О существовании новых (вторичных) долгих гласных уже в середине XIII в. свидетельствует народная этимология названия племени ba'arin на основе глагола *bari-* «взять, брать» («Сокровенное сказание», § 41).

[108] Б. Я. Владимирцов, Следы грамматического рода в монгольском языке,— «Доклады РАН», 1925, стр. 31—34.

[109] О буддийских монгольских собственных именах (и об их сосуществовании с мусульманскими) в XV в. см.: P. Pelliot, Le Hōja et le Sayyid

Husain de l'Histoire des Ming,— T'P, XXXVIII, 1948, стр. 134—140 *(Maḥmūd, Gunaširi, Sukaširi, Dawadasiri = 'Ali sultān)*; см. также: H. Serruys, Early lamaism in Mongolia,— OE, X, 1963, стр. 189; Мин шилу, 1438 г., монах *Хамалашили = Qamalaširi* < инд. *Kamalaśrī.*

[110] H. Serruys, Early lamaism, стр. 190—1452 г., Саньдашили = Sandaširi ⟶? Samandaširi, инд. Samantaśrī см. Samandaširi в третьем документе в «Хуа и июй» (изд. Хэниш).

[111] Китайская транскрипция Цзяшилинчжэнь соответствует тиб. *Kyaširinčen* (или *Čya°*), восточно-тибетская диалектная форма письменного *Bkra-šis rin-čhen* (H. Serruys, Early lamaism, стр. 192), *Билаяшили* соответствует монгольскому *Birayaširi*, т. е. инд. *Prajñāśrī.*

[112] H. Serruys, Early lamaism, стр. 191—192.

[113] H. Serruys, Genealogical tables of the descendants of Dayan-Qan, Gravenhage, 1958.

[114] H. Serruys, Early Lamaism, стр. 202.

[115] G. Huth, Geschichte des Buddhismus in der Mongolei, Bd II, Strassburg, 1896, стр. 223.

[116] Там же.

[117] См. прим. 73.

[118] Перечень известных переводов Шришиласвараба Ширегету гуши чорджива см.: W. Heissig, Eine kleine mongolische Klosterbibliothek aus Tsakhar,— «Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums in Bern», XLI—XLII, 1961—1962, стр. 557.

[119] Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах, II, стр. 231.

[120] W. Heissig, Beiträge zur Übersetzungsgeschichte des mongolischen buddhistischen Kanons, Göttingen, 1962, стр. 5—18.

[121] W. Heissig, Neyiči toyin. Das Leben eines lamaistischen Mönches (1557—1653),— «Sinologica», III, 1953, IV, 1954; W. Heissig, A Mongolian source to the lamaist suppression of shamanism in the 17th century,— «Anthropos», XLVIII, 1953.

[122] Библиографию см.: W. Heissig, Familien- und Kirchengeschichtsschreibung, I.

[123] L. Ligeti, Catalogue du Kanjur mongol imprimé, Budapest, 1942—1944; W. Heissig, Blockdrucke, стр. 39—43, 83—99; Rintchen, Catalogue du Tanjur mongol imprimé, I, New Delhi, 1964.

[124] Б. Ринчен, Ойратские переводы с китайского,— RO, XXX, 1966, стр. 61; M. Taube, Tibetische Handschriften, Wiesbaden, 1966, Bd IV, указатель: *Blo-bzaṅ 'phrinlas.*

[125] *Altan tobčiya*, см.: W. Heissig, Familien- und Kirchengeschichtschreibung, стр. 171—191.

[126] *Bolor erike*, см. там же, стр. 198—200.

[127] R.-A. Stein, Recherches sur l'épopée et le barde au Tibet, Paris, 1959, стр. 9—42.

[128] C. Damdinsürüng, Saran kökügen-ü namtar, Улан-Батор, 1962.

[129] W. Heissig, Blockdrucke, стр. 1—2.

[130] Лигети, Сборник, I, стр. 11—14.

[131] Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей РАН от проф. А. Д. Руднева,— ИРАН, 1918, стр. 1552—1553; Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов, стр. 45; Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 119—121; N. Poppe, Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache,— AM, I, 1924, стр. 608—675.

[132] ЛОИВАН, Монг. I 122, этикетка, о которой упоминал и Б. Я. Владимирцов («Сравнительная грамматика», стр. 36, см. ниже). Похожие знаки встречаются на уйгурских печатных фрагментах юаньского периода.

[133] ЛОИВАН, Монг. В38, колл. Жамцарано, III, 125а: *Jalbaril jedker mör ariluγsan orosiba*, 13 лл.

[134] ЛОИВАН, Монг. B1, ойр. рукопись, буддийская молитва, 10 лл.; B152, монг. рукопись из колл. П. Фролова, 1818 г., гадательная книга, 24 л.; см. еще B 58, 107, 117.

[135] B36, см.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, № 29.

[136] ЛОИВАН, Монг. H 102 (см.: W. Heissig, Blockdrucke, № 208), 1813 г.

[137] ЛОИВАН, Монг. H 164, колл. Руднева 72, стихи Р. Номтоева. См.: Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, стр. 1557.

[138] ЛОИВАН, Монг. G 46, *Kitad jiruqay-yin sudur,* 16+22 тетрадей; предисловие монгольского перевода 1711 г. (Канси 50).

[139] Краткий очерк по истории монгольских почерков дал Б. Я. Владимирцов («Сравнительная грамматика», стр. 32).

[140] Ц. Ж. Жамцарано, Монгольские летописи XVII в., Л., 1936, стр. 14, 35, 55.

[141] Там же, стр. 60; Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, № 13.

[142] Н. Поппе, Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения,— ЗИВАН, I, 1932, стр. 151—210 (далее — «Описание»).

[143] ЛОИВАН, Монг. B 216 (Mong. nova, 107),— «Описание», стр. 166.

[144] ЛОИВАН, Монг. F 119 (Бурдуков, 17), B 214 (КДА, 122), C 432 (Радлов, 14), B 106 (Mong. nova, 108),— «Описание», стр. 172, 175, 185, 186.

[145] ЛОИВАН, Монг. C 352 (Mong. nova, 264),— «Описание», стр. 173.

[146] ЛОИВАН, Монг. B 231 (Ж 1911 : 19),— «Описание», стр. 173.

[147] ЛОИВАН, Монг. D 25, B 136, F 36 (Ж 1911 : 8, 11, 12),— «Описание», стр. 177, 174.

[148] В работах Х. Пэрлээ, Ш. Нацагдорж, Б. Ринчена, Ц. Дамдинсурэна.

[149] Библиографию см.: W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten.

[150] W. Heissig, Blockdrucke, стр. 7—8.

[151] См., например, W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, № 28; «alte Mönchhandschrift».

[152] Монгольские переводы из Библии, см.: Б. Лауфер, Очерк, стр. 90.

[153] О деятельности южномонгольских издательств, особенно пекинского Монгольского печатного двора, см.: J. B. Krueger, *The Mongγol Bičig-ün Qoriy-a,*— «Collectanea mongolica», Wiesbaden, 1966, стр. 109—115.

[154] Они печатались в Русско-монгольской типографии в Урге во время монгольской автономии, с 1913 г.

[155] В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, СПб., 1892, табл. XLV, 1. Надпись датируется по китайской части 1348 г. (эра чжичжэн, год уцзы, осень, первый день восьмого месяца), носит заглавие «Линбэйсин ючэн-ланчжун-цзунгуань шоулянцзи» («Записка главного администратора начальника департамента правого министерства в Каракорумской провинции о хлебодаче»). Монгольская надпись состоит из пяти строк, китайская — из 22. В начале монгольского текста *(yekes orda-sun|'Ümegei čin-ong-uun medelün Köke balγasun-a...)* упоминается известный из юаньской истории Hümegei, см.: P. Pelliot — L. Hambis, Histoire des campagnes, I, стр. 243; L. Hambis — P. Pelliot, Le chapitre CVII du Yuan che, Leiden, 1945, стр. 159; L. Hambis, Le chapitre CVIII du Yuan che, Leiden, 1954, стр. 11—12.

[156] Эти и следующие цифры T. TM указывают фрагменты берлинского турфанского собрания, факсимиле см.: E. Haenisch, Mongolica, II, Berlin, 1959.

[157] TM 92 (M 683), E. Haenisch, Mongolica, II.

[158] См.: Лигети, Сборник, IV, 1965, стр. 58—63.

[159] См.: Лигети, Сборник, IV, стр. 66—85.

[160] А. М. Позднеев, Новооткрытый памятник монгольской письменно-

сти времен династии Мин,— «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 367—386, табл.; Лигети, Сборник, IV, стр. 86—90.

[161] Неполное факсимиле: Raghu Vira, *Manjuśri-Nāma-Sangīti* in Mongolian, Tibetan, Sanskrit and Chines (Sata-Pitaka Series, vol. 18), New Delhi, [б. г.]; колофон: W. Heissig, Beiträge zur Übersetzungsgeschichte, стр. 23—24; полный текст в транскрипции: Лигети, Сборник, IV, стр. 130—156; см. также: Д. Цэрэнсодном, Ч. Алтангэрэл, Турфаны цуглуулгын, ТМ 40,— «Studia Mongolica», V : 6, Улан-Батор, 1965.

[162] Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах; W. Heissig,— UAJ, XXVI, 1954, стр. 107; Лигети, Сборник, IV, стр. 177—180.

[163] W. Heissig, Blockdrucke, № 1.

[164] Монг. *Lubsangbsinba* отражает вост.-тиб. произношение тиб. письменной формы *Blo-bzaṅ sbyin-pa*. О тиб. *by>bš-* см.: A. Róna-Tas, Tibeto-Mongolica, Budapest, 1966, стр. 116.

[165] L. Ligeti, Deux tablettes,— AOH, VIII, 1958, стр. 201—239.

[166] W. Heissig, Blockdrucke, стр. 1, 11.

[167] O. Franke — B. Laufer, Lamaistische Kloster-Inschriften aus Peking, Jehol und Si-ngan, Berlin, 1914, pl. 8.

[168] Факсимиле см.: «Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период», М., 1967, стр. 131.

Текст:

ôm sayinamuγulang bolṯuγai. tende Čaγan qan ekilen bügüdeger mendü bei ǰ-e. ende Ḏayičing qan bi ekilen qamuγ-iyar [или -γar?] *mendü bida: qoyar qan-i mendü medeküyin učir tere: tegün-ü qoyin-a üge-yin učir ene* [:] *urda Qaram čigi dayin ta čigi dayin belei* [вставка вычеркнута]: *tegün-ü qoyina t* [?] *ken kenetani-i* [?] *el bolulai bida* [:] *tegün-ü qoyin-a tan-i elči Sbon uulu yaban Qas bolod qoyar tan-i ǰarliγ mandu kürgeǰi irebe: tan-i üge-ber bolba bida* [:] *čini (yambar) üiley-yi qoyina medegei* [оттиск круглой печати над словом:] *bida* [?] *bida elčii bidan-i öḏṯer ilege.*

Перевод:

«Да будет благополучие! Белый хан и все остальные, [вы] там, наверно, здоровы. Дайчин хан и все другие, мы здесь здоровы. Смысл [предыдущих слов] такой: узнать (или: известить) о здоровье двух ханов. Смысл слов, которые следуют далее, эдакий: прежде и Крым и вы были враждебны [с нами], но потом с каждым из вас мы стали союзниками. После того Ваш посланник Сбон-уулу-ябан (искаженная форма имени русского посла) и Хасболод привезли нам ваш приказ. Мы поступили по вашему слову. Пусть мы узнаем в дальнейшем о любых твоих делах. Пришли скорее нашего посланника!»

[169] ЛОИВАН, Монг. F324, 337—339. См.: W. Heissig, Blockdrucke, № 88.

[170] См.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, № 26.

[171] См.: AM, X, 1934, стр. 142—144; W. Heissig, Blockdrucke, № 2; ЛОИВАН, Монг. К 20 (КДА, 168; из собрания О. М. Ковалевского).

[172] Дамдинсурэн, Сто образцов, стр. 166.

[173] См.: W. Heissig, Zur Bestandsaufnahme und Katalogisierung mongolischer Handschriften und Blockdrucke in Japan,— UAJ, XXXVIII, 1966, стр. 77—78, PLB 9B; ЛОИВАН, Монг. I 69—заглавие, *Qutuγ-ḏu bañja-ra-gṣa kemekü neretü sudur orosi-ba* и китайские маркировочные знаки соответствуют пекинскому ксилографу PLB 9B, но размеры ближе PLB 9C: 53,5×18,8 (46,3×13,5), конец XVII в.

[174] См.: W. Heissig, Zur Bestandsaufnahme, стр. 78. Цитированный В. Хейсигом по микрофильму (колл. Рагу Вира, Нью-Дели) ксилограф ЛОИВАН, Монг. Н 306 в действительности не пекинское, а бурятское издание Агинского дацана (размеры: 50×11,5 и 24×10 *см*, 30—31 стк.; 273+1 л), *Čaγan linqu-a neretü yeke kölgen sudur orosi-ba* является, по свидетельству

колофона, переизданием пекинского ксилографа 1711 г. Настоящий пекинский ксилограф, по-видимому не вошедший в описание В. Хейсига, мне известен по экземпляру ЛОИВАН, Монг. К 16, *Čaγan linqu-a neretü sudur orosibai* (62,6×23 и 51,5×17,8 *см,* 271 л., 30 стк./стр., китайских маркировочных знаков на полях листов нет, также нет монгольского колофона. По почерку — конец XVII — начало XVIII в.).

[175] W. Heissig, Blockdrucke, табл. IX.

[176] ЛОИВАН, Монг. В 161, бурятский ксилограф Чикойского дацана (получен весной 1829 г.), *Gga-a-ggyur-un* [*-bGa-'gyur-un*] *jirüken-ü quriyang-γuy-yin toγta-γal oro-si-bai,* 11 л.; С 335(1), бур. ксилограф «гармоникой» *Eserua Qormusta tngri edügeki čaγ-un bayid*[*a*]*l tuqay-yi singjilen ünen nomlaγsan nom orosibai,* 18 л.; В 129, гусиноозерская печать, *Šajin badaraγuluγči eke,* 6 л.; В 223(1), ксилограф «Получ. от Данчжин-Чойван-Дорчжия-Цзамцуева. 9-го апреля 1829 года, при Гусиноозерских кумирнях. Осип Ковалевский». *Itegel sudur oro-siba,* 7 л.

[177] ЛОИВАН, Монг. В 213, ксил. Чицановского дацана, с печатью Г. Гомбоева, 1885 г.; *Čiqula sanvar-un sudur orosibai,* 15 л.; Н 306 — см. выше, прим. 174.

[178] ЛОИВАН, Монг. Н 277, описание ада, часть (*tha,* 10) тибето-монгольского ксилографа, которая носит тибетское заглавие *Sems-čan gan-dan srog-gčod-nas ša-phrag zos-pa'i dmyal-pa'o,* 4 л.; о более полных экземплярах (Улан-Батор, Стокгольм, Марбург) см.: W. Heissig—K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, № 137.

[179] ЛОИВАН, Монг. В 199 (231), см. «Описание», стр. 173: «Почерк характерно южномонгольский».

[180] ЛОИВАН, Монг. F 43 (Ж. III, 86): *Jarliγ-iyar soyurqaγsan Buyan ibegegči süm-e-yin gegen-ü ayiladduγsan Güng-ün juu-yin gegen-ü surγal orošiba,* 25 л.; стихотворные наставления Ишидандзинванджала см.: Дамдинсурэн, Сто образцов, № 84.

[181] ЛОИВАН, Монг. F 129 (Владимирцов, II, 4), *Olan daγu-u* [*=daγun-u*] *debter ene amui* [Сборник песен, 1909 г., 12 л.].

[182] ЛОИВАН, Монг. В 117 (Ж. III, 14), см.: «Описание», стр. 176 (старый шифр: В 135).

[183] ЛОИВАН, Монг. В 206 (Ж. III, 58), стихи, конец отсутствует, рукопись «гармоникой».

[184] Batuvčir, *Mongγol üsüg-ün mördel daγuriyaqu üliger,— «Mongγol kele bičig-i sayijiraγulqu bodulγ-a-yin ögülel»,* № 4.

[185] Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 119. В самом деле эти буквы *qi* обозначали звуки *ki* уже задолго до этой реформы, ведь в ксилографическом фрагменте 1312 г. *qi* (и не *qï*) встречается рядом с *ši* (*š* с диакритическими точками), подтверждая, что велярного гласного *ï* там не было (палатализация *si*>*ši*), а без этого гласного маловероятно и пережитие велярного аллофона *q* в данном положении (хотя, как показывает язык афганских моголов, возможность такого развития не исключена).

[186] ГПБ, Улан-Батор, Монг. рукопись № 16783; первая половина XVII в. Отрывок текста издан в транскрипции: Лигети, Сборник, IV, стр. 91—129.

[187] См. выше, прим. 161.

[188] ИРАН, 1918, стр. 1550.

[189] Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 38, № 33.

[190] *Qaγan-u bičigsen Manju ügen-ü toli bičig,* 1717 г. ЛОИВАН, Монг. F317, ксилограф, 20 тетрадей в 2 футлярах; 1711: *Kitad-un jiruqai,* 1711 г. (см. выше, прим. 137); *Enduringge tačixiyan-be neyileme badarambuγa bitxe. Boγda-yin surγal-i sengkeregül-ün badaraγuluγsan bičig,* 1724 (дата предисловия) ЛОИВАН, Монг. G 54.

[191] Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов, стр. 53.

[192] Там же, стр. 55.

[193] Или: «Я не сочинил такого, чего раньше не было. Покажи мне эти буквы, приводя...» *(uridu ügey-yi ende ǰokiyaγsan busu... abču ireǰü nadur ǰaγaǰu ög)*(L. Ligeti, Catalogue du Kanǰur mongol imprimé, № 183; Лигети, Сборник, V, стр. 250).

[194] W. Heissig, Zur geistigen Leistung,— UAJ, XXVI, 1954, стр. 106.

[195] Факсимиле рукописи Жамцарано, III, 130, издал P. Aalto; *Qutuγ-tu Pañcarakṣā*, Wiesbaden, 1961.

[196] Лигети, Сборник, VIII; вторая часть колофона рукописи Библиотеки Университета иностр. языков г. Осака издана в транскрипции В. Хейсигом (Zur Bestandsaufnahme, стр. 82—84, pl. 2—7).

[197] По словам *ǰirüken-ü tolta-yin tayilburi: deger-e inu qoyar čikin metü bičiged.* «Флажок», см.: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 78 («крючок» у буквы *p* — диакритический знак тибетского происхождения).

[198] См.: B. Csongor, Chinese in the Uighur script of the T'ang period,— AOH, II, 1952, стр. 73—121.

[199] G. de Roerich, Tibetan loan-words in Mongolian,— Ю. Н. Рерих, Избранные труды, стр. 248—254.

[200] См. в китайско-монгольских надписях XIV в., где монгольский текст в уйгурском письме.

[201] Библиографию см.: «Очерки истории Калмыцкой АССР», стр. 410—413.

[202] См. прим. 109—111.

[203] Как и монголы раньше, в XV—XVI вв. на западных краях бывшей империи. См. также мусульманские имена: P. Pelliot, Notes critiques d'histoire kalmouke, Paris, 1960, Texte, стр. 16 *(Maḥmūd*, XV в.), стр. 48 *(Nazar-Mamut*, XVII—XVIII вв.).

[204] Осенью 1661, предпоследнего года его жизни, он отказался от перевода книг; перечисляя «жанры», которые он уже дал в переводе своим соотечественникам, он шутливо говорил: «во-первых, я больной, во-вторых, стар и близок к смерти, поэтому я хочу созерцать — не мучьте старика!» *(nigēr ebečiteiχoyorār nasutai ükükïi-dü šidar müni tula: bišilγal üyiledeye öbögön kümüni bü zobō kemēn šoqloχu metü zarliq bolboi,*— ЛОИВАН, Монг. С 413, рукопись колл. Бурдукова, 4, л. 25б; ср. «Corpus Scriptorum Mongolorum», Улан-Батор, 1959, V, стр. 32; *minu bey-e nigen-iyer ebedčitei. qoyar-iyar nasutai. ükükü oyiraduγsan tula bisilγal üileddüy-e: ebügen kümün-i buu ǰoboγ-a kemen ülü oyisiyaqu metü ǰarliγ bolbai:).*

[205] ЛОИВАН, Монг. С 413, *Rab-'byam Ja-ya paṇḍitayin touǰi sarayin gerel kemēkü orošiboi*, 42 л.; по словам колофона (41б—42а): *öböriyin oyoun-yēr todorχoi medekü küčün ügei bolboču: öbörōn üzen sonosun asaγuq-sani küčün-dü šütüǰi ügeyin erike üzü-giyin utusun-du kel-kin üyiledēči gelong gsol-dpon Radna-bha-dra bui: üzüq-tü Rinčen [42a] kā baqši cūsun-du uralan bičibei::* «Хотя не в силах [все] точно знать своим умом, однако, опираясь на то, что [он] (-я) сам видел, слышал и спрашивал, лама гсолдпон Ратнабхадра [является тем, кто] нанизал ожерелье слов на нитку пера. Писец, паж и наставник Ринчен искусно записал на бумаге». Отрывки этого важного сочинения были изданы в работах Г. С. Лыткина, А. М. Позднеева, К. Ф. Голстунского и т. д.; оно было использовано Б. Я. Владимирцовым («Общественный строй»); известны два неизданных русских перевода (см.: И. И. Иориш, Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда, М., 1966, стр. 123, № 377, стр. 103, № 309). О ленинградских ойратских рукописях биографии см.: А. В. Бадмаев, Зая-Пандита (Список калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»), Элиста, 1968.

Недавно в Западной Монголии (см. RO, XXX, стр. 59—73) найдена ойратская рукопись, которая издана в 1967 г. в Улан-Баторе вместе с «Историей» Габан-Шараба и другими памятниками ойратской письменности («Biography of Caya Pandita in Oirat characters»,— «Corpus Scriptorum Mongolorum»,

V, 2—3, 1968). Стиль и язык сочинения свидетельствуют о сильном тибетском влиянии (см., например, широкое употребление слова *üyiled* «делать» в качестве «вспомогательного» глагола типа тиб. *byed-pa).*

[206] Ойрат. *todorχoi üzüq.* В позднейших работах пишут обычно *todo bičiq.*

[207] Дословно: «[он] широко сочинил благопожелания по случаю Белого Месяца (Нового года)».

[208] Первое из этих сочинений исторического жанра, остальные («Книга отца», дидактический трактат, и «Книга сына», легенды) входят в состав сочинения «Гадам легбам» («Книга наставлений»). См.: А. И. Востриков, Тибетская историческая литература, М., 1958, стр. 206—207.

[209] ЛОИВАН, Монг. С 413, л. 7а: *tere zun Zöün-γar Bātur χung tayiǰi-yin dēre zusabai: tere ǰiliyin übül Abala tayiǰi Čuyidu χamtu übülǰibei: tere χuluγana ǰi-liyin übül todorχoi üzüq zokōn üyiledbei: caγān sarayin irōl delge-renggūi üyiledün: Bodhi mör Pha-čhos Bücos terigüüten gün nom-noγoudi aγui yeke nomlon: šaǰin erdeniyigi mandoulun üyiledüqsen bui.* См. также Д. А. Павлов, К вопросу о создании «Тодо бичиг»,— «Зап. НИИЯЛИ при Сов. Мин. Калм. АССР», № 2, 1962, стр. 109—132; Н. Поппе, Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов (Kalmyk Monograph Series, 2, Kalmyk-Oirat Symposium, Philadelphia, 1966), стр. 57—72; Н. Поппе, Об отношении ойратской письменности к калмыцкому языку (там же, стр. 191—210); А. Бадмаев, Роль Зая-Пандиты.

[210] См.: P. S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs in 1771sten Jahr. Zweiter Theil. Zweytes Buch, СПб., 1773, стр. 544—552, табл. X—XIII; Петра Симона Палласа... Путешествие по разным местам Российского государства..., ч. II, кн. 1, СПб., 1786, стр. 259—271: описание «Аблакита»; Л. С. Пучковский, Собрание монгольских рукописей и ксилографов,— УЗИВ, IX, 1954, стр. 91, 92—93.

[211] См.: Л. С. Пучковский, Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей,— «Советское востоковедение», II, 1941, стр. 269; W. Heissig, Blockdrucke, № 24; W. Heissig, Eine kleine Klosterbibliothek aus Tsakhar, стр. 571—576. Дата перевода, по пекинскому ксилографу 1712 г., соответствует 1643—1644 гг. (ошибка *ere temür bečin* вм. *ere modun bečin* исправлена В. Хейсигом: год железа не может следовать непосредственно после года воды — *eme usun qonin,* ведь порядок стихий: дерево, огонь, земля, железо, вода, дерево...). Переписчиком указан у В. Хейсига *Ombo samura,* но в действительности *samura* обозначает не писца, а его орудие, монг. *sambara, sambura,* ойр., калм. *самр* «доска», на которой пишут (см. ниже). В рукописной версии этого сочинения («Maṇi 'ga-a-'bum», вторая половина XVII в., колл. Жамцарано, III, 129а, ЛОИВАН, Монг. К 14, всего 236 л. 22×60 и 17,4×47,7 *см,* 26 стк./стр.) встречается другой писец: *uran Qonǰin terigülen samuradaγad* «после того, что искусный Хонджин и другие записали на доске...», где глагол *samurada* от слова *samura* «доска», как *sigür* «метла»>*sigürde* «мести метлой». Этот простой, но не регистрированный в наших словарях и появляющийся здесь в ойратской форме глагол (ср. халха-монг. *самбардах)* меня также ввел в заблуждение, когда я изучал послесловие заяпандитского перевода «Сутры золотого блеска» (АОН, X, 1960, стр. 255—261) и ошибочно пытался сопоставить этот глагол со словом *samur* «мешать», *samurda* «схватывать» как синоним к глаголу ойр. *šöü* «схватить; очищать, цедить». Неправильно переводит этот глагол и В. Хейсиг (Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, № 274) как ойратскую форму от монгольского глагола samaγura «суетиться, путаться» (стр. 158: «War voller Unruhe...»).

[212] См.: Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958 (факсимиле после стр. 170 и приложения 2—3).

[213] ЛОИВАН, Монг. Q1, рукопись, 387 л. (45,5×19 и 38×15 *см;* 24 стк./
 стр.), *Qutuγ-tu bilig-ün čiṉadu kürügsen naiman mingγan-tu,* т. е. *Ārya aṣṭasā-*

hasrikā prajñāpāramitā. Вот образцы из текста в сопоставлении с изданием 1707 г., которое содержит перевод Самдансенге (ЛОИВАН, Монг. К 4, см.: PLB, № 11):

Q1	К 4
(2a) *eyin kemen minu sono-* *suγsan nigen čaγ-tur:* *ilaγ-un tegüs ülegsen* *burqan Qaγan-u qarsi* *Qaǰir tas čoγčalaγ̄san* *aγulan-ṯur saγur-un:* *mingγan qoyar ǰaγun tabin* *yekes gêlong-ud-un* *quvaraγ-luγ-a qamtu* *nigen-e:* *tedeger ču dayini darun:* *čuburil baraγ̄san:...* *ṉasu tegülder* (15*a*) *Şari-yin köbegün* *ēyin kemen öčir-ün:* *ilaγ̄-un* (*tegüs̄-ün*) *ülegsen a* *bodi-sadu-a ma'ha-a-*(*sadu-a*) *ṯere meṯü surbas̲u̲* *ṉom aliṉ-a suruγ̄san bui:*	(2a) *eyin kemen minu sono-* *suγsan nigen čaγ-tur:* *ilaǰu tegüs nögčigsen* *burqan: Ranǰagirq-a balγasun-u* *Gadarigud* *aγula-dur: ayaγ-q-a tegimlig* *mingγan qoyar ǰaγun* *ayaγ-q-a tegimlig-üd-ün* *yekes quvaraγ-ud-luγ-a* *nigen-e qamtu saγun bülüge::* *bügüdeger ber dayini daruγsan:* *čuburil baraγsan:...* (10a)... *amin qabiy-a-ḏu* *Şari-budari* *eyin kemen öčibei:* *ilaǰu tegüs nögčigson a* *bodisdv maqasdv-nar* *tere metü surulčaqu bolbasu.* *ali-nom-ud-tur surulčaγdaqui:*
ṉilq̄as över-e över-e törölkiten *soṉosqui-ṯur ese tegüsügsen-ü* *tula yamaru ilete bütügsen* *tegünčilen kü bui busu amu:*	*bertegčin aran ker ilete böged* *tačiyaqu metü tegünčilen kü* *bui busu bolai:*
qoyar kiǰaγ̄ar-tur siṉuγ̄san- *iyar:...* *irege edüi nom-ṯur seǰiglemüi:*	*qoyar kiǰaγar-tur ilete* *tačiyaǰu:...* *irege edügül nom-ud-tur* *qomoslayu:*

[214] ЛОИВАН, Монг. I 111—121 (колл. Малова), см.: В. Котвич,— RO, II, 1925, стр. 240—247; RO, XVII, 1950—1953, стр. 439; Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 38, № 36; Ю. Н. Рерих, Избранные труды, стр. 217.

[215] ЛОИВАН, Монг. К 27, 29, 30 и т. д., фрагменты из рукописного Ганджура, листы большого формата (68×24 *см* и т. п.).

[216] См. прим. 168.

[217] И, как известно, маньчжурский диакритический знак *фука* «кольцо» обозначает глухие щелевые (*x*, χ в отличие от соответствующих смычных *k*, *q*) и велярность гласного *u*(*-ы*) в транскрипциях китайских слов.

[218] Однако нередко встречается сокращение *o* вместо *ö*, например, *koko* вместо *kökö* «синий», но буква *k* здесь обеспечивает палатальное чтение.

[219] См. выше, прим. 211; *ertenēse* вместо *erten-ēce* «с давних пор», *zarliγ-āsa* вм. *zarliq-ēce* «от приказа». Такие формы встречаются и в биографии Зая-пандиты (ЛОИВАН, Монг. С 413).

[220] См.: Г. Кара, Четыре дархатские песни,— КСИНА, № 83, 1964, стр. 124.

[221] См.: H. A. Zwick, Handbuch der westmongolischen Sprache (Villingen a. Schwarzwald, [б. г.]) или его же, Grammatik der westmongolischen das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache (предисловие, Königsfeld, 1851), стр. 2—3.

[222] См.: А. [А.] Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 375—384; *Olon nomiyin ündüsün üzügiyin ilγal orošiboi,* 5 л., факсимиле в «Corpus Scriptorum Mongolorum», V : 2, Улан-Батор, 1959, в приложении к изданию уйгуро-монгольской транскрипции текста биографии Зая-пандиты. В обеих версиях путаются некоторые буквы (*d* и *t, c* индийский и *č* тибетский и т. п.).

[223] В ойратской каллиграфии «хвост» часто пишется немного оторванным от вязи (оси), образуя с ней небольшой разрыв.

[224] См.: Цай Мэйбяо, Юаньдай байхуабэй цзилу, Пекин, 1955, табл. 2: F. W. Cleaves, The Sino-Mongolian inscription of 1240,—HJAS, XXIII, 1960—1961, стр. 62—73, табл. I—II; Лигети, Сборник, I, стр. 17.

[225] См.: E. Haenisch, Mongolica, II; Лигети, Сборник, I, стр. 150—163.

[226] Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 36, № 17; Л. С. Пучковский,— УЗИВАН, IX, 1954, стр. 126 и сл.; F. W. Cleaves, An early Mongolian loan contract from Qara qoto,— HJAS, XVIII, 1955, стр. 1—49.

[227] Подорожная 1326 г., см.: Лигети, Сборник, I, стр. 150; T. Haenisch, Mongolica, II, 29, B 1.

[228] Подорожная 1353 г., там же, стр. 33, B 8.

[229] ЛОИВАН, Монг. F 287 (колл. IX, 1016), рукопись, 5 тетрадей, *Čing-liyang-šan aγulan-u sin-e ǰi bičig* (ср. F 299).

[230] См.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 177—190.

[231] См., например, ЛОИВАН, Монг. E 239, собрание разных документов первой четверти XIX в. (Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 254).

[232] Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов, стр. 54: «Приблизительно в конце XVIII и начале XIX века по Халхе распространяется новый почерк монгольского письма, новоя манера писать монгольским письмом; этот почерк и манера, по-видимому, не были выработаны самими халхасцами, а заимствованы ими с юга, где возникли под влиянием развившейся тогда манджурской скорописи. С той поры халхасцы и пишут этим разгонистым, резким почерком, который можно назвать почерком „современной скорописи“». В дальнейшем Владимирцов приводит орфографические особенности, сопутствующие данному почерку. Можно добавить, что, по всей вероятности, маньчжурская скоропись или по крайней мере сильный курсив существовали уже в первой половине XVIII в. и были в употреблении и во внешнемонгольских (халхаских) канцеляриях. Следует сказать и то, что «на юге» также было несколько монгольских и, без сомнения, маньчжурских почерков. См. также: Ринчен, Монгол бичгийн хэлний зүй. Удиртгал, Улаан-Баатар, 1959, стр. 118—120; примеры скорописи в его же книге: Монгол бичгийн хэлний зүй. Дэд дэвтэр, Улаан-Баатар, 1966, стр. 16. О ярко выраженном маньчжурском курсиве см., например, Икегами Дзирō, Карафуто-но Найоро буншу-но манджубун,— Хоппо бунка кенкю, 3, Саппоро, 1968, стр. 191.

[233] См.: P. Pelliot, Les Mongols et la Papauté,— «Revue de l'Orient Chrétien», III, 1922—1923, стр. 24—27; Лигети, Сборник, I, стр. 18.

[234] См.: O. Franke — B. Laufer, Lamaistische Kloster-Inschriften, I, табл. 1.

[235] O. Franke — B. Laufer, Lamaistische Kloster-Inschriften, I, табл. 24; надпись в монастыре Чжэнцзюесы, 1761 г.

[236] См., например, А. М. Позднеев, Пять китайских печатей,— ЗВОРАО, IX, 1896, стр. 280—290 (маньчжурский печатный шрифт, 1736 г.), или титульный лист «Полного маньчжурско-русского словаря» И. Захарова (СПб., 1875).

[237] ЛОИВАН, Монг. I62, пекинский ксилограф 1851 г., *Čindamani-yin erike,* биография Чжанчжа-хутухту, автор Ишидамбаджалцан, см. PLB, № 212.

[238] См.: Ринчен, Монгол бичгийн... Дэд дэвтэр, стр. 35—43; Batu-včir, *Mongγol üsüg-ün mördel.*

[239] ЛОИВАН, Монг. I 17 (колл. 11, 42), один лист с 9 схематичными, мало отличающимися друг от друга изображениями охранителей и с краткими ойратскими объяснениями, например *ongγod čidküriyin zasal tiireng (zā-zā)* «знак (zā-zā) для онгонов, заколдованных трупов и одноногих бесов» (рукопись XVIII—XIX вв.). Интересный памятник смешения ламаистского и шаманского культов.

[240] См., например, «трехногий» знак, похожий на тибетскую букву *ka,* в рукописи конца XVIII в., ЛОИВАН, Монг. В 28: *bey-e sakiqu buu* «знак (*buu* ⟵ кит. *фу* «амулет») самозащиты». Ср. R. de Nebesky-Woikowitz, Oracles and Demons if Tibet и W. Heissig, Ein mongolisches Handbuch für die Herstellung von Schutzamuletten,— Tribus, XI, 1962.

[241] См., например, в ойратской рукописи ЛОИВАН, Монг. В 223 (колл. Очирова, 9), начало XIX или конец XVIII в., в которой кроме знаков *(bu),* подражающих индо-тибетским буквам, встречаются и похожие на сложные китайские идеограммы; там же виден «знак для утешения плачущего ребенка», по-видимому схематическое изображение колыбели. В бурятской рукописи ЛОИВАН, Монг. В 298, *Aliba sibaγun-u ger-d̲ür oroquy-yi üjekü (sic!)* или в рукописи Монг. С 245, *N̲ayan n̲igen maγu iro-a-yin ǰu'il en̲e bui* (XIX в.) преобладают сложные знаки, подражающие китайским. О похожих даосских магических знаках см.: H. Doré, Recherches sur les superstitions en Chine. La lecture des talismans chinois, ч. 1, т. V, Шанхай, 1932, где даются объяснения к № 1—2, ч. 1 (Шанхай, 1911).

[242] О монгольских тамгах см.: Г. Сухбатор, О тамгах и имах табунов Дариганги,— «Studia Mongolica» 1 : 6, Улан-Батор, 1960, 21 стр., 1 табл.

[243] См., например, Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, рис. 10, вторая подпись (у первого оттиска печати): *ǰasedatel ǰayisang Radnadorǰiyin* (заседатель зайсан Радна Доржиев), или последняя подпись: *Barung Qarγan-a-yin γoloba Tanar (?) D̲ileg-ün* (глава Барун-харганатского рода Т. Дылыков).

[244] *Rgya-dkar-nag rgya-ser ka-smi-ra bal bod hor-gyi yi-ge daṅ dpe-ris rnam-graṇs maṅ-ba bžugs-so* или по краткому названию *Yi-ge.*

[245] Sarat Chandra Das, The sacred and ornamental characters of Tibet,— JASB, LVII, 1888, pt I, стр. 41—48, табл. 9. См.: А. М. Позднеев, Лекции, II, стр. 191.

[246] M. Taube, Tibetische Handschriften, Wiesbaden, 1967, № 2929; A. Yuyama, Indic mss and Chinese blockprints (non-Chinese texts) of the Oriental Collections of Australian National University Library, Canberra, 1967, стр. 84—100. Автор по Таубе: *Lčaṅ-luṅ ārya paṇḍita Ṅag-dbaṅ blo-bzaṅ bstan-pa'i rgyal-mchan,* начало XIX в.

[247] B. Rintschen, Zwei unbekannte mongolische Alphabete aus dem XVII Jahrhundert,— AOH, II, 1952, стр. 63—72; G. Kara,— AOH, IX, 1959, стр. 1—38.

[248] Bičigeči Ṅags-dbaṅ čhos-rǰe, *Soyombo üsüg-ün udq-a-yi negegči Janabajar-un taγalal-un čimeg.*

[249] Санскр. *Jñānavajra,* тиб. *Ye-šes rdo-rǰe; Öndör gegen, Ebügen qutuγtu;* его монашеское имя: Лубсан-Бамбо-Чжалцан *(Blo-bzaṅ dbaṅ-po rgyal-mchan).*

[250] См.: А. М. Позднеев, Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта, СПб., 1880, стр. 5—10; C. R. Bawden, The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga, Wiesbaden, 1961.

[251] Монгольский раздел алфавита: 1. гласные — *a, ā; i, ī; e, ē; ü, ṻ* (тиб. *u, ū*); *u, ū* (только в монг.); *o, ō; ö, ȫ* (только в монг.); *au, ai;*

2. согласные — *g* [=индо-тиб. *k*], *k*[=*kh*], *ṅ*; *j*[=*c*], *c*[=*ch*], *ñ*; *d*[=*t*], *t*[=*th*], *n*; *b*[=*p*], *p*[=*ph*], *m*; *y*, *r*, *v*, *l*; *š*, *s*, *h*, *gṣ*, *kṣ*; 3. *ag*, *ak*, *aṅ*, *ad*, *an*, *ab*, *am*, *ar*, *al*, *aš*, *as*, a^n[=? *ā̃*]. Буквы *ñ*, *p*, *v*, *h* и *gṣ* также не оказываются излишними для монгольских текстов, ведь они как знаки чужих фонем встречаются в буддийских текстах, а именно соответствующие знаки галика являются теми чужими буквами, к которым наиболее терпимо относится обычная уйгуро-монгольская графика XVII—XIX вв. Неизвестно, в каких случаях употреблялась конечная буква *k* и неясна функция слога a^n [*ā̃*, *ā˜* ?].

[252] Санскритский раздел: 1. *ri*, *rī* [=*ṛ*, *ṝ*], *li*, *lī* [=*ḷ*, *ḹ*], *aṃ*, *aḥ*; 2. *g*, *gh*; *j*, *jh*; *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*; *d*, *dh*; *b*, *bh*; *ṣ*; 3. лигатуры *ky*, *kr* и т. д.

[253] Тибетский раздел: *č*, *čh*, *ǰ*; *z*, *ž*, *'*; лигатуры.

[254] См.: Rinczen, Przegląd orient., № 3, 1955, стр. 319—324. Этот старинный знак стал символом независимости Монголии и украшает внутреннюю красную полосу государственного флага МНР.

[255] P. S. Pallas, Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, II, SPb., 1803, t. XXIII.

[256] J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien, II,— Halle — Berlin, 1814, стр. 540—541.

[257] А. М. Позднеев, Лекции, II, стр. 195—201. Там же о работах Д. Банзарова, А. Бобровникова и А. Уайли.

[258] Там же, стр. 196; А. М. Позднеев цитирует В. Григорьева, ссылавшегося на Аввакума.

[259] ЛОИВАН, Монг. С448, ксилограф из колл. Азиатского департамента.

[260] W. Heissig, Blockdrucke, № 74: *Ṛi-bo dge-rgyas dga'-ldan bšad-grub glin-gi spyod rab-gsal rigs-bsdus bžugs,* 246 л., колофон на лл. 244а—246а; о нашем «образчике» не упоминается, судя по размерам, речь идет о другом издании, зарегистрированном в каталоге И. Я. Шмидта и О. Бетлингка (Verzeichnis der Tibetischen Handschriften..., № 437). Как это отмечено В. Хейсигом (Blockdrucke, стр. 64, прим. 2), монгольский текст кишит опечатками.

[261] Должно было: *g*, *gh*; *ṭ*...; *j*, *jh*; *d*, *dh*; *b*, *bh*; *ṣ*; *č*, *čh*, *ǰ*; *ž*, *z*, *'* и лигатуры; из них отсутствуют *ṣ*, *č*, *čh*, *ǰ*.

[262] ЛОИВАН, Монг. Е 147, Жамцарано, II, 13е.

[263] См.: М. Н. Богданов, Очерки истории бурят-монгольского народа, Верхнеудинск, 1926, стр. 152—172.

[264] См.: Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, стр. 1511.

[265] Например, ЛОИВАН, Монг. Н 152, бурятский ксилограф *Tamakin̲-u gem eregüü-yi üje-gülügči sayin nomlal* («Доброе наставление, показывающее грешность табака»); или Н 154, ксилограф *Badm-a-sambhu-a baγsi-yin ayiladuγsan arakin̲-u γaruγšan uγ šiltaγan kiged aγuγsan-u gem eregüü-yi üǰegüle-kül̲ lüge selte orošiba* («Учение наставника Падмасамбхавы о происхождении водки вместе с показом греха питья ее»), в котором описывается, из каких страшных и отвратительных ингредиентов составил водку сам владыка бесов (издал *Sumati-bajar,* т. е. Лувсандоржи); или Н 390, ксилограф *Ekener-ün q̄ubčad ba čimeg kiged yörü bayidal urida-yin quučid-in ǰangšil-iyar bayiqu ba yosun busu-yi q̄origsan*[!] *bičig* («Письмо о женской одежде и узорах, об обыкновенном образе, о поведении по старым нравам, письмо, запрещающее неприличности»).

[266] См.: БСЭ, изд. 1, М., 1931, т. XXIII, стр. 290. Его автобиография (литогр.) хранится в ЛОИВАН, под шифром Монг. С 531.

[267] См.: Ринчен, Монгол бичгийн хэлний зүй, Удиртгал, стр. 172—175. — Vagindra, *Sine qaγučin üsüg-üd-ün ilγal terigüten-i bičigsen d̲ebt̲er orosiba* [б. м.]; *Buřād xūr. tūrūšin debter. «Naran» gedeg mongol-buřād nom bičig* [!] *gargaxo oron,* Pet'erbūrge xotodo, 23.V 1907; Surgūlīn bagši Bayarto Wanpilay, Iharamba Nagvan Doržīn,

Uxān hürgeji sedxel hayžirūlxo üligernūd orošiba, СПб., 1908; *Burxan bagšīn gegēni xurāngoy namtar bolon Buyanto xan xübūni namtar orošibay* СПб., [б, г., 1906 (?)]; Чано-батур. Героическая поэма иркутских бурят-ойратов. Запись Н. Амагаева, послесловие Агвана, СПб., 1910; Н. Амагаев и Аламжи-Мэргэн, Новый бурятский алфавит, СПб., 1910.

268 ЛОИВАН, Монг. С 282 (Жамцарано, II, 63): «1905 *ondo namaray hūley* 22-*to ahalai babbiy* [?] *hayn ödör* [!] *ogt'abri* 31-*dü enēni bičibe bide*».

269 Бадзар Барадийн, Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты. Buriaad zonoi uran eugeiin deeji, СПб., 1910. В его орфографии *eo=ö*, *eoo=ȫ* (совр. бур. *өө*), *eu=ü*, *euu=ǖ* (совр. бур. *Y*, *YY*), как в письме Пакба-ламы; *c=c*, *s=ш*, *h=* совр. бур. *h*, *x=* совр. бур. *x*, *n=* совр. бур. *н* [т. е. *н* и *ң*], *j*=совр. бур. *ж*, *y=й*.

270 См., например, ЛОИВАН, Монг. F353, конверт письма полковнику И. Д. Бухгольцу [*Oros-un jaq-a kijaɣar-i jakiruɣči terigüü bol-qob-nig Iban Midiri-biči Buu-qulja-dur ilegebe*] 1731 г., от халхаского Дандзиндорджи [*Qalq-a-yin jegün ɣar-un čerig-yi jakirqu tusalaɣči jangjun jasaɣ-un qošoi čin-wang Danjin-dorji*].

271 См.: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 39; ЛОИВАН, Монг. F334 и F345, «Чусюе чжинань», ксил., 2 тетради в китайском футляре, книга напечатана в 1794 г. (Цяньлун цзяянь нянь кань), 63 и 60 л., экземпляр F 345 снабжен ойратской транскрипцией (написанной кистью). О другом экземпляре см.: «Catalogue of the Manchu — Mongol Section of the Toyo-Bunko» by N. Poppe, L. Hurvitz, H. Okada, Tokyo, 1964, № 161.

272 L. Ligeti, Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration en Mongolie chinoise, Budapest — Leipzig, 1933; L. Ligeti, Deux tablettes,— AOH, VIII, 1958, стр. 207—228, прим. 31; L. J. Nagy, A contribution to the phonology of an unknown East-Mongolian dialect,— AOH, X, 1960, стр. 269—294.

273 См.: Е. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, т. II, СПб., 1824, стр. 140: «Генв. 3. Сегодня ездили мы в купеческие лавки, расположенные большею частию в Вайлочене. В особой улице Люличан, крайне тесной и нечистой, при въезде находится несколько лавок с печатными книгами на китайском и манжурском языках».

274 О Делеке см.: W. Heissig, Blockdrucke, стр. 147—148, № 157—158.

275 Если предположить, что во второй половине XVIII в. в Чахаре уже действовал фонетический «закон двух придыхательных» (см., например, *data-* вм. *tata-* «тянуть», ср. AOH, XIV, 1962, стр. 147, 154, 158), то из круга диалектов, которые могли служить основой для языка этого сочинения, чахарский исключается по фонетическим признакам. В действительности лексика и грамматика «Компаса» довольно общая для восточных диалектов (естественно, по нашим теперешним и не очень богатым сведениям). Так как родной бааринский диалект Делега занимает среднее место среди северо-восточных (хорчинских), южных (харачинских) и чахарского диалектов, он мог служить удобной основой для восточно-монгольского «койне». Добавлю, что «Сто разговоров» легко «переводится», т. е. читается и по-халха-монгольски.

276 Итак, слог и лексика «Ста монгольских разговоров» на 35 лет старше, чем предполагалось ранее (см. прим. 270).

277 См.: Б. Лауфер, Очерк, стр. 11; ЛОИВАН, Монг. F 322, 11 тетрадей в 2 футлярах: *Ɣurban jüil-ün üge qadamal üjeküi-dür kilbar boluɣsan bičig*.

278 См.: W. Heissig, Familien- und Kirchengeschichtsschreibung, I, стр. 121—134.

279 Иногда монголы писали на своем языке даже тибетской скорописью (*šar üsüg*).

280 Ye-šes rdo-rje, *Bod skad-kyi brda gsar-rñiṅ dka'-ba sog skad-du kā-li sum-ču'i rim-pas gtan-la pheb-pa'i rda-yig mkhas-pa rgya-mcho blo-gsal mgul-rgyan* («Corpus Scriptorum Mongolorum», IV, Улан-Батор, 1959).

[281] W. Heissig, Blockdrucke, стр. 6; K. Grönbech,— «Studia Orientalia Fennica», XIX, 1960, № 3.

[282] Дамдинсурэн, Сто образцов, стр. 599; C. R. Bawden,— «Studia Orientalia Fennica», XXV, 1960, № 3.

[283] К. Черемисов и В. Д. Якимов, Журнал для лам,— «Современный Восток», 1940, стр. 256—261. См. также: A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 125, прим. 20.

[283a] Отдельные слова в кн. Витсена, «Nord en Oost Tartarye», см.: А. Рона-Таш, стр. 125, прим. 20; целое письмо, монг. перевод с русского, 1680 г., грамота Федора Алексеевича к Лубсан-тайджи, см. статью Ю. Н. Рериха и Н. П. Шастиной — ПВ, № 4, 1960, стр. 140—150, а также G. Kara,— AOH, XIII, 1961, стр. 179.

[284] См. выше, прим. 82. Нередко и само уточнение в тибетском письме было ошибочно.

[285] См., например, рукопись ЛОИВАН, Монг. Q 401, т. 1; с л. 257 параллельно с монгольской пагинацией (которая помещается на левом поле) появляется маньчжурская на правом поле листа. Маньчжурские слова без диакритических знаков: *emu, ǰô, ilan, duyin* ⟶ *deun, sunǰa, ninggun, uyun, ǰuwan, orin, γusi, γosin*. ЛОИВАН, Монг. B 99 носит монгольское название в маньчжурском письме: «*Noγoγan dara eke*».

[286] ЛОИВАН, Монг. B 293, рукопись с «тибетским» заглавием *mags-thal čhugs-so*, где первое слово транскрибирует монг. «магтаал» (*maγtaγal*) «похвала», а второе, искаженное тибетское слово обозначает «содержится», его начальный *čh* произносится по-бурятски *š*, точно так, как и тиб. *ž*, который пишется в правильной литературной форме данного слова *bžugs*. См. еще рукопись Монг. B 42, на обложке которой монгольское заглавие «*J̌ayaγči tngri-yin sang orosiba*» («Курение в честь божества судеб») повторяется в тибетском письме: «Ca-ya-ga-čhe theṅ-ger'iṅ bsaṅs».

[287] В ойратской гадательной книге (ЛОИВАН, Монг. B 78): *cha-gan* (=ойр. *caγān*) «белый», *'oš-khi* (=ойр. *öški*) «розовый» (см. монг. *aγuski*) и т. п.

[288] *Neyislel küriyen-ü sonin bičig*, см.: С. Ичинноров, Нийслэл хүрээний сонин бичгийн тухай (Об «Ургинских ведомостях»),— «БНМАУ Шинжлэх ухааны академийн мэдээ», № 1, Улаан-Баатар, 1962, стр. 66—68; И. М. Майский, Монголия накануне революции, М., 1959; «История Монгольской Народной Республики», М., 1967, стр. 263.

[289] См. многочисленные издания Терминологической комиссии монгольской академии (Нэр томъёоны комиссийн мэдээ); Л. Бэшэ, Обновление в монгольском языке,— AOH, VI, 1956, стр. 91—108.

[290] См.: Б. Х. Тодаева, Калмыцкий язык,— «Языки народов СССР», т. V, М., 1968, стр. 34—52.

[291] См.: «История МНР», М., 1967, стр. 470—473. В Улан-Удэ существует теперь Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР, а улан-баторский Ученый комитет (позже Комитет наук, Комитет наук и высшего образования) был преобразован в мае 1961 г. в Академию наук МНР.

[292] Ср.: J. P. Krueger, *The Mongγol Bičig-ün Qoriy-a;* Б. Лауфер, Очерк, стр. XXI (предисловие Б. Я. Владимирцова).

[293] См.: «Языки народов СССР», т. V, 1968, стр. 1—12, 13—33.

[294] См.: L. Ligeti, Rapport préliminaire; N. Poppe,— AM; «Дагурское наречие», Л., 1930, стр. 6—7.

[295] «*Öbör Mongγol-un edür-ün sonin*» (ежедневник); «*Qung γalaγu*» (литературный ежемесячник) и т. п.

[296] «*Mongγol kele bičig*» (с 1958 г.) «*Mongγol teüke kele bičig*» (с 1959 г.) «*Mongγol kele ǰokiyal teüke*».— «Ученые записки Университета Внутренней Монголии (Хухе-Хото)»; вып. 1 опубликован в 1959 г. на монгольском языке.

[297] «*Mongγol arad-un daγuu-yin tegübüri*». Изд. Нэймэнгу жибао шэ, XI/1949 г., 362 стр. См. также: W. Heissig, Innermongolische Arbeiten zur

mongolischen Literaturgeschichte und Folkloreforschung,— ZDMG, 115, 1965, стр. 153—199.

[298] G. Кага,— AOH, XVIII, 1965, стр. 18, прим. 54.

Монгольская книга

[1] См.: В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1881; «Словарь современного русского литературного языка», т. V, М., 1956; Большая Советская Энциклопедия, т. 21, М., 1953.

[2] См.: P. Pelliot, Notes sur la «Turkestan»,— T'P, XXVII, 1930, стр. 38—42.

[3] F. W. Cleaves, —HJAS, XII, 1949, стр. 1—133, табл. I—XXVII.

[4] Лигети, Сборник, IV, стр. 174—175; «из родом Китад» или «родом из Китая».

[5] Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах, стр. 1260.

[6] F. W. Cleaves,— HJAS, XIII, 1950, стр. 1—131, табл. I—XXXV.

[7] L. Ligeti, Deux tablettes, стр. 204—206; стр. 215—216 — о деревянных документах, состоящих из двух частей.

[8] См.: А. М. Позднеев, Каменописный памятник подчинения маньчжурами Кореи,— ЗВОРАО, V, 1891, стр. 37—55.

[9] В монастыре Пунинсы в Жэхэ. См.: O. Franke — B. Laufer, Epigraphische Denkmäler, I, табл. 44—47, текст на китайском, маньчжурском, тибетском и ойратском языках. Ойратский заголовок («лобовая грамота»): *Xannu bičiqsen bolai;* заглавие: *Zöün γari tübšidkeǰi toqtoqson yabudali ali γazartu temdeqlen bayiγuluγsan kösē čilou-yin bičiq.*

[10] В храме Потала в Жэхэ, текст на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках, монгольское «заглавие»: *Torγud ayimaγ ulus-tur kündü kešiq kürtegsen temdeglel.* См.: O. Franke — B. Laufer, Epigraphische Denkmäler, I, T. 67—70.

[11] F. W. Cleaves,— HJAS, XV, 1952, стр. 1—123, табл. I—XII.

[12] Лигети, Сборник, IV, стр. 55—57; L. Ligeti,— AOH, XII, 1961, стр. 5—26.

[13] M. Lewicki, Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée, Wilno, 1937; Лигети, Сборник, II, 1962.

[14] А. М. Позднеев, Монголия и монголы, т. II, СПб., 1898, стр. 367—397 [неполный текст на тибетском и монгольском языках, русский перевод]; W. Heissig, Beiträge zur Übersetzungsgeschichte.

[15] Новая транскрипция: Лигети, Сборник, IV, стр. 170—176.

[16] Х. Лувсанбалдан, Аруг вангийн хөшөөний бичиг,— «Studia Mongolica», IV : 6, Улан-Батор, 1962, стр. 123—136 и табл.; G. Кага,— AOH, XVII, 1964; F. W. Cleaves,— HJAS, XXII, 1964—1965.

[17] Н. Пантусов, Тамгалы-тас (урочище Капчагай Копальского уезда, Балгалинской волости),— ЗВОРАО, XI, 1897—1898, СПб., 1899, стр. 273—276; А. Позднеев, Объяснения надписей и изображений Тамгалы-Таса,— там же, стр. 276—282, табл. XIV—XV.

[18] Б. Я. Владимирцов, Надписи на скалах, стр. 1253—1280, табл. 1—2 (перевод цитированной строфы на стр. 1259).

[19] Этот старинный обычай нашел новое содержание: на южных склонах Богдо-Улы в Улан-Баторе читаются теперь надписи революционной Монголии.

[20] В Монгольском фонде ЛОИВАН хранятся многочисленные письма бурятских друзей и знакомых О. М. Ковалевского, которого Ниндак Вампилон, тайша селенгинских бурят назвал в своем письме «цветок лотоса с сердцем, украшенным мудростью и ученостью» [Н. П. Шастина, Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями,— «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», вып. 2, стр. 210—221; «Труды БКНИИ СО АН СССР, 1965, № 16)].

[21] Библиографию см.: A. Mostaert — F. W. Cleaves, Les lettres de

1289 et 1305 des ilkhan Arγun et Öjeitü à Philippe le Bel, Cambridge, Mass., 1962.

[22] F. W. Cleaves,— HJAS, XIII, 1950, стр. 431—446, табл. I—VIII.

[23] См.: Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения; H. Serruys, Three Mongol Documents from 1635 in the Russian Archives,— CAJ, VII, 1962, стр. 1—41.

[24] Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, 1. Русско-монгольские пограничные дела.

[25] Лигети, Сборник, I, стр. 150—165; см. также: M. Weiers, Mongolische Reisebegleitschreiben aus Čaγatai,—«Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Univ. Bonn», Bd I, Wiesbaden, 1967, стр. 7—54; H. Franke, Ein weiteres mongolisches Reisebegleitschreiben aus Čaγatai (14. jh), там же, т. 2, 1968, стр. 7—14.

[26] Лигети, Сборник, I, стр. 85—89, 104—109.

[27] См. прим. 323.

[28] ЛОИВАН, Монг. G120, колл. Кроткова, 1. Документ написан черной тушью, калямом, полукурсивом на пожелтевшей китайской бумаге, на обратной стороне уйгуроязычные записи, независимые от монгольского текста. Вот предварительная транскрипция монгольской стороны:

1. [...]*m*[.]*r üge manu*
2. *Qočo-yin Iduqud-ta Qulun-qy-a*
3. *akiten noyad-ta Buyan-qy-a akiten*
4. *tüsimed-te Es-e-temür ügülen*
5. *irebe Taibudu. Tölemiš nereṯü*
6. *kümün küčü kiǰü Yogačari sum-e-ṯür qaryatan qoyar*
7. *baγ-i γaǰar usun selte abču ülü ögümü nidan-i oon*
8. *qabur andeče nišan abču oḏqu bülüge ter-e nišan-i*
9. *Bolmiš neretü kümün küčü*[*kiǰü*] *nišan-i abču γaǰar usun*
10. *ba'γ borluγ-i daqi es-e ögbe kemen*
11. *öčigdeǰü edüge en-e nišan kürgeged tende-kin*
12. *nököd* [*noyad?*] *töröger yosuγar asaγču nišan-i baγ-i γaǰar usun*
13. *selte qariγulǰu öggegülügtün tende ilγan yadabasu*
14. *tede aran-i qamtuḏqaǰu ende il*[*e*]*gtün kemen nišatu*
15. *bičig ögbei taulai ǰil qabur-un dumdaṯu*
16. *sar-a-yin dörben qaučin-a Bulad örö-ṯe* [?]
17. *bükül-ṯür bičibei*

Перевод:

(1) «Слово наше, [...] Темура (?) (2) Идукуту, [правителю] Кочо, Кулун-Кае и другим начальникам да Буян-Кае и другим (3) чиновникам. Эсе-Темур (4) прибыл [и] доложил [следующее]. (5) Так как Тайбуду обратился [к нам] с просьбой, [по которой] человек, именуемый Тулемиш, (6—7) применяя силу, захватил два виноградника, принадлежащие храму Йогачари, вместе с прилегающими землями и водами, и [им] не отдает (=возвращает). В прошлом году, (8) весной [представители храма] увезли [=получили] отсюда грамоту с печатью, [однако] ту грамоту с печатью (9) отнял [у них] человек, именуемый Болмиш, применяя силу, [и] снова (10) не вернул [им] виноградников и прилегающих земель и вод; (11) теперь, после того, что [мы] отправили настоящую грамоту с печатью, тамошние (12) дружинники (или: начальники), допрашивая [их] по закону, как следует, [их] грамоту с печатью и виноградники вместе с принадлежащими землями и водами (13) верните [законному хозяину]. Если там не можете выяснить (дословно: различить), то (14) тех людей, собрав их, пришлите сюда. С этой целью (дословно: так говоря) (15)

дали [мы] грамоту с печатью. Год зайца, средний весенний (16) месяц, четвертого дня после полнолуния, (16—17) находясь в Булун-Оре, писали [мы это]».

Комментируя текст и перевод по строкам, отмечаю здесь лишь следующие: (1) из имени правителя сохранены только две буквы. Выражение «слово наше» указывает на то, что мы имеем дело с княжеским приказом, а не императорским ярлыком. (2) *Идукут,* титул уйгурского правителя, подчиненного монголам, часто упоминается в турфанских грамотах (первый гласный титула пишется здесь в форме «зубец»+«дуга»). *Кулун-Кая,* имя начальника, состоит из двух тюркских слов в значении «жеребенок» и «скала» (во второй части «зубец» *а* опущен). (3) Слово *noyan* обозначает здесь скорее не феодалов, а военно-административных начальников (см., например, в квадратной письменности *čeri'üd-ün noyad). Буян-Кая* — также тюркское собственное имя, «добродетель-скала». (4) *Эсе* — вероятно, вместо *Эсен;* (2—4) адресаты приказа. (5) *Тайбуду,* собственное имя, может быть китайское; вероятно, оно является логическим субъектом глагола *öčigde-* в строке 11. Вместо *irebe* «пришел» можно было бы читать и *nirba* «хозяйственный начальник монастыря», слово тибетского происхождения, однако это представляется мне некоторым анахронизмом, кроме того, такое чтение потребовало бы нового толкования и для предыдущего слова. *Тулемиш* — тюркское собственное имя, причастие прошедшего времени. (6) *küčü ki-=küčü auγa kürge-, küčümede-.* Слово «храм» обозначает и буддийскую общину; монастырь с таким же названием, Югодзир-хит (Егөөзөр хийд, монастырь Йогачарья), действовал и в южной Халхе в маньчжурский период; о слове «храм» см.: F. W. Cleaves,— HJAS, XV, 1952, 87, прим. 18. *Qaryatan=qariyatan.* (7) *Baγ «сад»*=здесь *baγ borluγ* «виноградник»; *nidan-i=nidoni; oon=on,* см.: F. W. Cleaves,— HJAS, XVII, 1954, стр. 352; библиографию термина *nišan* (здесь=*nišatu bičig)* см.: M. Weiers, Reisebegleitschreiben. (9) *Болмиш,* тюркское собственное имя, ошибочно вместо Тулемиш (?) (12) *Töröger yosuγar,* два (вульг.) орудных падежа рядом, см.: Лигети, Сборник, I, стр. 155; *nišan-i baγ-i* два винительных падежа рядом. (13) *Öggegül* — побудительная форма от *ög-,* см. *öggü-* и в надписи Арука. (15) Один из восьми возможных годов зайца в XIV в. (16) Толкование топонима пока сомнительно.

[29] F. W. Cleaves,— HJAS, XVIII, 1955, стр. 1—49, табл. 1.

[30] ЛОИВАН, Монг. G 121, колл. Кроткова, 2.

[31] E. Haenisch, Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts, Berlin, 1952; Лигети, Сборник, IX, 1964; среди этих грамот есть и грамота о назначении Иринчжинцзанбу (тиб., совр. монг. *Ринчинсамбуу)* на пост настоятеля монастыря.

[32] Тексты в транскрипции изданы: Лигети, Сборник, IV, 1965, стр. 66—85.

[33] А. М. Позднеев, Образцы официальных бумаг монгольского уголовного и гражданского делопроизводства, СПб., 1891; Монгольские официальные бумаги, собр. орд. проф. А. М. Позднеевым, издал студент Г. Цыбиков, СПб., 1898; Ya. Čebele, *Mongγol alban bičig-ün ulamǰilal,*— «Studia Mongolica», 1 : 22, Улан-Батор, 1959; Ш. Нацагдорж, Ц. Насанбалжир, Дөрвөн аймгийн алба тэгшитгэсэн данс (Monumenta Historica, III : 2, Улан-Батор, 1962); K. Sagaster, Zwölf mongolische Strafprozesskaten aus der Khalkha-Mongolei (T. I),— «Zentralasiatische Studien», I, Wiesbaden, 1967, стр. 79—135.

[34] См., например, Б. Ринчен, Об одной хори-бурятской родословной,— АОН, XVIII, 1965, стр. 205—225.

[35] W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, № 88—136. В монгольском фонде ЛОИВАН хранится также большое количество материалов, касающихся этой интересной области истории культуры монголов.

[36] ЛОИВАН, Монг. К 22, огромный лист, рисунки с объяснениями. Кисть, черная тушь.

[37] См.: Б. Я. Владимирцов, Объяснения к карте с.-з. Монголии, составленной монголами,— ИРГО, XLVII, 1911, стр. 491—494; карта в колл. Бурдукова в ЛОИВАН: F. Baddeley, Russia, Mongolia, China, I—II, London, 1919; W. Heissig,— K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten; M. Haltod — W. Heissig, Mongolische Ortsnamen, I, Wiesbaden, 1966; A. Mostaert, Erdeni-yin tobči, I, Cambridge Mass., 1956 (Scripta Mongolica, II).

[38] А. М. Позднеев, К истории развития буддизма в забайкальском крае,— ЗВОРАО, I, 1866, СПб., 1887, стр. 169—202.

[39] ЛОИВАН, Монг. Q 430 (размеры рамки: 43,3×33,5 *см*), текст на тибетском и монгольском языках, колофон: *Kiǰingge-yin dačang-du e̱ne bara bütübei* || *Khe-čiṅ-(gi'i) dgon-bar* [sic!] *'bar-du bsgrups* [sic!].

[40] А. М. Позднеев, Новооткрытый памятник.

[41] См.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, стр. 203—220; документы о внешних сношениях и пограничных делах.

[42] Монг. *üsüg, üǰüg*. См.: A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 131, 134. Монгольское слово употребляется в двух значениях — «калям, перо» и «буква, письменный знак», а в современном монгольском (халхаском) языке эта бифуркация значения стала основой самостоятельной жизни для каждого из двух вариантов, первый, *үзэг* обозначает «перо», второй, *үсэг* употребляется в значении «буква». Буквами» называются и китайские иероглифы.

[43] Монг. *bir, bigir, biir* заимствовано из уйгурского, а уйгурское слово восходит к среднекитайскому.

[44] «Путешествие в восточные страны», изд. А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 135.

[45] См., например, ЛОИВАН, Монг. В 293 (Mong. Nova, 32). В 96 (Очиров, 5); D 217 (Дылыков, 32); D 222 (Пучковский, № 234, «кисть», 1823, однако водяной знак — 1828).

[46] Выставлено в Эрмитаже, вместе с глиняной чернильницей и некоторыми фрагментами золотоордынской рукописи, написанной на бересте. В описании фрагментов («Советское востоковедение», II, 1941, стр. 81) речь идет о костяном пере и бронзовой чашке.

[47] См.: R. H. van Gulik, Chinese Pictorial Art as Viewed by the Connoisseur, Roma, 1958 (SOR, XIX).

[48] P. S. Pallas, Sammlungen, II, стр. 369, Е. Тимковский (Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, т. II, стр. 400) сообщает пекинские цены туши: «Тушь самая лучшая в одной цене с серебром. Тушь средней доброты, гинь — 1 лана» (1 гинь соответствует 0,6 *кг;* 1 «лана»=1100 чехов на китайские медные деньги по Тимковскому, и=1 гинь черного, обыкновенного чая, по Тимковскому). «Киноварь лучшая: почти в одной цене с серебром». См. также H. Franke, Kulturgeschichtliches über die chinesische Tusche, München, 1962.

[49] Ойр. *morin beke* (Pallas, Sammlungen, II, стр. 369: Morin-Bekke).

[50] П. С. Паллас сообщает о тангутских молитвах, переписанных золотом и серебром на черных и синих листах, найденных в развалинах ламской кумирни Аблай-кит (Pallas, Sammlungen, II, стр. 369); см. также: P. Pelliot,— T'P, XXVII, 1930, стр. 40—41 (о синих и золотых чернилах).

[51] ЛОИВАН, Монг. В 11 (ойратский ксилограф), л. 4а; *altār bičikülē'bum arbiǰiχu boluyu.*

[52] См.: W. Heissig, Beiträge zur Übersetzungsgeschichte, Göttingen, 1962, стр. 12; историческое сочинение «Алтан эрике» («Золотые четки») об одной 113-томной рукописи Ганджура, переписанной золотом и серебром на синей (лазурной) бумаге; С. Д. Дылыков, Эджен-Хоро,— «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 229; I. J. Schmidt, Geschichte der Ostmongolen, стр. 278: *J̌arliγ-un sitügen erdeni mönggün-iyer bičigsen Bsdan-'gyur-*

tur sečeg sačuquy-a...; см. также фрагменты одного рукописного Ганджура, ЛОИВАН, Монг. К 37, например, т. 1, л. 27б (золото на черном фоне), Dandır-a Qi včir-a=[Tantra, Hevajra].

[53] ЛОИВАН, Монг. А 35(48), Mong. nova, 484, девять фрагментов буддийского содержания, тонкий калям, черная тушь, почерк каллиграфический, XVII—XVIII вв., похожий на западномонгольский.

[54] Pallas, Sammlungen, II, стр. 370.

[55] Pallas, Sammlungen, II, стр. 370. Вероятно, об этом же орудии письма говорится в китайском источнике XVI в. «Пэйлу фэнсу» (см.: H. Serruys,— «Monumenta Serica», X, 1945, стр. 141).

[56] См. еще: A. A. Giorgi, Alphabetum Tibetanum, Roma, 1762, стр. 564; A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 131, прим. 60.

[57] См. послесловие «Мани-гамбу», колофон ойратской версии «Сутры золотого блеска» и другие переводы Зая-пандиты Окторгуйндалай. См. также выше, прим. 210.

[58] *Sa-skya bka'-'bum, pha, Dpal gsaṅ-ba 'dus-pa mi bskyoṅ rdo-rje'i dkyil-'khor-gyi čhog-dbaṅ rab-tu gsal-ba,* л. 1б, рисунок на правой стороне (см. в Тибетском фонде, колл. Цыбикова, ЛОИВАН, или в книге: «The complete works of the great masters of the Sa skya sect of the Tibetan Buddhism», Bibliotheca Tibetica, 1 : 6, Tokyo, 1968, стр. 283, надпись рисунка: *Gsaṅ-čhen Bstan-pa'i ñin-mor byed-pa dren-mjad-pa locūba.*

[59] Pallas, Sammlungen, II, 369. См. также: W. W. Rockhill, The Land of the Lamas, New York, 1891, стр. 246 сл. (изображение тибетских серебряных чернильницы, перьев и пенала); см. также выше, прим. 344.

[60] ЛОИВАН, Монг. С 413, л. 26а: *bičiči gelong ɣurdun bičiči terigüülen yesün bičiči-ber bičiq bičiülbei.*

[61] Например, в бурятской рукописи ЛОИВАН, Монг. С 92 (ms Jaehrig, XVIII в.), *Sigemüni-yin arban qoyar jokiyaɣsan inu,* краткое изложение Лалитавистары.

[62] ЛОИВАН, Монг. F287 (IX, 1016), кисть, черная тушь, см. выше, прим. 299.

[63] См.: К. К. Флуг, История китайской печатной книги сунского периода, М.— Л., 1959, стр. 29.

[64] Так как Паллас слишком кратко описывает монгольский способ книгопечатания (Sammlungen, II, 370; там же говорится о том, что у калмыков Паллас уже не встречал печатных книг), я опирался здесь на слова дю Альда, современника многих монгольских ксилографов XVIII в., см.: J. B. du Halde, Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise..., La Haye, 1736, стр. 299—300; T. F. Carter — L. C. Goodrich, The invention of printing in China and its spread westward, New York, 1955.

[65] См.: Ринчен, Монгол бичгийн хэлний зүй. Удиртгал, Улаан-Баатар, 1959, стр. 121—122.

[66] Там же.

[67] См.: Du Halde, Description, стр. 299; «planche de bois de pommier, de poirier, ou de quelque autre bois dur et bien poli»; о породе древесины упоминает и стихотворное послесловие баяутского ксилографического издания «Сутры золотого блеска»: *aliman-u modun qabtasun-dur ariɣun-a čoɣolɣaju* «безупречно гравируя на доске из яблоневого дерева» (см.: W. Heissig,— UAJ, XXVI, 1954, стр. 104), однако монгольское слово *aliman,* особенно в языке южных монголов, обозначает часто не яблоню, а грушу.

[68] См.: К. К. Флуг, История, стр. 29.

[69] См.: Ринчен, Монгол бичгиин, стр. 121.

[70] Транскрипция текста (см. табл. 10): [2a] *ɣoyor — ɣurban cagi-yin ɣamuq burɣan bɔdhi-sadv^a-nar-tu mürgümüi: takil örgün ki-lince namančilan buyani ündüsün-dü daɣan arbidɣan bayasul-camul::* ***nomiyin kürdü erqiül ke-*** *mēn duradun ɣasalang-ēce [2b] ülü nöqčiküye zal-barin: buyani ündüsü yeke*

bodhi-du irō-müi: *tögünčilen boluq-san dayini darun say-tur dousuqsan oq-torγui coq kir ü-gei tōsu arilγan üi-ledüqči burχan-du mürgümüi*:: *tögün-čilen boluqsan dayini darun sayitur dousuqsan erdemiyin okiyin gerel pad-ma beṇdürya-yin gerel erdeni dür-sütü beye tögüsüqsen teyin gegērööülün üyile-düqči burχan-du mür-gümüi*:: *tögünčilen boluqsan dayini darun say-tur dousuqsan erkiṇ dēdü küji sayitur čimeqsen burχan-du mürgümüi*:: *tö-günčilen* [3a...].

По-видимому, часть покаянной молитвы.

[71] Du Halde, Description, стр. 300.

[72] Г. Ц. Цыбиков, Буддист паломник у святынь Тибета, Пг., 1918, стр. 401—402.

[73] Вот несколько примеров опечаток: T II D159, стк. 6: *surburγan*, ЛОИВАН Монг. H 309, заголовок, *surdur* вм. *sudur;* ЛОИВАН, Монг. I 59 (пекинский ксилограф 1708 г., кол.) *danyumal* вм. *darumal* и *mongölčiln* вм. *mongγolčilan;* ЛОИВАН, Монг. K 17 («Ваджраччхедика»), л. 20b, *dhegüjbhe* вм. *tegüsbe;* ЛОИВАН, Монг. K 16 («Саддхармапундарика»), л. VI, 28b, *dabi-* вм. *daba-, ideki* вм. *erteki,* л. VII, 35a, *qamuγ-a* «всем» вм. *qamiγ-a* «где», л. VI, 12a, *tandur-a* вм. *dotor-a;* там же C 212 («Ваджраччхедика», издание, близкое к PLB № 168), заголовок, *oγtlonči* вм. *oγtaluγči,* л. 31b, *Qubudi* вм. *Subudi,* л. 45a, *yaγtinču* вм. *yirtinčü.*

[74] См., например, ЛОИВАН, Монг. D30. *Ölǰei badaraγsan süm-e-yin qural-un aman-u ungsilγ-onom-un yabudal masi todorqai gegen oyutan qoγol* [*a*]*y-yin čimeg čindamani er*[*i*]*ke kemegdekü orosiba,* PLB № 149, *ca* 88a, *ja* 219b, *ša* 300b и т. д.

[75] См.: A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 136—139.

[76] См. выше, прим. 212 и Н. Сэр-Оджав, Шинэ олдсон нэг тамга, Улаан-баатар, 1957. Печать с легендой квадратным письмом: *ǰa-sag-thu rgyal-po | dar-han Che-riṅ-dpal-| -dar-gyi tham-kha kun-| -las rnam-par rgyal-ba* «Победоносная более всех, печать Дзасакту-хана Дархан Цэрэнбалдара»; серебряная печать обнаружена в Гоби-Алтайском аймаке; она была в употреблении в середине XVIII в., около 1756—1760 гг.; форма квадратная, четыре строки в широкой рамке, на верхней стороне с буддийской свастикой. См. еще: ЛОИВАН, Монг. D 181, легенда печати: *gser-thog | ho-thog-thu'i | tham-ka* и знак в форме двух симметричных бараньих рогов. О тибетской сигиллографии см.: L. Petech, I missionari italiani nel Tibet e nel Nepal, IV, Roma, 1953, стр. 281; об уйгурских печатях: N. Yamada, The Private Seal and Mark on the Uigur Documents,— «Aspects of Altaic Civilization», ed. D. Sinor, Bloomington, 1963, стр. 253—259.

[77] См.: B. Rintchen, A propos de la sigillographie mongole,— AOH, III, 1953, стр. 25—31.

[78] См.: L. Ligeti,— AOH, VIII, 1958, стр. 213—214.

[79] А. М. Позднеев, Пять китайских печатей,— ЗВОРАО, IX, 1896, стр. 280—290; см., например, верхнюю надпись маньчжуро-ойратско-китайской печати, по которой можно выяснить, что печать изготовлена в 1736 г. Двустрочная ойратская легенда гласит: *Ili terigüüten γazariyin keregi | šiyidkeqči sayidin tamaγa* «Печать министра, решающего дела Илийского и прочих (принадлежащих) краев». Похожая ойратская легенда читается на другой печати XVIII в.: *Iliyin zergeyin γazari bügüderen* [=*bügüdēren*] *| zakiraqči ǰiyangǰing-ni tamaγa* «Печать генерала, управляющего Илийским (краем) и всеми прочими (принадлежащими) местами».

[80] См. на одном письме 1732 г. (ЛОИВАН, Монг. E 144) оранжевый оттиск маньчжуро-китайской печати (маньчж. легенда: *xesei taχôraχa amban-i guwan fang)* или на письме джарутского князя к Г. Гомбоеву с просьбой о деньгах (конец XIX в.; *dergi Jarud beile-i temgetu | ǰegün Jarud be'ile-yin temdeg,* ЛОИВАН, Монг. F373).

[81] ЛОИВАН, Монг. F373: *ǰegün Jarud | beile-yin temdeg.*

[82] См. ЛОИВАН, Монг. F189, красный оттиск квадратной печати с надписью: *Čečerlig-ün či γulγan-u* (знак «сойомбо») *daruγ-a-yin tamaγ-a* — «Печать председателя Цецерликского сейма».

[83] См.: ЛОИВАН, Монг. F180, записи о доходах монастыря, вторая половина XIX в., оттиск печати в форме удлиненного параллелограмма, рамка обнесена орнаментом «молот» (род меандра), легенда: *neyilebei* «совпадало». Там же печать хранителя монастырской казны.

[84] См.: ЛОИВАН, Монг. Q251, Q361, C453, C516. ЛОИВАН, Монг. А 30 — восьмиугольная, удлиненная в горизонтальном направлении печать, верхняя полоса с изображением солнца и луны, между ними два лебедя и растение, средняя полоса с легендой монгольским письмом: *Qori-yin | arban* ***nigen*** *| ečige-yin aqalaγ-či tayiša*:: «Старший тайша одиннадцати хоринских отцов», нижняя полоса с изображением лука со стрелой. Оттиск европейский, сургучный.

[85] См., например, ЛОИВАН, Монг. Е 241 «1851 on-a Qori-yin poloǰini» («Положение хоринских бурят в 1851 г.»), подписи и оттиски печатей и перстней с печаткой.

[86] См.: P. Pelliot,—T'P, XXVII, 1930, стр. 40.

[87] Различные соразмерности ширины и длины листов, примеры из монгольского фонда ЛОИВАН: (1 : 3 чаще всего) С 28, ксил., 11×30 *см;* С 137, рук., 9×31 *см*; С 212, ксил. изд., близкое к PLB № 170, 10×30,8 *см*; В 74=PLB № 129, 8×23 *см*; I 106, ксил., 17,5×54,5 *см*; К 17, ксил., 27,5×71,7 *см*; К 20, ксил., 20,8×59,6 *см*; К 24, рук., 23×67,4 *см*; (1 : 4) В 266, ксил., 7×28 *см*; С 6, ксил. 1721 г., PLB № 58, 9×35,8 *см*; С 325, бурят. ксил., 9×36 *см*; С 423, бурят. ксил., 10×40 *см*; (1 : 5) Н 276, бурят. ксил., 9×45 *см*; Н 315, ксил.= PLB № 80, 12×57 *см*; (1 : 6) ойратские рукописи С 39, 7×40 *см*; С 420, 7,6× ×44,1 *см*; Н 330, 8,5×51,5 *см*.

[88] Например, ЛОИВАН, Монг. А 27, 3 л., текст без рамки, нумерации нет. *Xutuq-tu biligiyin cānan kürüqsen: Tabun yömiyin γurāngγui züruken* [!] ***kemekü*** *orošiboi*::

[89] См.: ЛОИВАН, Монг. С 445.

[90] См. рисунки в книгах: A. v. Gabain, Die Drucke der Turfan-Sammlung, Berlin, 1967, и E. Haenisch, Mongolica II.

[91] Размеры: 29,5×35,5 *см*.

[92] См.: ЛОИВАН, Монг. G74 (Жамцарано, III, 98а), тетрадь китайского типа, ксил., 31 л., 15×34 *см*, монгольская грамматика или, скорее, азбука, автор: Лхамсурен из Абаги, 1883 г.

[93] См.: ЛОИВАН, Монг. В 51, гадательная книжка на русской бумаге.

[94] Например, ЛОИВАН, Монг. Е 1, ксил. «Мани гамбу», Е 2, ксил. «Море притч».

[95] О монгольских названиях разных сортов бумаги по пятиязычному словарю «Ути Цинбэнь цзянь», см.: A. Róna-Tas,— AOH, XVIII, 1965, стр. 131—132. Если говорить о тех местах монгольского мира, где всегда нуждались в бумаге (а таких мест было большинство), то нам кажется странным обилие терминов, собранных в пятиязычном словаре. Однако во время маньчжурского владычества в Китае в цинской администрации работало немало монголов, которые могли иметь дело с самыми разными сортами бумаги.

[96] О китайской бумаге см.: Carter — Goodrich, The invention of printing.

[97] A. Mostaert — F. W. Cleaves, Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhans, стр. 10—11.

[98] ЛОИВАН, Монг. I 62, ксил. 1851 г. (PLB, № 212), двухтомная биография пекинского Чжанчжа-хутухты Ишидамбайджалцана.

[99] Монг. *tuutuu* (из кит. *маотоучжи)* и *tuubing čaγasun* «бумага из конопли» или (по Ошанину и Морохаси) «писчая бумага (из бамбука)», последняя монгольская форма соответствует китайскому *маобяньчжи,* букв.: «бумага с волосатыми краями».

[100] См. выше, прим. 348. Такие «лакированные» листы встречаются и в уйгурской коллекции С. Е. Малова (рукопись XVII в.).

[101] В одной грамоте 1608 г. читаем: «И те они (колмацкие люди) лошади продают на Таре на платье и на деньги и на бумагу пищую, а пошлин у них... не взяли потому, что их сперва не ожесточить и от нашие царские милости не отгонити». (Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук, Русско-монгольские отношения 1607—1637, М., 1959, стр. 24—25). Ойратский владыка Эсен-Тайши просил «тетради из белой бумаги» у китайского двора в 1452 г. (См.: H. Serruys, Sino-Mongol relations during the Ming, II. The tribute system and diplomatic Missions, Bruxelles, 1967, стр. 448—449 сл.).

[102] Например, ЛОИВАН, Монг. С 40 (IV, 232=Шиллинг I, 25[2]), С 55 и рукописи Ванчикова, бурятского приятеля О. М. Ковалевского, С 40 и С 153; также: С. И. Баевский, Описание персидских и таджикских рукописей ИНА, вып. 5, М., 1968, стр. 42, № 100. Водяной знак на такой бумаге: ЛОИВАН, Монг. D 122, «1828».

[103] Из легенд тисненых эмблем, встречающихся на листах монгольских книг ЛОИВАН: «Сумкина» (В 156, В 291—292, С 8), «Насл. Сумкина № 6» (С 139), «Вятской фабрики» (В 194), «Успенской фабрики № 7» (В 290), «Косинской фабрики № 4 Рязанцевых» (С 186), «Фабрики Платунова № 7» (В 341), бурятские рукописи и ксилографы, то же самое, № 5 (С 283, ойратская рукопись); все они относятся к прошлому веку.

[104] См.: ЛОИВАН, Монг. С 414, магическая формула Авалокитешвары, *Nidü-bēr üzeqčiyin toqtōl orošibo.*

[105] Ойратских образцов такой бумаги пока не обнаружено, однако известные исторические связи ойратов с туркестанскими государствами и Тибетом позволяют это предположить.

[106] См. ЛОИВАН, Монг. С 266 (II, Доп. 3), *Geser (Ge-ser han-ni gži-ra'i-gor ro-sor-kha-khol-dug-sańs)* или *Mangγus-un arban küčün tegüsüg-sen blam-a qubilγan-i alaγsan terigün bölög,* С 284 (IX, 494, Фролов), *Bodi mör-ün ǰerge-yin kötölbüri kemegdekü neretü sudur,* перевод ойратского Зая-пандиты; С 404 (I, 77), *Gesür qaγan-u maγtaγal*, С 424 (Жамцарано, 1911 г.), «Вессантара», перевод Ширегету-гуши.

[107] С 424; ср. также ЛОИВАН, Монг. I 96

[108] Как, например, в томах «Юма», ЛОИВАН, Q401.

[109] Например, ЛОИВАН, Монг. Е 133, письмо к Гомбоеву, бумага фиолетового и желтого цветов.

[110] ЛОИВАН, Монг. А 44, *Jüg üǰekü sudur;* еще меньше по формату, но имеет больше листов книга А 22, рукопись 4×6 *см,* 18 л., *Arban burqan-u tangγariγ*.

[111] ЛОИВАН, Монг. К 17.

[112] Текст без обрисованной рамки: ЛОИВАН, Монг. В 1, В 26, В 54, В 159 (с листа 2 *verso),* В 173 (ботхи; бывшая «гармоника»), С 44 (ойратская рукопись); бесцветные, нацарапанные линии образуют верхний и нижний края текста.

[113] См., например, ЛОИВАН, Монг. I 94, рамка текста: 12,2×46,3 *см* (т. е. близко к 1 : 4), лист: 17,3×51 *см* (близко к 1 : 3).

[114] Например, пекинский ксилограф, ЛОИВАН, Монг. I 72 («Панчаракша», PLB № 96а), XVIII в., и бурятский ксилограф, ЛОИВАН, Монг. С 522 (Ламрим чхенпо), XIX в.

[115] ЛОИВАН, Монг. В 69 (PLB № 169, «Ваджраччхедика»), С 34[1] (бурятский ксилограф Чицановского дацана, переиздание пекинского ксилографа Тарпаченпо 1729 г.).

[116] См.: ЛОИВАН, Монг. С 4, В 90, I 2 (л. 5а).

[117] Турфанское собрание в Берлине, ТМ 6D 130, ТМ 38; позже — ЛОИВАН, Монг. В51 (PLB № 153), В 201 (Руднев, 225), С 475 (пятиязычный перечень названий будд, пекинский ксилограф), и т. п.

[118] Берлинское Турфанское собрание; см.: Лигети, Сборник, I, стр. 112—122; F. W. Cleaves, An early Mongolian version of the Alexander Romance,— HJAS, XXII, 1959, стр. 1—99, табл. I—VIII.

[119] Например, фрагмент монгольской «Бодхичарьяватары» с комментарием, пекинский ксилограф 1312 г. в Турфанском собрании в Берлине.

[120] Дархатская рукопись в частной коллекции, Будапешт.

[121] L. Ligeti, Les fragments du Subhāṣitaratnanidhi mongol en écriture 'phags-pa,— AOH, XVII, 1964, стр. 239—292.

[122] Х. Лувсанбалдан, Ачлалт номын тухай, Улаанбаатар, 1961; Лигети, Сборник, IV, стр. 9—37.

[123] H. Franke, Mittelmongolische Kalendarfragmente aus Turfan (Bayrische Akademie der Wissenschaften, Sitzungsberichte, 1964: 2), 45 стр., 6 табл.

[124] Например, ЛОИВАН, Монг. G10 (1791 г.) и G19 (1722 г.).

[125] ЛОИВАН, Монг. B 232, C 408 *(Burqan tenggeriyin sudur)*, ойратские рукописи и C 182, алфавит, ксилограф бурятского Цульгинского дацана.

[126] ЛОИВАН, Монг. B 337, л. 1а бурятской рукописи; B 161, монгольский ксилограф (Чикой, 1829).

[127] В цинских императорских ксилографах светского содержания.

[128] В некоторых буддийских рукописях и ксилографах.

[129] ЛОИВАН, Монг. I 106, четырехъязычное издание 1781 г. (PLB № 160).

[130] ЛОИВАН, Монг. C 442, тибето-монгольский ксилограф 1742 г. (PLB № 99), *Merged γarqu-yin oron.*

[131] ЛОИВАН, Монг. B 39 и 40 (Владимирцов, II, 36, 34), ойратские рукописи из Западной Монголии; I 111—121 (Малов), фрагменты монгольской рукописи из Ганьсу (вторая половина XVII в.)

[132] См., например, ЛОИВАН, Монг. K 24, т. VIII, л. 445а: восемь черных, три красных, семь черных, три красных и снова восемь черных строк.

[133] ЛОИВАН, Монг. B 98 (ойр.), F 299, C 183 (PLB № 149 : 38, *«nidkesi»=niungnai)*.

[134] Издала Н. П. Шастина; см.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 13—14, стр. 32—35.

[135] Бесцветная (нацарапанная) разлиновка: ЛОИВАН, Монг. B 46, B 64, B 82.

[136] ЛОИВАН, Монг. E 166 (Бурдуков).

[137] ЛОИВАН, Монг. H 330, ойратская рукопись.

[138] ЛОИВАН, Монг. I 111—121.

[139] Например, ЛОИВАН, Монг. B 37, C 28 («Ваджраччхедика», ср. PLB, № 166—167).

[140] ЛОИВАН, Монг. E 2 и I 69, листы *verso.*

[141] Там же E 2, листы *recto,* и пекинские ксилографы B 69, B 70, C 183 (PLB № 169, 199, 149 : 38).

[142] ЛОИВАН, Монг. B 33, B 337.

[143] См.: A. von Gabain, Die Drucke der Turfan-Sammlung, Berlin, 1967. стр. 11.

[144] См., например, в ленинградском рукописном Ганджуре или в сборнике литургических текстов, ЛОИВАН, Монг. D 30 (PLB № 149).

[145] ЛОИВАН, Монг. E 2 *Üliger-ün dalai* или *Siluγun onol-tu kemegdekü sudur.*

[146] См., например, ЛОИВАН, Монг. B 69 (PLB № 169), *Чжао*=тиб.-монг. «Дорчжичжодба»=«Ваджраччхедика» («Алмазная сутра»); B 70, в заглавии *Qutuγ-tu č[a]γl[a]si ügei nasun...,* кит. *Ай*=санскр.-монг. *Ayusi=Čaγlasi ügei nasun;* D 30 (PLB № 149), «Дасицзин», «Канон (из) Даси(=Ташилхунпо)»= монг. *Ölǰei badaraγsan süm-e-yin...ungsilγ-a.* E 1 (PLB № 87), *Ни-Мани* гамбум; E 2 (PLB № 71), *Уи далэй=у=üliger-ün dalai* «Море притч»; H 13, *Чжу-лу-хэнь тао-тао=ǰirüken-ü tolta.*

[147] A. von Gabain, Die Drucke, стр. 32.

[148] Употребление разных красок на одном и том же листе характерно для

пекинских ксилографов конца XVII — начала XVIII в. См., например, ЛОИВАН, Монг. I 55 Ex. II; I 69 Ex. II; I 90.

[149] ЛОИВАН, Монг. С 30 (PLB № 138), л. 1a; D 30 (PLB № 149), т. I, л. 1 b.

[150] Гравюры: в ксилографах ЛОИВАН, Монг. С 29 (ср. PLB № 93, 1738 г.), D 38 (PLB № 8, 1682 г.), H 366. Миниатюры: ЛОИВАН, Монг. I 100 (PLB № 67, 1727 г.), Q 401, К 6 (рукописи XVII в.). Рисунки: С 197, ойратская рукопись.

[151] ЛОИВАН, Монг. С 156, рукопись; F 249, (PLB № 86, 1736 г.).

[152] «Гармоники» с рисунками: ЛОИВАН Монг. А 32 (ср. PLB № 197), А 19 (PLB № 200).

[153] ЛОИВАН, Монг. В 69, (PLB № 169), I 72, II, л. 45a (PLB № 9, 1686 г.).

[154] ЛОИВАН, Монг. К 19 (PLB № 5), конец XIII главы, 1666 г.

[155] ЛОИВАН, Монг. А 36, С 273, I 66, I 99.

[156] ЛОИВАН, Монг. I 100 (PLB № 67, 1727 г.), I 105 (ср. PLB № 158), К I (PLB № 9, 1686 г.).

[157] ЛОИВАН, Монг. Q401.

[158] ЛОИВАН, Монг. К 6 (рукописный Сундуй с колофоном 1673 г.), К 24 (рукопись «Аштасахасрика»).

[159] Например, ЛОИВАН, Монг. А 26 (ср. PLB № 59, 84), В 161 (бурятский ксил., Чикой), С 339, рукопись.

[160] В 20 (PLB № 162), В 69 (PLB № 169), I 59 (PLB № 14), I 90 (PLB № 3).

[161] С 105 (PLB № 66).

[162] С 174 (Владимирцов, I, 1, Гесер, гл. VIII—IX).

[163] В 126 (Владимирцов, II, 30, пророчество).

[164] В 182, гимн в честь богини Тара.

[165] В 120 (Жамцарано, II; 15), «Русский календарь», бурятская рукопись XIX в.

[166] Рукописи В 93, В 318, С 344.

[167] В 50 (PLB № 153), Е 92 (PLB № 214).

[168] С 352, рукопись, культ огня; черная надпись на красной этикетке, наклеенной на желтой этикетке.

[169] F325 (PLB № 150), обложка из желтой бумаги; F 343 (PLB 157), F 308 (Жамцарано, IV, 8) «Jung dagini-yin teüke», 29 тетр., 95 гл.

[170] Г 543 (Рыгдылон, 7), обложка из пестрой материи. Рассказ об Эндүүрэл-хаане.

[171] Католический трактат, перевод с китайского или маньчжурского, XVIII в. «Tengri-yin ejen-ü ünenči jirum-un bičig», 2 тетр., обложка в синем шелке. Синий футляр тао. ЛОИВАН, Монг. F 170, Ex. I.

[172] ЛОИВАН, Монг. F100, историческое сочинение Болор Толи (рукопись из собрания Бурдукова, Хатгал 1924; см. у Пучковского).

[173] F222 (рукопись, Арджи-Бурджи), цинские календари на монг., G123 (монг.-маньчж.-кит. словарь в порядке монг. алфавита).

[174] F334 (учебник монг. языка «Чусюе чжинань»), F 139 (хождение по аду), F422 (Чингизово учение, *surγal jarliγ šastir)*.

[175] ЛОИВАН, Монг. С 29, Ex I (PLB № 163).

[176] С 283 (ойратская рукопись), I 60 (бурятский ксилограф).

[177] К 24, рукопись.

[178] См. монгольские альбомы «Монгол ардын гар урлаг» и «Монгол ардын гоёл чимгийн хээ угалз», Улан-Батор [б. г.].

[179] См.: А. Д. Руднев, Заметки о технике буддийской иконографии у зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», V, СПб., 1905, 15 стр.

[180] Например, ЛОИВАН, Монг. К I, Ex. II, 12 тетр. (см.: PLB № 20, 1712 г.).

[181] К I, Ex. II, т. VII, лицевая сторона нижней обложки (доски) с изображением четырех хранителей мира в горном пейзаже. Гамма красок: светло-красный (⟶оранжевый), карминный, желтый, желто-зеленый, светло-зеленый, темно-зеленый, голубой, синий, лиловый, розовый, серый, коричневый, черный, белый, золотой.

[182] См. выше, прим. 454 и ЛОИВАН, Монг. К 20 (PLB № 2), I 59; ЛГУ, Монг. E13, II, 15b, 51a.

[183] См., например, ЛОИВАН, Монг. А 26 (пекинский ксилограф); «восемь драгоценных символов» — *найман тахил,* С 107 (PLB № 219, 1895 г.; монограммы).

[184] ЛГУ, Монг. Е 13, II, 14b.

[185] В той же рамке образ сидящего Будды (вместо стоящего).

[186] ЛОИВАН, Монг. С 29 (PLB № 163).

[187] См.: А. Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, СПб., 1887, стр. 87, 89.

[188] G. Tucci, The wives of Sroṅ btsan sgam po,— «Oriens Extremus», IX, 1962, стр. 121—126.

[189] См. рисунки. ЛОИВАН, Монг. Н 277, халхаский ксилограф XIX в., ЛОИВАН, Монг. С 320, ойратский ксилограф.

[190] ЛОИВАН, Монг. F103, западнохалхаская рукопись.

[191] См. рисунок. ЛОИВАН, Монг. G46, ксилограф 1711 г.

[192] См. рисунок. ЛОИВАН, Монг. D15 (PLB № 103).

[193] Хейсиг упоминает об одной лицевой версии этой книги. Я имею халхаский «альбомчик» о деяниях Молона, рисунки без текста.

[194] Ленинградский текст издан Л. Лёринцем: Лигети, Сборник, X, 1966; см. еще: W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, № 138—139.

[195] Похожий на геометрические знаки из шнурка, употребляемые в тибетской магии.

[196] А. Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей, стр. 101—102.

[197] А. Позднеев, Монголия и монголы, т. I, СПб., 1896, стр. 6.

[198] PLB № 152.

[199] PLB № 153.

[200] См. выше, прим. 170.

[201] Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 23—25, стр. 47—53.

[202] Там же, № 31—35, стр. 60—70.

[203] Там же, № 13—14, стр. 32—35.

[204] См. прим. 66, 195—196.

[205] ЛОИВАН, Монг. I 82 (PLB № 130, 1756 г.).

[206] ЛОИВАН, Монг. Н 304 (Жамцарано, III, 123): *Getülgegči degedü blam-a adalidqal ügei ačitu boɣda Sumadi-šiila-širi-badr-a-yin... namtar... süsüg-ün lingqu-a-yi mösiyelgegči naran-u gerel...*

[207] См.: Лигети, Сборник, XI (ЛОИВАН, Монг. Жамцарано, III, 128, издал А. Рона-Таш); PLB № 1, 14.

[208] ЛОИВАН, Монг. I 122. См.: Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 36.

[209] ЛОИВАН, Кит. D 1273, I—II, минский ксилограф, 1509 г.

[210] ЛОИВАН, Монг. F129 (Владимирцов, II, 4), *Olan daɣu-u debter ene amui. (Kebtü yosun-u terigün on... =*1909).

[211] ЛОИВАН, Монг. D7 (Жамцарано, III, 82) стихи ордосского поэта Кешигбату, тетрадь *Sine ǰokiyaɣsan silügleltü bičig* составлена в 1909 г., когда поэту было 60 лет: *Kebtü yosun-u terigün on. qaburun terigün sarayin šineyin sayin edür-e...*

[212] Например, ЛОИВАН, Монг. В 294, бурятская рукопись. Ср. Дамдинсурэн, Сто образцов, № 8, и W. Heissig — K. Sagaster, Mongolische Handschriften, № 29.

[213] См., например, «роман» о Синегорлой Лунной Кукушке, перевод с тибетского, пекинский ксилограф 1770 г., PLB № 146, «или путеводитель», описание святынь Утайшань, PLB № 7, 1667.

[214] См.: PLB № 216, 1873 г., или «Драгоценное зеркало», ЛОИВАН, Монг. F215; Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 21.

[215] ЛОИВАН, Монг. H 281 (PLB № 95), Дамдинсурен, Сто образцов, № 52; W. Heissig,— K. Sagaster, Mongolische Handschriften, № 29.

[216] См.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 2—5, и Heissig, Geschichtsschreibung, I, стр. 50—75.

[217] См.: Ш. Бира,— AOH, XVII, 1964, стр. 16.

[218] См.: Дамдинсурэн, Сто образцов, № 53; издание текста: «Corpus Scriptorum Mongolorum», V, Улан-Батор, 1959, 1968; см. также: Кара,— AOH, XXII, 1969, стр. 383—386.

[219] См.: L. Ligeti, Catalogue du Kanjur mongol imprimé.

[220] См.: Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, стр. 40: *Yuwan ulus-un γool sudur.*

[221] См.: W. Heissig, Die mongolische Steininschrift und Manuskriptfragmente aus Olon süme in der Inneren Mongolei, Göttingen, 1966, стр. 43—47.

[222] См., например, *Čaγan ebügen-ü nom-un sudur,*— W. Heissig, Mongolische volksreligiöse und folkloristische Texte, Wiesbaden, 1966, стр. 131—133.

[223] По уланбаторскому списку, см.: E. Haenisch, Ein Urga-Handscrift des mongolischen Geschichtswerks von Secen Sagang, Berlin, 1955.

[224] См.: C. R. Bawden, The Mongol chronicle Altan Tobči, Wiesbaden, 1955, стр. 35.

[225] Л. С. Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 22, и Heissig, Geschichtsschreibung, I, стр. 134—159.

[226] См. Т. Пагба, «Зүрхний тольтын тайлбар»-ыг судалсан тухай тэмдэглэл, Улан-Батор, 1957, стр. 4.

[227] Ц. Дамдинсүрэн, Хоёр загалын тууж, Б. Содном — Л. С. Пучковский, Повесть о двух скакунах Чингис-хана, Улан-Батор, 1956; Дамдинсурэн, Сто образцов, № 9; A. Mostaert, Textes oraux ordos, Peip'ing, 1937, стр. 228—239.

[228] См., например, ЛОИВАН, Монг. C 109, 1 л.

[229] W. Heissig, Blockdrucke, стр. 39—41, 96—99; Beiträge zur Übersetzungsgeschichte des mongolischen Buddhistischen Kanons, Göttingen, 1962.

[230] Об этих сочинениях см. выше.

[231] Жамцарано, Монгольские летописи, стр. 53; Heissig, Blockdrucke, стр. 127—128, PLB № 162.

[232] Čoyijalsürüng, Buriyad modun bar-un nom-un tabun γarčiγ, Ulaγ-an baγatur, 1959; Rinchen, Four Mongolian historical records, New Delhi, 1959.

[233] L. Ligeti, A Mongolok titkos története, Budapest, 1962; A mongolok titkos története (Сборник, III, Budapest, 1964); P. Ratchnevsky, Šigi-Qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann im 12.—13. Jahrhundert,— CAJ, X, 1965, стр. 87—120.

[234] «Субхашитаратнанидхи», I, 29.

[235] F. W. Cleaves, The Bodistw-a Čaria Awatar-un Tayilbur of 1312,— HJAS, XVII, 1954, стр. 23—24.

[236] Б. Я. Владимирцов, Bodhicaryāvatāra, Leningrad, 1929; Лигети, Сборник, VII, стр. 207.

[237] ЛОИВАН, Монг. C 36 (Руднев, 104).

[238] См. выше.

[239] См.: Владимирцов, Сравнительная грамматика, стр. 38.

[240] Ср.: N. Poppe, Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache,— AM, I, 1924, стр. 668—675.

[241] ЛОИВАН, Монг. B 19 (I, 112), 21 л., 16,4×7,3 (12,2×5,4), см. китай-

ский маркировочный знак: *чжао* (тот самый, который появляется на листах некоторых пекинских монгольских изданий «Ваджраччхедики»). Ср.: PLB № 6. 20 л., 17,5×7,5 (13×5) *см дань. Чжао* «сокращает» монг. *Qutuγ-du γur ban čoγčas kemekü sudur. (čoγčas)* (заглавие в колофоне), *дань* — монг. *Čoγ tu čindan (čindan).*

[242] Heissig, Geschichtsschreibung, I, стр. 50—75.

[243] ЛОИВАН, Монг. К 20, PLB № 2.

[244] PLB № 11, 1707 г.

[245] ЛОИВАН, Монг. С 284.

[246] ЛГУ, Монг. фонд, Калм. Е I, 183 л., *Erketü Šākyamüniyin arban zokōl kiged γoyor ilöü ödür bolγoqči orošibo.*

[247] См.: PLB № 127, 19 л.: расходы на тушь и бумагу по копиям — 5 фень (5 соток серебряного ляна), № 162: 140 лян серебра за 1300 л.; расходы гравирования, XVIII в., № 210: 70 лян за гравирование 139 л. и т. п. (W. Heissig, Eine kleine mongolische Klosterbibliothek aus Tsakhar,— Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums in Bern, XLI—XLII, 1961—1962, стр. 568—571). По Е. Тимковскому («Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», II, стр. 395—400) «бумага писчая, лист — 6 наших» стоила «18—22 чехов», «оберточная Маотучжи, величиною в 1½ листа нашего, лист—3» (8 руб.=1000 чехов на китайские медные деньги, см. выше, прим. 346). «Сто разговоров («Тангу мейен») на монгольском языке с переводом китайским (см.: «Чусюе чжинань») — 7 чин; «Разговор христианина с китайцем о вере», на монгольском, в 2-х томах — 1 лян, 7 чин, и т. п. О. М. Ковалевский писал 2 ноября 1829 г.: «Во время пребывания в Урге приобрел я редкое и важное Монгольское сочинение Алтан Гэрэл, в 1660 г. в Пекине напечатанное, за 12 кирпичей чаю и 1 сафьян, стоющие 35 рублей ассигнации» (из письма в Совет Казанского Университета; о нем любезно сообщила мне Н. П. Шастина); см. также: «Каталог Санскритским, Монгольским, Тибетским, Маньчжурским и Китайским книгам и рукописям, в Библиотеке Императорского Казанского Университета хранящимся», Казань, 1834, стр. 2; ЛОИВАН, Монг. F188 (Пучковский, Монгольские рукописи и ксилографы, I, № 7): «Из книги Новоселова. Краткое повествование о происхождении монгольских князей в 4-х книгах, куплены за лану и два чена серебра в Пекине» (1808 г.). На первом листе пекинского ксилографа ЛОИВАН, Монг. С 452, 8 л., читаем записку Иерига: «50 Müngänäh» (монет). В собрании Позднеева в Монгольском фонде ЛОИВАН часто встречаются бурятские ксилографы второй половины XIX в. с печатью Галсана Гомбоева и указанием цены книги.

[248] См., например, ЛОИВАН, Монг. Q243, бурятский ксилограф 1864 г., «Саддхармапундарика» переиздание пекинского ксилографа 1711 г., PLB № 16А, см.: W. Heissig,— UAJ, XXXVIII, 1966, стр. 78.

[249] Например, PLB № 145.

[250] См.: W. Heissig, Blockdrucke (PLB), стр. 18.

[251] ЛОИВАН, Монг. G46, см. выше.

[252] ЛОИВАН, Монг. С 445 *(Qutuγ-tu bilig) baramid-un γool ǰirüken,* 28,1 (25,6)×12,8 *см,* 83 таких «страниц». ЛОИВАН, Монг. С 460=PLB № 156 — другое издание XVIII в., на 5 языках.

[253] PLB № 148, 1773 г.

[254] Х. Лувсанбалдан, Ачлалт номын тухай; Лигети, Сборник, IV, Будапешт, 1965, стр. 9—37.

[255] См. выше, прим. 161.

[256] «Субхашитаратнанидхи»; см. выше, прим. 57.

[257] «Ути Цинвэнь цзянь», I—III, Пекин, 1957. Издание рукописи пекинского Старого Дворца, XVIII в.

[258] См., например, пекинский ксилограф Тарпаченпо 1729 г., PLB № 72А, W. Heissig,— UAJ, XXXVIII, 1966, стр. 78—79. Экземпляр этого издания есть и в Монгольском фонде ЛОИВАН (раздел Q; китайский маркировочный

знак *чэнь*, Ошанин, № 5536); в стихотворном послесловии упоминаются Ргьялуа (монг. произношение: Джалба) и Зундуй, которые, по-видимому, не сразу нашли резчика Вана (известного и по другим колофонам) и подходящего, хорошего писца.

259 Например: K. Sagaster, Leben und historische Bedeutung des I. (Pekinger) lČaṅ skya khutuktu, Bonn, 1960, стр. 90—91; W. Heissig,— UAJ, XXIV, 1951, стр. 125—126.

260 См.: «Corpus Scriptorum Mongolorum», Т. IX, Улан-Батор, 1959.

261 J̌adamba, *Naimaduγar J̌ebcundamba-yin mongγol bičimel nom-un čuγlaγulγ-a*, Улан-Батор, 1959.

262 См.: Позднеев, Очерки быта, стр. 102; Heissig, Eine kleine mongolische Klosterbibliothek.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ИРАН – «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета».
AM — «Asia Major», London (Leipzig).
AOH — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague — Wiesbaden.
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge, Mass.
JASB — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
OE — «Oriens Extremus».
RO — «Rocznik Orientalyczny», Lwów (Kraków).
T'P – «T'oung Paŏ, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, ethnographie et les arts de l'Asie Orientale», Paris — Leiden.
UAJ — «Ural-Altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ХРОНОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

386—550. Династия Тоба-Вэй в Северном Китае.
В V в. — книги на языке и письменностью тоба.
907—1125. Династия Ляо в Северном Китае.
920. Год создания киданьского «большого письма».
925. Создана киданьская «малая» письменность.
1134. Каменописный памятник на киданьском языке, воздвигнутый чжурчжэньским полководцем.
1204. Покорение найманов Чингиз-ханом, пленение Тататонги, уйгурского писца.
1206. Приказ Чингиз-хана о составлении «синих тетрадей».
1224 или 1225. В Прибайкалье воздвигнут «Чингизов камень».
1228. Составлена первая версия «Сокровенного сказания» на Керулене.
1236. Основан город Каракорум, столица Угедей-хана, первый постоянный центр монгольской письменности.
1240. Курсивная заключительная формула на монгольском языке в конце китайского эдикта императрицы Торегене (каменная стела, пров. Хэнань, Китай).
1246. Письмо Гуюк-хана римскому папе Иннокентию IV, оттиск монгольской печати на персидском тексте.
1257. Надпись в честь Мунке-хана при буддийской кумирне у озера Хубсугул (Северо-Западная Монголия).
1269. Введение квадратной письменности, созданной тибетским монахом Пакба-ламой (1234—1279) по приказу Хубилай-хана.
после 1269. Печатное издание «Сокровищницы мудрых изречений» квадратным письмом.
1272—1273. Монголо-арабская грамота Нур ад-Дина.
1280—1368. Юаньская династия в Китае.
1289. Ответное письмо Аргуна, монгольского правителя Ирана, французскому королю Филиппу Красивому.
1290. Его же письмо римскому папе Николаю IV.
1305. Письмо монгольского «султана» Ульджейту Филиппу Красивому.
1312. Печатное издание буддийской сутры «Бодхичарьяватара», перевод с тибетского и комментарий монаха Чойджи-одсера. 1000 экземпляров, г. Дайду (Пекин).
до 1328. Переводы «Книги пяти покровителей» и «Сутры золотого блеска» («Панчаракша» и «Суварнапрабхаса») с тибетского и уйгурского языков монахом Шераб-сенге.
1328. Печатное издание «Книги созвездия Семи Стариков» («Сутра

Большой Медведицы»); перевод с китайского Биратнаширн, главы уйгурского буддийского духовенства. 2000 экземпляров.

XIV в. Золотоордынские стихи на бересте.

1360. Монголо-китайская надпись памяти сининского князя Хинду.

1413. Монгольская, чжурчжэньская и китайская параллельные надписи на тырской стеле (Амурский край).

1431. Лицевой ксилограф, сборник заклинаний.

1453. Китайско-монгольское письмо минского двора правителю иранского Луристана.

1577. Принятие «желтой веры» (реформированного ламаизма) Алтан-ханом (1507—1582) от далай-ламы Соднамджамцо (1523—1588).

1587. Аюши-гуши составил монгольский транскрипционный алфавит для иноязычных слов.

1591. Печатное издание «Маньджушри-нама-самгити» — сборника гимнов в честь божества знаний.

1601. Тибето-монгольская надпись у Белого дворца халхаского князя Цокту-тайджи о создании монастыря старого толка.

1624. Надписи на скалах Цокту-тайджи у Орхона.

1626. Тибето-монгольская надпись у Белого субургана.

1628—1629. При чахарском Лигдан-хане (1594—1634) комиссия книжников во главе с Гунга-одсером готовит новую редакцию Ганджура.

1632. Маньчжурская письменная реформа.

1557—1653. Годы жизни Нейчи-тойна, ламаистского просветителя восточных монголов.

1640. Ундур-геген (1635—1723) провозглашен главой монгольской церкви.

1640. Составление монголо-ойратских законов на дзунгарском съезде.

1648. Ойратский Зая-пандита Окторгуйн-далай (1599—1662) создал «ясное письмо».

1650. Первый пекинский ламаистский ксилограф маньчжурского периода (1644—1911) на монгольском языке.

1655 Летопись Лубсандандзина «Золотой свод».

1660-е годы. Летопись ордосского князя Сагана Мудрого «Драгоценный свод».

1661. Монгольское письмо Дайчин-тайши царю Алексею Михайловичу.

1714. Монгольский перевод маньчжурского толкового словаря.

1716. Напечатана народная эпопея «Гесериада».

1717—1786. Годы жизни Ролбайдорджи, второго пекинского Джанджа-хутухту, мецената многих монгольских изданий и автора.

1718—1720. Пекинское печатное издание монгольского Ганджура в 108 томах («Красный Ганджур»).

1739. Летопись джарутского Ширегету-гуши Дарма «Золотое колесо с тысячью спиц».

1742. Ойратское печатное издание «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика»).

1747. Монгольское печатное издание тибетской медицинской энциклопедии «Эссенция амброзии, восьмичленное таинственное учение...».

1749. Печатное издание монгольского Данджура в 226 томах в Пекине.

1758. Китайско-маньчжуро-тибето-ойратская надпись о маньчжурской победе над илийскими ойратами (Жэхэ, Пунинсы).

1771. Китайско-маньчжуро-монголо-тибетская надпись о возвращении ойратов из России (Жэхэ, Потала).

1794. Монгольские слова в маньчжурском письме: учебник монгольского языка «Компас начинающего» для китайцев.

1820-е годы. Бурятские и халхаские ксилографы.

1823—1855. Годы жизни первого бурятского ученого с европейским образованием, Доржи Банзарова, автора «Черной веры» — книги о шаманизме.

1871. Инджаннаши (1837—1896) писатель из Внутренней Монголии закончил исторический роман «Синяя книга великой юаньской династии».

1875. «Родословная одиннадцати хоринских отцов», бурятская летопись Вандана Юмсунова.

1895. Появление читинской газеты на русском и «монголо-бурятском» языке «Жизнь в восточной окраине».

1905. Бурятский алфавит Агвана Доржи.

1910. Опыт бурятской латиницы Бадзара Барадийна.

1911. Провозглашение автономии Внешней Монголии.

1912. Открытие первой постоянной светской школы в Урге.

1913. Издание первого номера монгольского журнала «Новое зерцало» («Шинэ толи»).

1915. Печатается монголоязычная газета «Столичные известия» («Нийслэл хүрээний сонин бичиг») под редакцией Ц. Жамцарано в ургинской русско-монгольской типографии.

1919. Обращение Советского правительства к калмыцкому народу за подписью В. И. Ленина.

1920. Создание Калмыцкой автономной области в составе РСФСР (с 1935 г.— Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика).

1920. Выход в свет первого номера газеты Народной партии «Монгольын үнэн» («Монгольская правда»).

1921. Народная революция в Монголии.

1923. Образование Бурят-Монгольской АССР.

1924. Провозглашение Монгольской Народной Республики.

SUMMARY

The story of the Mongol writing started 700 years ago, in the stormy 13th century when the steppe's warriors rode on horseback between the Yellow Sea and the Adriatic, threatening old cities and smashing long respected frontiers. The newborn empire of Chinggis Khan risen by merciless swords needed the mercy of the script and of the books. The want for the written word turned the attention of the bellicose nomads to the cultural heritage of the ruined cities of Central Asia, to the knowledge of Tibet, depository of India's wisdom, and to the subtle arts of Chinese thoughts and manners, a sweet poison for all pastoral peoples on both sides of the Great Desert. The children of the warriors became familiar with different alphabets and very soon they had their own printed books, long before the Western world discovered printing. On the folios of the old Mongol books and MSS one may come across the traditions of the grassland and those of the peasant civilizations, ideas from the shamanistic past, the teachings of the Buddhas or traces of Nestorian Christianity, one may find there Confucian maxims and Moslem influence. Since then, despite the collapse of their medieval state and despite the tempests of the later centuries, Mongols have never lost their interest in the written word, and even in the darkest periods of their history they did not lack, faint as it was, the light of writing.

The present study offers a brief outline of the past of the Mongol writing, its different alphabets, the main forms of its monuments, inscriptions, blockprints and handwritten books, with many concrete data and conclusions drawn from the investigation of the materials kept in one of the world's richest collections of Mongol written sources, the Mongol Fund of the Leningrad Section of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR.

The Mongols of Chinggis Khan were not the first Mongol people which acquired the knowledge of writing. Chinese historical works tell us how the T'o-pa, ruling people of the Northern Wei dynasty established a "national" culture with the writing system of their own, how they became arduous propagators of their language, and how they had been absorbed very soon, in the 5th century A. D., by the Chinese model they followed. Another strong nomadic Mongol tribe, the Khitans who conquered North China in the early 10th century, had two different writing systems one showing typological affinity to the modern Japanese

script in combining ideogramms with syllabic symbols. The few Khitan monuments that have survived, large epitaphs and minor inscriptions, wait to be deciphered. These writing systems died out with the State for which they had been established.

A long tradition of writing which practically never had been interrupted till our days began in the 13th century when the Mongols of Chinggis Khan borrowed the alphabet used by the Uighurs.

The shamans and rhapsodes' keen memory that had been able to keep the genealogies, the stories of the past, the customs and laws and tribal traditions of a pre-state nomadic society through many generations became insufficient when, after the old tribal institutions were broken by the force of the accumulation of the material power, this society had to build up a highly organized state in a very short time. And since classical nomadic societies were formed in constant symbiosis of need with at least one peasant society, the State of the nomads usually borrowed, immediately or not, many elements of its institutions from the «peasants». The Mongols of Chinggis Khan did not follow the way of the Khitans whose men of letter had elaborated the system inspired by the Chinese script, but borrowed the system of writing used by the Uighurs, a Semitic script with no less longer history than that of China. And though shamans and rhapsodes did not entirely lose their former importance, the memory of the State became the monopoly of the connoisseurs of writing, the scribes and chancellors and the Buddhist monks; the latter offered to the new state an old and well developed ideology with the possibility of a well organized economy (this never had been realized, as the medieval Mongol society remained too military, and the wealth received ready made from the conquered societies paralysed the possible development of the Mongols' own economy.) During the last 700 years the chancellaries and the monasteries meant the two parallel poles of writing, usually with different styles in the language and in the graphical appearance of the script, but not without overlaps.

According to the 18th century Lamaist tradition the Mongol alphabet was created by the famous Tibetan monk Saskya Pandita and it was brought to perfection by another lama, Choskyi Odzer. In fact this writing system which has been called "Uighur script" by the Mongols is but a slightly modified variety of the Semitic alphabet used by the Uighurs. It is not quite clear, however, where and when the Mongols got acquainted with this script. The Secret History of the Mongols informs us that in 1206 Chinggis ordered to record the decrees "on the white pages of the blue book". This was after the defeat of the Naimans, whose "state secretary" with the Naiman ruler's seal was captured by
 the Mongols. Following the historical legend related in the Yüan

History, this secretary, the Uighur Tata Tonga transmitted the Uighur knowledge of writing to the Mongols. Nevertheless it is not impossible that the Uighur script had been employed by other Mongol-speaking peoples, for instance, by the Khitans of the Western Liao, but, as no monument has been found, this idea still remains but a bypothesis.

The Mongols had not changed the Semitic character of the Uighur script, moreover they had adopted its orthography as a whole, including graphical features of phonetic origin which caused an increase in the number of the poliphonic letters. Perhaps the Mongol alphabet as a conventional arrangement of the graphical symbols was also borrowed from the Uighurs; for a "graphical glottochronology" it is interesting to note that here only the pair *lm* has conserved its ancient Semitic order.

In the first century of the Mongol Empire there were many foreigners among the simple scribes and high-ranked secretaries of the Mongols: Muslims from Turkestan, Jurchens, Chinese, but the most important role in the literary activities was played by the Uighurs, and, especially in Qubilai's time, by the Tibetans, the first — because of speaking a language typologically near to the Mongol and because of giving their writing system, the second — because of their Lamaist ideology offerred to the new state. Otherwise the same ideology had been spread among the Uighurs who had had then a long Buddhist literary tradition.

It was this Uighur Buddhist tradition that offerred a ready terminology for the first Mongolian translations of the Tibetan Scriptures and this tradition served as a vehicle for a mass of Indo-European (Indian, Sogdian and Greek) terms. This word stock is valuable both for the knowledge of the contermporary Uighur language and for studying the complicated ways the various cultures followed in Central Asia.

Most interested in Tibeto-Mongol affairs, the priests of the Saskya monastery like Choskyi Odzer, probably of Uighur origin, Sonom Gara, Sherab Sengge, Punyashri and Prajnyashri, the most famous Lamaist translators of the late 13th and of the early 14th centuries had great merits in establishing a developed literary language, apt for rendering even highly sophisticated philosophical ideas.

The few early written monuments which have survived the later centuries of bad luck and the mostly foreign historical records have transmitted to us the names of a handful of genuine Mongol men of letters like Bulga-noyon, Shiremün, Esenbuqa, Taibuqa of the Bayaut, Dorji and Dorjibal, offspring of Muqali, one of Chinggis's truest companions. Rashid-ad-Din and medieval travellors' relations inform us about the scribe's life in government offices and about the special courses for future scribes.

The "official" or "quadrangular script", the second writing system of the medieval Mongols was composed by the order of Qubilai. The work was completed by the Saskya high priest, Phagspa who followed the Indo-Tibetan model: his letters are not else than the quadrangular graphical modifications of Tibetan or Indian ones. The orthography is also syllabic, but due to the influence of the Uighur script, the letters forming one syllable are connected as in the Uighur-Mongol and follow each other in vertical line; thus the linearity of the letters is not broken by the vowel symbols. This script had a sufficient number of letters not only for the Mongol phonemes of the 13th century but also for some allophons, and though it was not free from certain orthographical Uighurisms in recording vowels, it could render the living sounds in a more exact way than the Uighur script.

In spite of this (and that it might be used for all the other main languages of Qubilai's empire: the Chinese, the Tibetan and the Uighur), Phagspa lama's clumsy quadrangles could not be compared with the Uighurs' easy graphemes. This is one of the reasons of the short fate of the „quadrangular script". In the early 14th century the Uighur characters regained their former importance. Nevertheless the few monuments of the Phagspa script, stone inscriptions and fragments of printed books and manuscripts give us an important key to the phonetic interpretation of the medieval Mongol texts written in Uighur script.

The collapse of the Mongol Empire and the following anarchy also caused a decay in Mongol writing. The revival of the cultural life started in the late 16th century parallel with that of the Lamaist Church greatly interested in the attempts at restoring the Mongols' unity. These attempts were baffled in the struggle with the Manchus who exploited the reformed Lamaism and its scriptures in assuring the submission of the Mongols. This is why the Ch'ing authorities paid attention to the promotion of the Mongols' writing. It was in the 17th and 18th centuries that the Mongol translation of the great Lamaist encyclopaedia, the 330 volumes of the Kanjur and Tanjur was completed and printed, that the medieval tradition of a yearly printed Mongol calendar renewed, and that a considerable number of religious and secular works including historical records, astronomical, grammatical and medical treatises and great dictionaries were translated from Tibetan, Manchu and Chinese or composed in Mongol.

The 17th century was also a period of new writing systems: the "clear alphabet" of the Western Mongol or Kalmuck Zaya Pandita and two other "new alphabets" composed by Dzanabadzar, the first head of the Khalkha Lamaist Church. The latter two scripts of Indo-Tibetan type remained ornamental and scarcely used, and even the "clear alphabet" could not replace the Uighur-

Mongol script a perfected derivative of which it was and became the script of the Kalmucks.

A former modification of the Uighur-Mongol characters is connected with the name of Ayushi, a Lamaist translator of renown. At the end of the 16th century he established the Mongol āli-kāli alphabet for the exact Uighur-Mongol transliteration of the Indian and Tibetan words.

The long tradition of the invention of "new scripts" or, at least, new orthographies, had not been broken off till this century. Among Western Buriats the Church Slav Cyrillic script was introduced by Orthodox missionaries in the last century. Since the adoption of the reformed Lamaism Mongol lamas used to write here and there in Tibetan characters, not only the sacred Tibetan texts, but also Mongol words, e. g. private notes in Tibetan cursive; a similar use of the Manchu script occurred among the Mongol clerks of the Ch'ing bureaucracy. 1905 is also the year of the invention of a new Buriat alphabet based on the Oirat «clear script», while in 1911 a selection of Buriat folk-poetry was printed in a new Romanized orthography modelled after the Finnish tradition but mingled with some French elements.

A special chapter of this book is devoted to the Uighur-Mongol graphematics. Like the sounds of the language, also the written symbols may be analysed according to their distinctive features. Such an analysis may seem forced in the case of Latin or Cyrillic script (though even there it can be useful), but it proves to be rather fruitful in the case of scripts of Semitic type, such as the Uighur-Mongol which offers a considerable number of combinatorial features. All varieties of symbols used within a graphically homogenious text can be reduced to a relatively small number of graphical elements (like "tooth", "belly", "leg", etc. according to the traditional Mongol terminology). Some of these elements can form a letter (grapheme or allograph), some of them form a part of a letter.

In the Mongol words of the Lamaist blockprints of the 17th century there occur some 16 graphical elements which can produce some 40 letters, i. e. symbols of definite phonetical function (one or one of the possible phonemes or allophons). These may be classified according to their positional distribution (initial, medial, final, independent). Positionally conditioned letters having a common graphical element and having the same phonetical function form a group of positional allographs, i. e. a grapheme. Positional allography may also have orthographical variants (e. g. medial N with or without the diacritic point) and purely graphical ones (within the latter: territorial, historical, within these: general, particular, individual, facultative or obligatory variants), but most frequently, features of graphical allography

concern the "hand" or graphical style, a historical sketch of which is the subject of further chapters (medieval calligraphy of blockprints and stone inscriptions, the chancellary shorthand, the "Turkestani" or Late Uighur cursive, the Oirat "hand", classical and modern shorthand styles, the proportions of the graphical elements within the different "hands", their main particularities).

The second and shorter part of the book deals with the various forms of the written monuments, with printing and handwriting, with the exterior of the blockprints and manuscripts ("palm-leaves", "concertina-books", "butterfly books", scrolls, brochures, their "make-up"; pagination, ornaments and illustrations, printing marks, covering, binding; ink, colours, paper, watermark or stamp, seal of ownership, etc.). Terms denoting books as compositions, types of titles and colophons, our main sources concerning authors, translators, scribes and patrons are also discussed in this part containing otherwise an attempt at the thematical classification of the books and manuscripts.

A chronology of Mongol writing and many philological notes complete this study accomplished in Leningrad, 1968.

ТАБЛИЦЫ

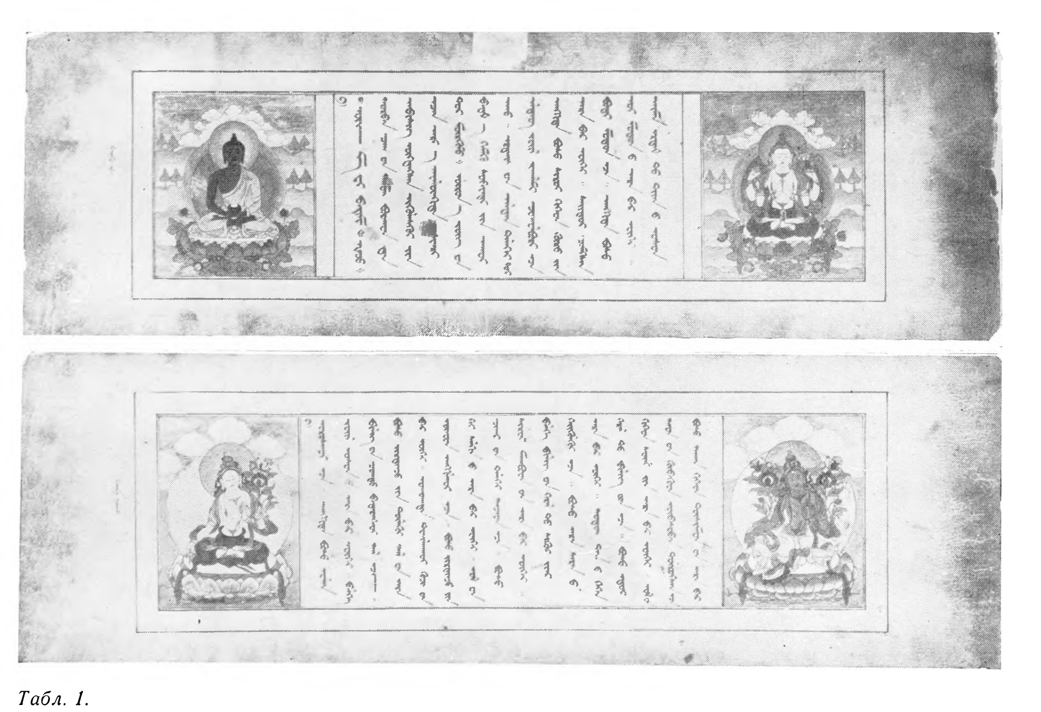

Табл. 1.
Первые два листа рукописи XVII в. с иконами.
Уставный почерк

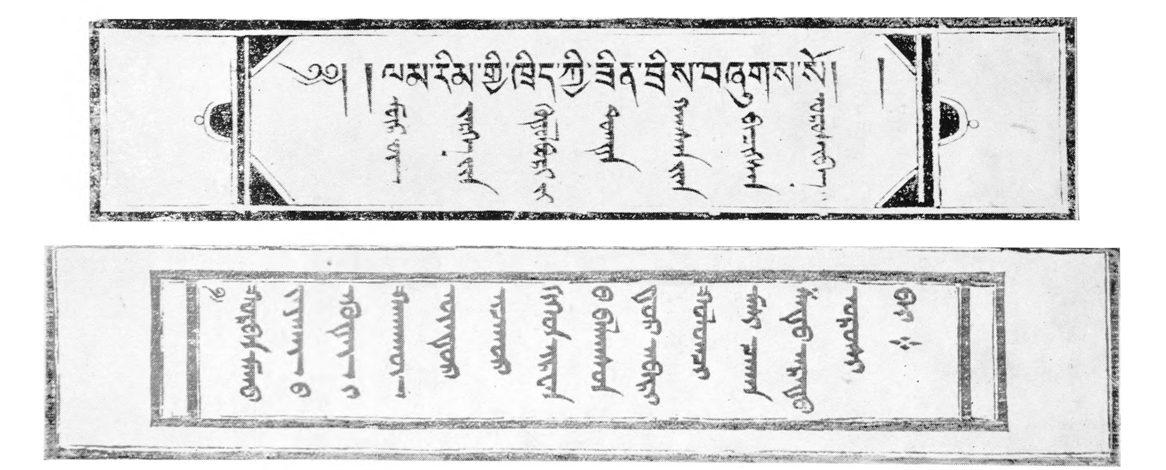

Табл. 2.
Рамки заголовков ксилографов XVII—XIX вв.

Табл. 3.
Старинная монгольская копия одного из переводов Зая-пандиты.
Рукопись XVII в.

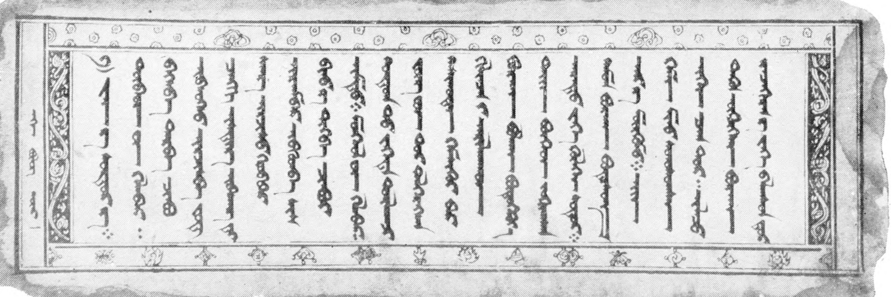

Табл. 4.
Первые листы пекинского ксилографа 1650 г.

А

Б

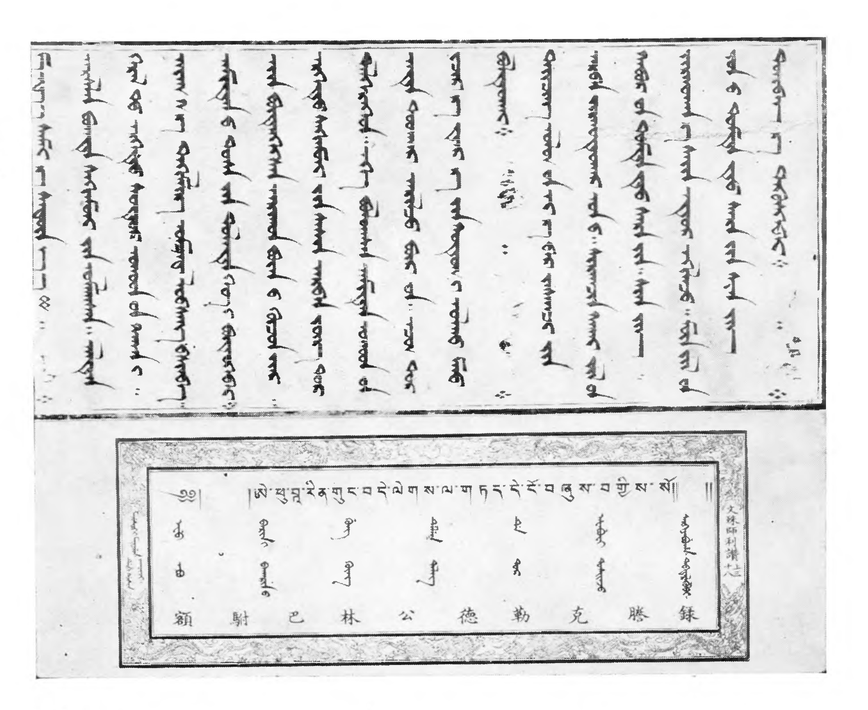

Табл. 5.
А. Послесловие к изданию 1659 г. «Сутры золотого блеска».
Б. Первый лист ксилографа конца XVII — начала XVIII в.

Табл. 6.
Послесловие к новому изданию 1708 г. сутры «Тарпаченпо»

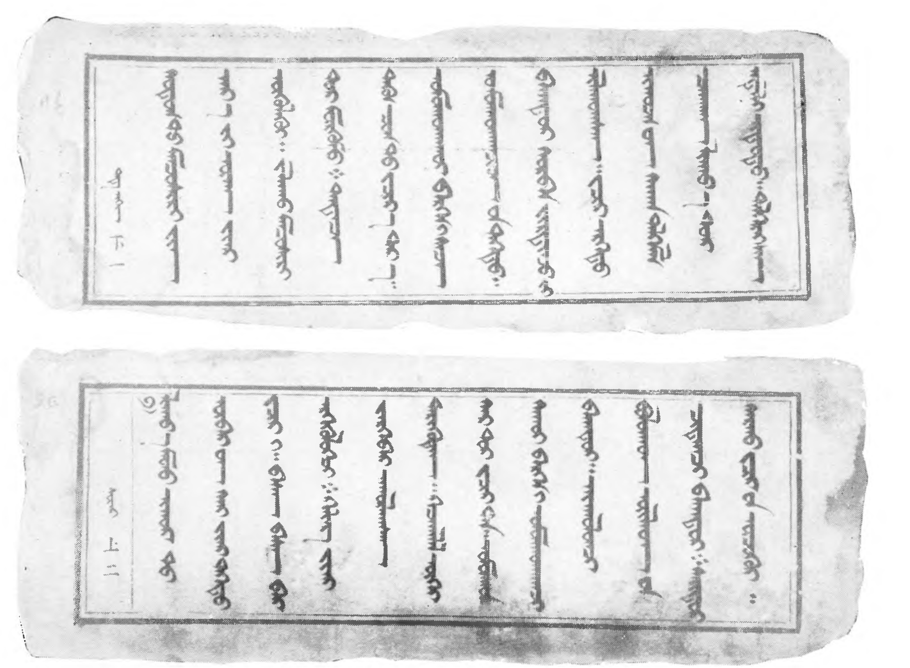

Табл. 7.
Первые листы ксилографа конца XVII — начала XVIII в.

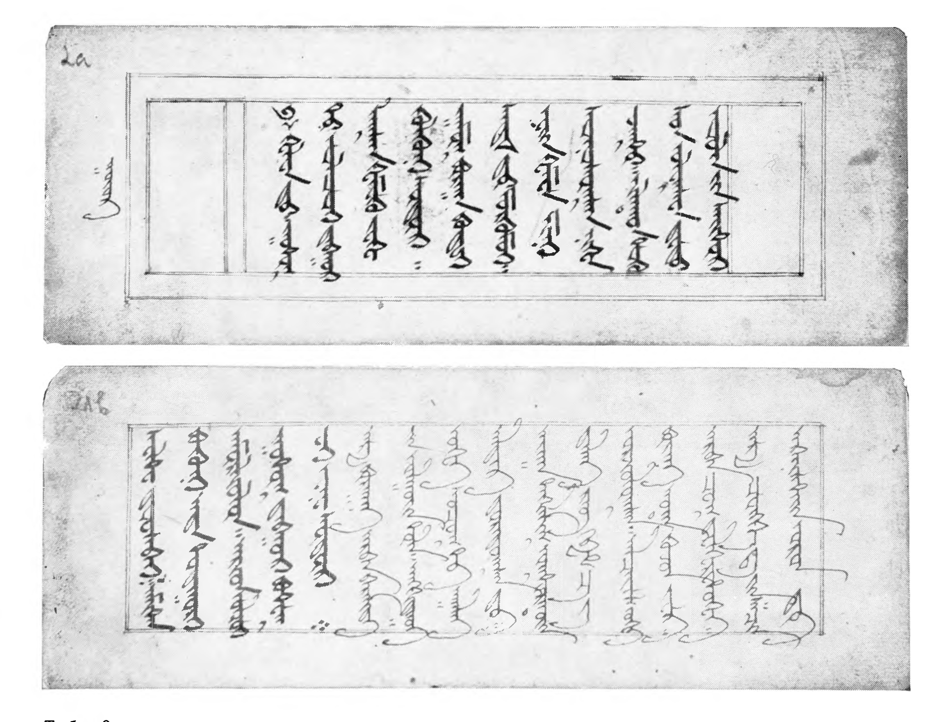

Табл. 8.
Ойратская рукопись XVIII — XIX вв. Листы 2а, 21б.
Текст — уставом, послесловие — тонким размашистым почерком

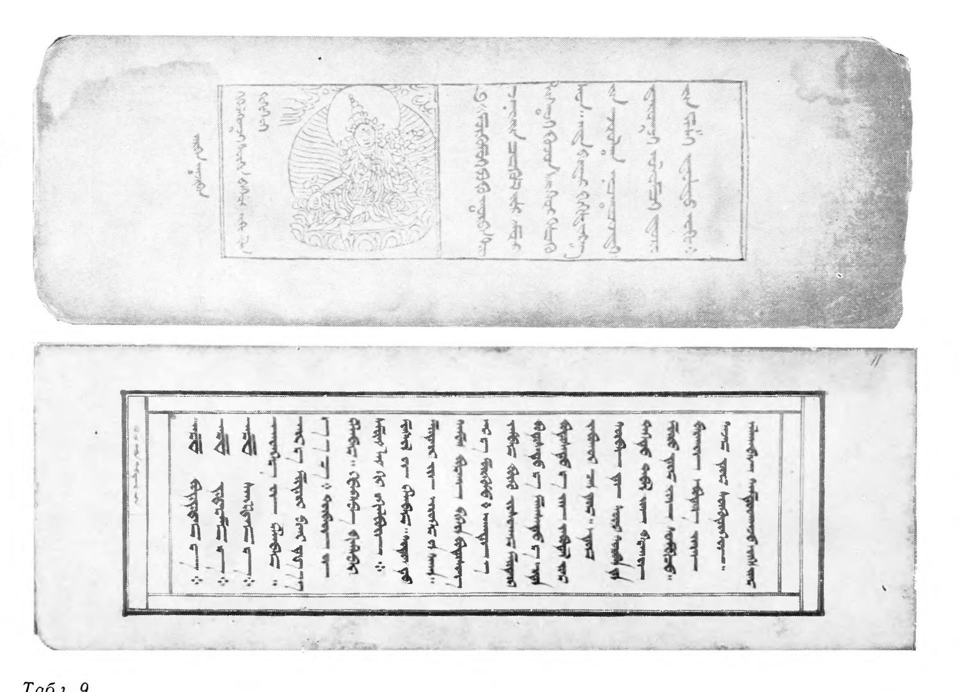
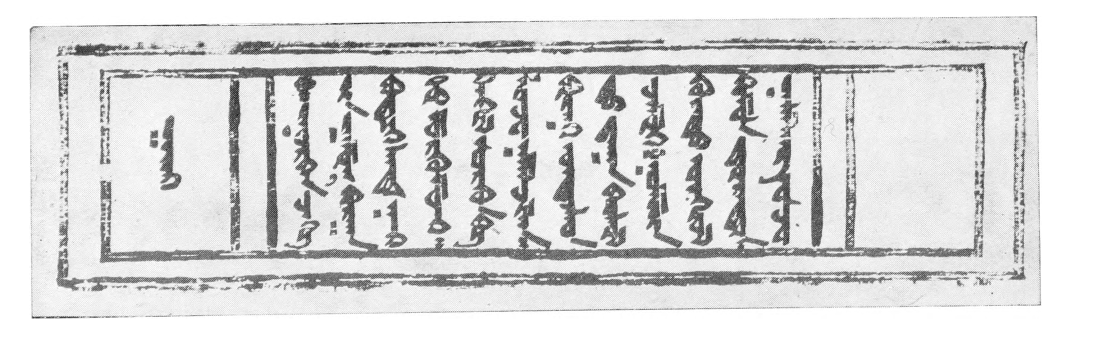

Табл. 9.
А. Лист из ойратского лицевого ксилографа XVIII в.
Б. Первый лист рукописи XVII в.

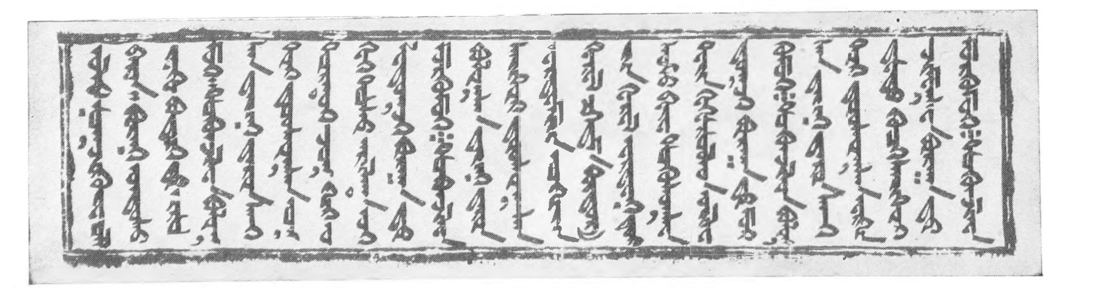

Табл .10.
Оттиск обеих сторон ойратской ксилографической дощечки

F 287, IV, 30b-31a

Табл. 11.
Рукопись с исправлениями, послужившая основой для нового печатного издания (см. табл. 12)

Табл. 12.
Страницы из печатного издания конца XVIII в.

招上乙號

招上二

Табл. 13.
Первые лицевые листы пекинских ксилографов XVIII в.

А

Б

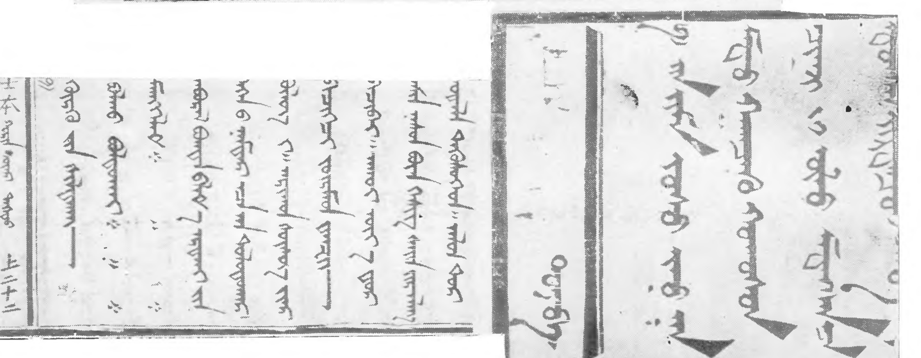

Табл. 14.
А. Первая страница книги, сложенной «гармоникой» с изображением восьми «уважаемых символов». Б. Халхаский ксилограф XIX в.

Табл. 15.
Из лицевой книги «гармоникой»

4.

Табл. 16.
Изображения «четырех махарадж»
в пекинских ксилографах XVIII в.

Табл. 17.
Первый лист рукописи XVII в.
с портретами ламаистских первосвященников

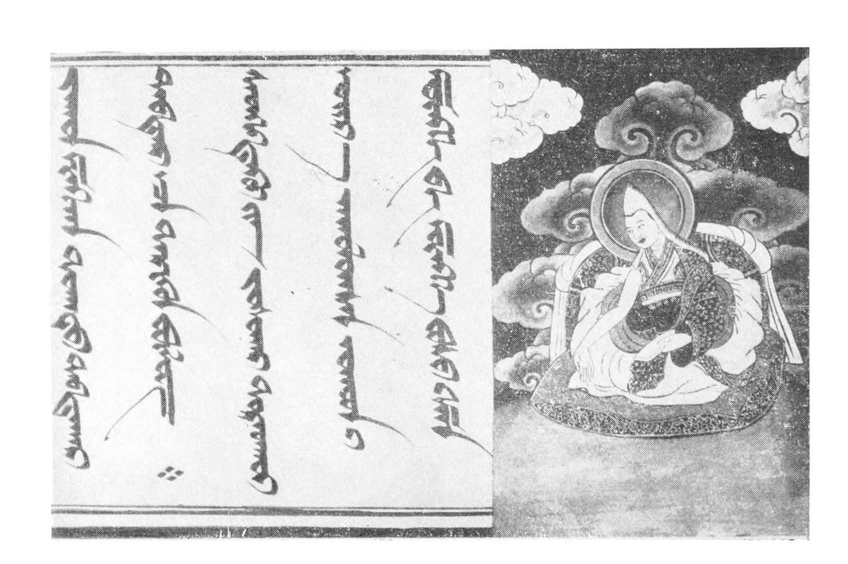

Табл. 18.
Лист из календаря 1722 г.

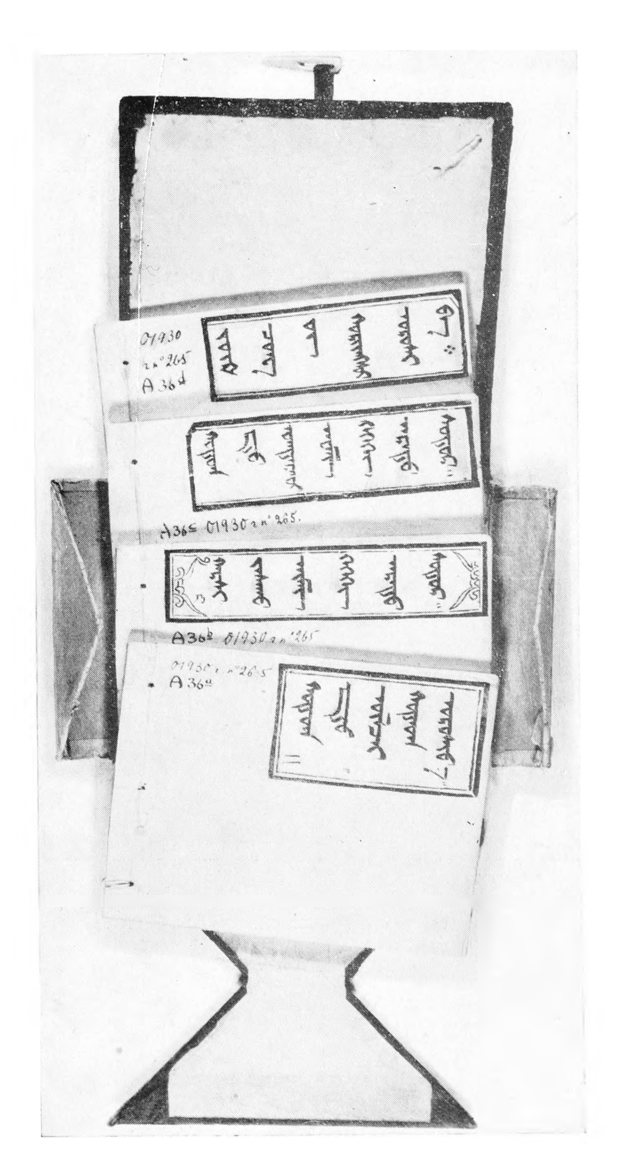

Табл. 19.
Тетради в футляре

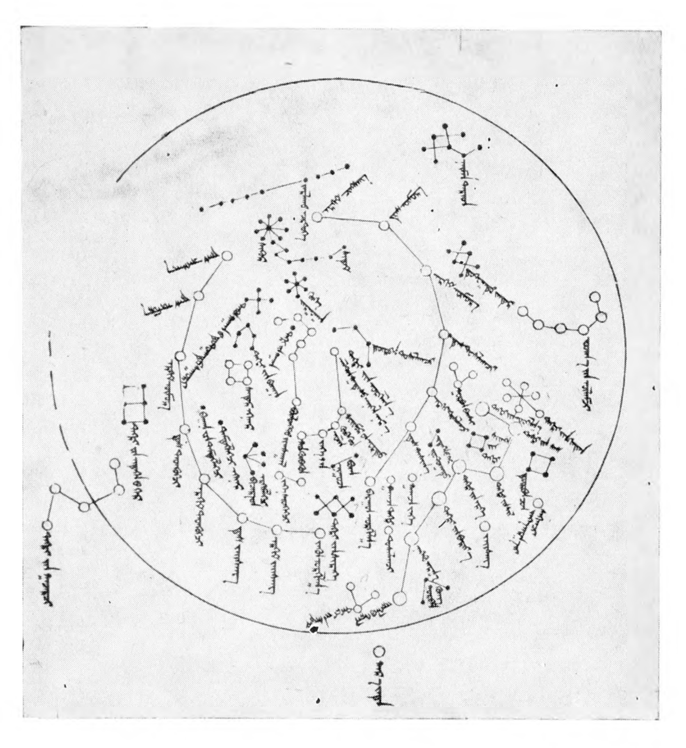

Табл. 20.
Созвездия середины северного неба из ксилографа 1711 г.

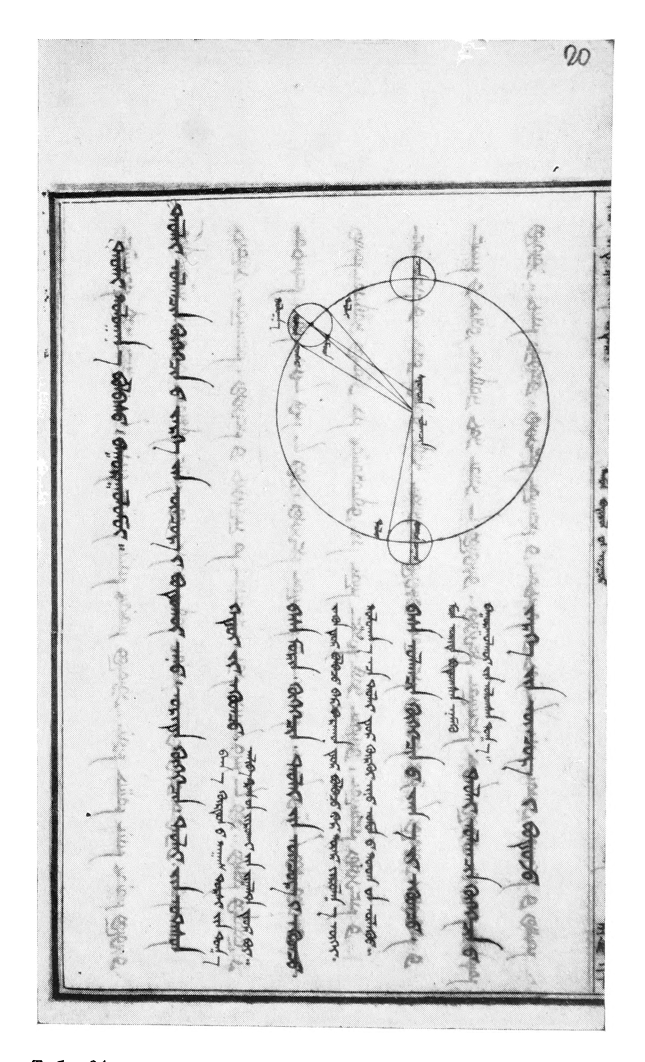

Табл. 21.
Астрономический рисунок
из ксилографа 1711 г.

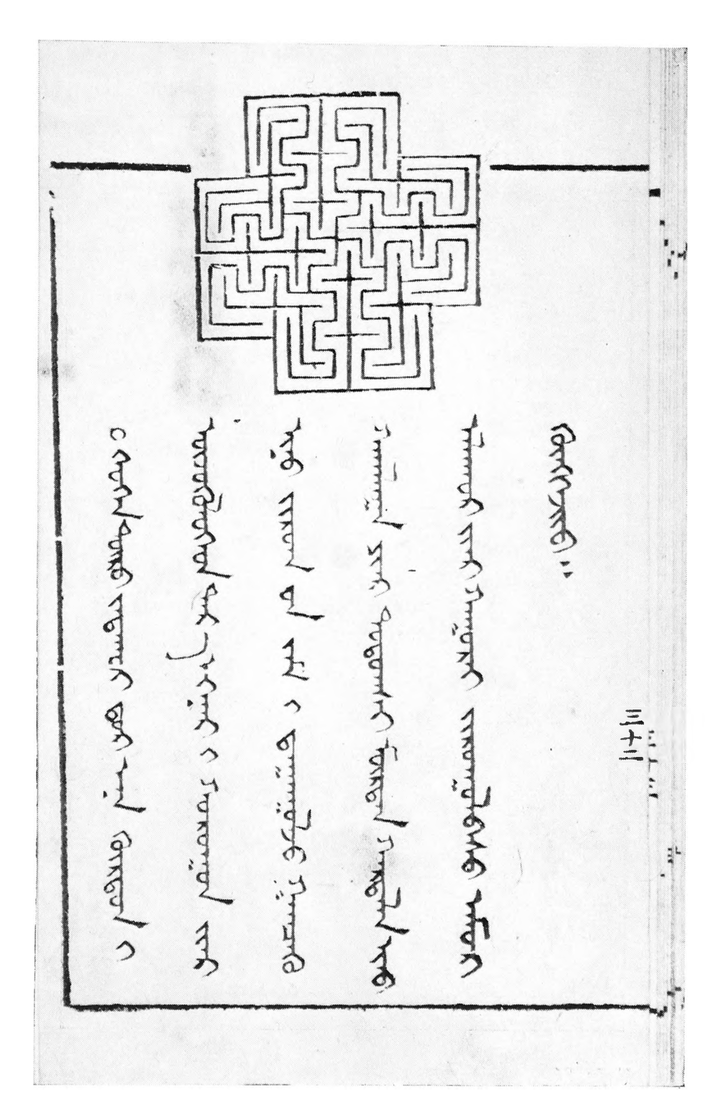

Табл. 22.
«Психотерапевтический» рисунок
из медицинского справочника XVIII в.

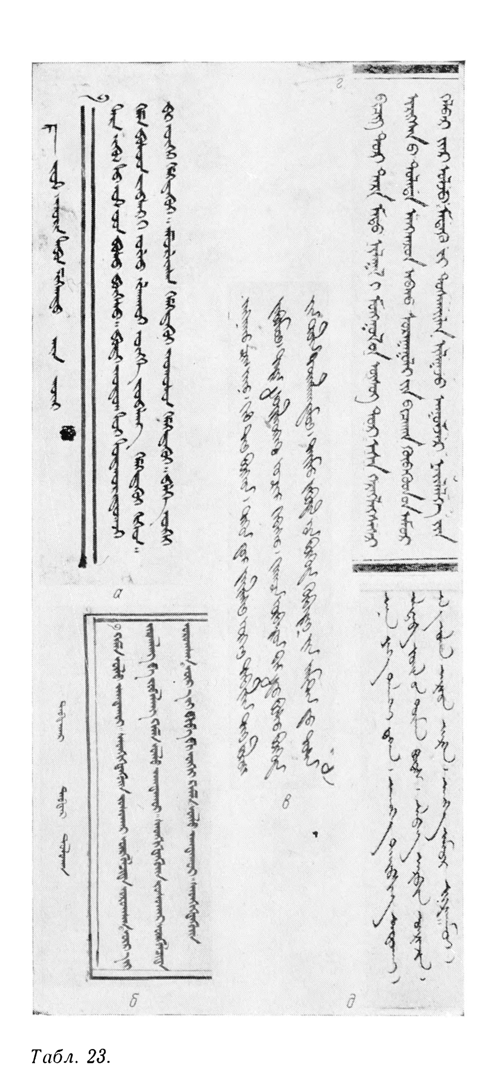

Табл. 23.

а — ойратовидный, *б* — ламский уставный;
в — бурятский курсивный;
г — внутреннемонгольский маньчжуровидный,
д — ордосский курсив.

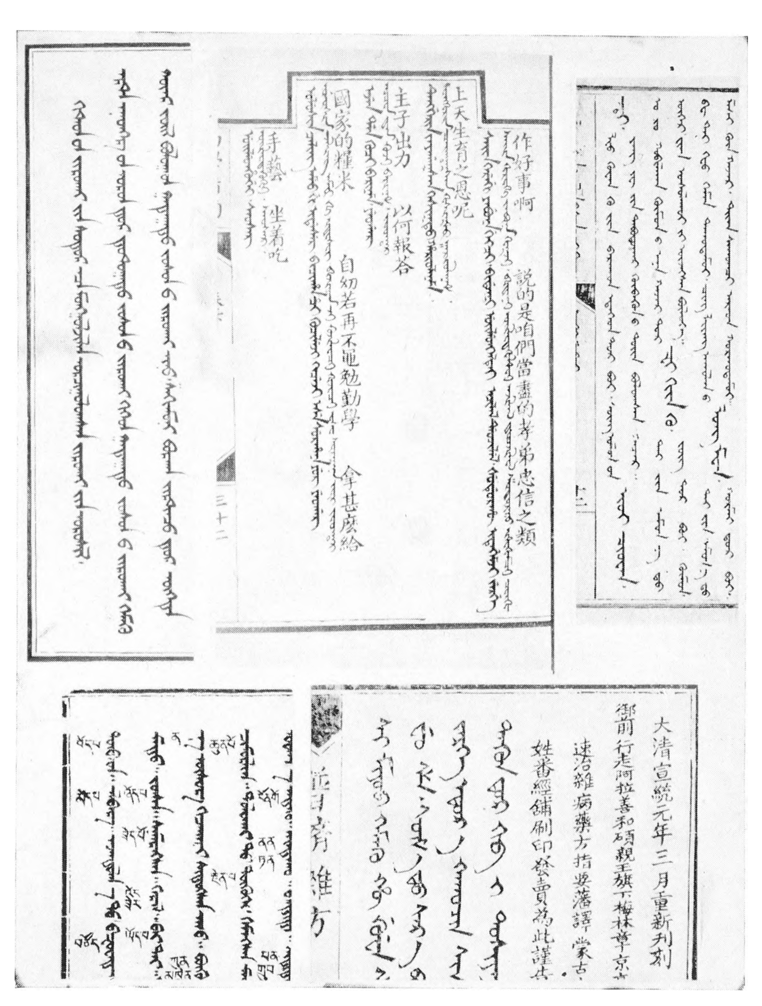

Табл. 24.
Образцы почерков XVIII—XIX вв.

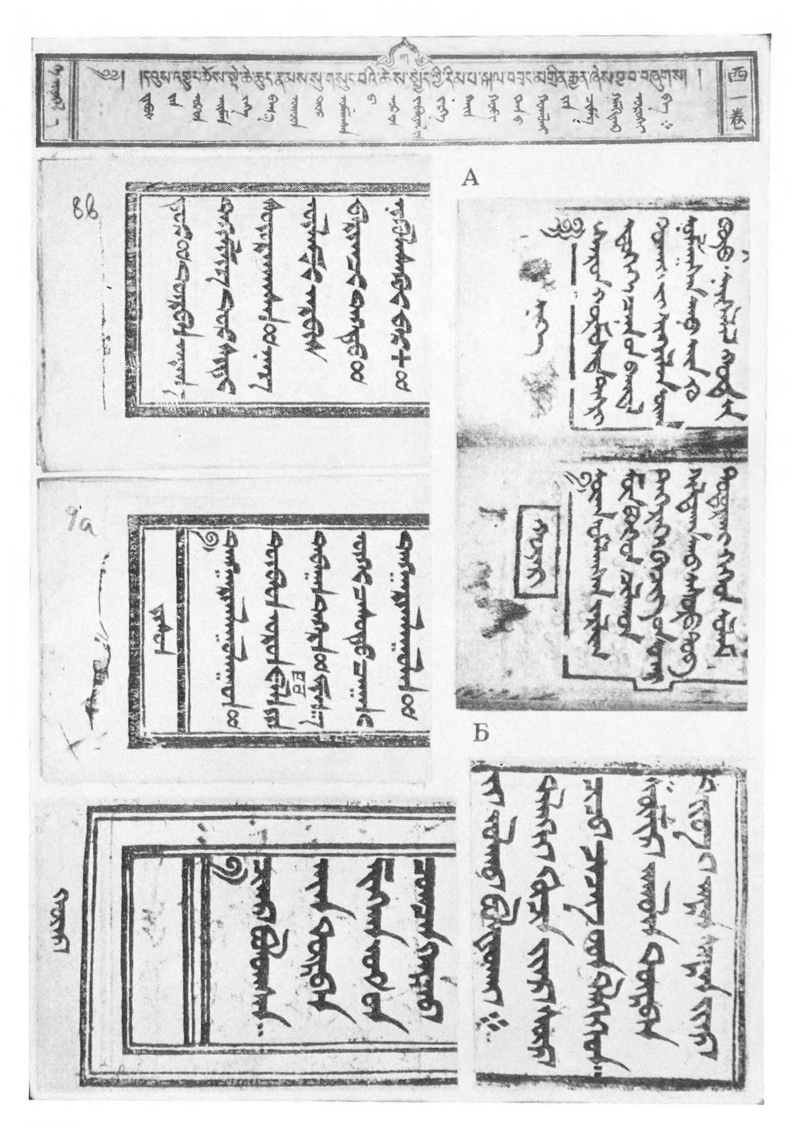

Табл. 25.
А. Рамка заголовка тома из двуязычного сборника.
Пекинский ксилограф XVIII в. Б. Образцы бурятских ксилографов

Табл. 26.
Изображение «грешных страстей» из описания буддийского ада. Халхаский ксилограф XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

Дьердь Кара

КНИГИ МОНГОЛЬСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Культура народов Востока»

Редактор *Н. Л. Елевич*
Младший редактор *И. Н. Исаева*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/VII 1972 г. Подписано к печати 22/XI 1972 г. Формат 60 × 84[1]/16. Бумага № 2. Печ. л. 12,25 + 2 п. л. мел. бум. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 15,05. Тираж 1500 экз. Изд. № 2795. Зак. № 833. Цена 98 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 98 коп.

